

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 1

2017

*ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БЕРЛИНСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ГЁТЕ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ФИЛОСОФИИ*

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Научно-практический журнал

№ 1 • 2017

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования
МОСКВА
2017

INSTITUT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

BERLINER INTERDISZIPLINÄRE GOETHE-UNIVERSITÄT

INTERNATIONAL ACADEMY OF PHILOSOPHY

PHILOSOPHICAL SCHOOL

Scientific and practical journal

№ 1 • 2017

Publishing house
of Institute of Continuous Professional Education

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук.

Члены редакционного совета:

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, заместитель председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России.

БЕЛКИН Анатолий Рафаилович — доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Точные методы в гуманитарных знаниях» Российской академии естественных наук.

ВЕНГЕРОВ Алексей Анатольевич — доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, лауреат премии Правительства Российской Федерации.

ГУРЕВИЧ Павел Семёнович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение».

ЕРОМАСОВА Александра Анатольевна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Сахалинского государственного университета.

ЛИ Андрей Гендинович — доктор медицинских наук, кандидат технических наук, профессор, проректор по научной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте.

МИРОНОВ Георгий Ефимович — доктор исторических наук, профессор, вице-президент «Академии проблем национальной безопасности».

МОИСЕЕВ Александр Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Педагогические науки» Российской академии естественных наук.

ПЕТРЯКОВ Александр Михайлович — доктор теологии, иерей.

СЕНКЕВИЧ Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Президент «Общества дружбы Россия — Индия».

СКОРОБОГАТОВА Елена Анатольевна — доктор психологических наук, кандидат экономических наук, академик Европейской академии естественных наук, проректор по международной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте.

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук.

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств.

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии.

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования.

ШЕЙКИН Владимир Александрович — проректор по связям с общественностью Института Непрерывного Профессионального Образования.

РЕДАКЦИЯ:

Шеф-редактор — **АНТИПОВ Сергей Сергеевич**

Председатель редакционного совета — **ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович**

Главный редактор — **ЧЕРНОВ Сергей Васильевич**

Заместитель главного редактора — **ШЕЙКИН Владимир Александрович**

EDITORS COUNCEL

Chairman of the Council of Editors:

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Doctor of Philosophy, Doctor of Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences.

Members of the Council of Editors:

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophy, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union.

BELKIN Anatoly — Doctor of Juridical sciences, PhD in Physics-mathematical sciences, professor, academician-secretary of a department «Exact methods in the humanities» in Russian Academy of Natural Sciences.

WENGEROV Alexey — Doctor of Engineering sciences, professor, academician in Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation Government award winner.

GUREVICH Pavel — Doctor of Philosophy, Doctor of Philology, professor, chief researcher in department of history of anthropological studies of Institute of philosophy in Russian Academy of Sciences, chief editor in such magazines as «Philosophy and Culture», «Psychology and psychotechnics», «Philology: scientific research», «Pedagogy and education».

EROMASOVA Alexandra — Doctor of Philosophy, PhD in Psychological sciences, associate professor, professor in Department of Psychology of the Sakhalin State University.

LEE Andrey — Doctor of Medicine, PhD in Engineering sciences, professor, vice-rector for scientific work of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität.

MIRONOV George — Doctor of History, professor, vice-president of Academy of Problems of National Security.

MOISEEV Alexander — Doctor of Grand PhD in Pedagogy, professor, academician-secretary in department «Pedagogical sciences» of Russian Academy of Natural Sciences.

PETRYAKOV Alexander — Doctor of Theology, priest.

SENKEVICH Alexander — Doctor of Philology, professor, president of “Society of Friendship Russia-India”.

SKOROBOGATOVA Elena — Doctor of Psychology, PhD in Economic sciences, academician in European Academy of Natural Sciences, vice-rector for international affairs of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität.

SPIROVA Elvira — Doctor of Philosophie, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences.

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophy, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts.

CHERNOV Sergey — Doctor of Philosophy, PhD in Pedagogy, professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology.

SHAPOVALOV Vladimir — Doctor of Pedagogy, PhD in Psychology, professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education.

SHEYKIN Vladimir — vice-rector for public relations of Institute of Continuous Professional Education.

EDITORS:

Editorial director — **ANTIPOV Sergey Sergeevich**

Chairman of the Council of Editors — **PEKELIS Michael Abramovich**

Editor-in-chief — **CHERNOV Sergey Vasil'evich**

Assistant editor-in-chief — **SHEYKIN Vladimir Alexanderovich**

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКЦИИ	10
ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ <i>П. С. Гуревич</i> Конец философии или её возрождение?	11
ФУТУРОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ <i>М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов</i> Старая философия и новая реальность	22
ФИЛОСОФИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ <i>С. В. Чернов</i> Идеально-смысловый критерий гениальности	32
ФИЛОСОФСКАЯ КНИГА <i>М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов</i> Искусство невозможного	44
СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ <i>Э. М. Спирина</i> Труд как феномен культуры	52
ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ <i>С. Н. Труфанов</i> О содержании «трансцендентной эстетики» И. Канта	62
ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ <i>М. А. Пекелис (Михаил Пластов)</i> Иерусалимские свитки: Исторические фантазии на Евангельские сюжеты	74
ФИЛОСОФИЯ И НАУКА <i>А. А. Шильнов</i> Философские аспекты учения о ноосфере и проблемы развития мировой цивилизации	85
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР <i>В. И. Шаповалов</i> Методологические и практические вопросы конкурентоспособности управленческого персонала	93
ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ <i>С. В. Чернов</i> История гениальности в России: Михаил Васильевич Ломоносов (1711-2016)	102
<i>М. А. Пекелис (Михаил Пластов)</i> Бесприютная флейта: О поэзии Арсения Тарковского	123
<i>Ю. В. Лемешева</i> Я ваш поэт. Вл. Маяковский	130

CONTENT

EDITORIAL	10
PERENNIAL PHILOSOPHY <i>P. S. Gurevich</i> End of philosophy or its revival?	11
FUTUROLOGY OF PHILOSOPHY <i>M. A. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov</i> The old philosophy and a new reality	22
PHILOSOPHY OF GENIUS <i>S. V. Chernov</i> Ideal and semantic criterion of genius	32
PHILOSOPHICAL BOOK <i>M. A. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov</i> Art of impossible	44
MEANING OF HUMAN EXISTENCE <i>E. M. Spirova</i> Labor as a cultural phenomenon	52
PHILOSOPHICAL DOCTRINES <i>S. N. Trufanov</i> About a content of the «transcendental aesthetics» by I. Kant	62
PHILOSOPHICAL POETRY <i>M. A. Pekelis (Michael Plastov)</i> Jerusalem scrolls: Historical fantasy on Gospel stories	74
PHILOSOPHY AND SCIENCE <i>A. A. Shilnov</i> Philosophical aspects of the doctrine about a noosphere and problems of development of a world civilization	85
HUMAN FACTOR <i>V. I. Shapovalov</i> Methodological and practical issues of competitiveness of a management personnel	93
CALLED FOR CREATIVITY <i>S. V. Chernov</i> History of genius in Russia: Michael Vasil'evich Lomonosov (1711-2016)	102
<i>M. A. Pekelis (Michael Plastov)</i> Homeless flute: about Arseny Tarkovsky's poetry	123
<i>Yu. V. Lemesheva</i> I am your poet. V. Mayakovsky	130

СЛОВО РЕДАКЦИИ

Медленно, но верно электронный текст съедает печатный. Интернет-журналы растут, как грибы. Время общественного реагирования на любые события в социуме сжимается, как шагреновая кожа. Телевизионные камеры на пожаре раньше пожарных, на войне раньше военных, на месте варварских казней раньше палачей. Летопись дорожно-транспортных происшествий напоминает репортажи с поля битвы, а освещение всенародных выборов практически ничем не отличается от описания забега рысаков на ипподроме, гонки болидов на трассах «Формулы-1» и обзора панорамы страстей на полях футбольных сражений чемпионата мира по футболу. Сиюминутность становится королевой бала, где от каждого требуется немедленное эмоциональное сопереживание.

Однако наблюдается удивительная социальная закономерность. Как говаривал поэт Виктор Коркия: «А то, что губило, в конечном итоге спасло». Вроде бы ещё вчера марксистско-ленинское учение было всесильно, потому что оно было верно, а марксистско-ленинская философия и три составные части марксизма заучивались в хруст и были обязательным атрибутом любого философского дискурса. Это при том, что Христова вера оставалась «оплотом мракобесия», «опиумом народа» и «религией рабов». А сегодня?

Чем больше вчера, тем меньше сегодня. Конечно, диагностировать смерть философской мысли в России ещё рано, но полное равнодушие широких масс и власти к самому процессу философствования уже можно. Недаром, «Институт философии РАН» вышибли из здания в центре Москвы, а тиражи журнала «Вопросы философии» упали в сотни раз. Но восстанавливаются и возвращаются храмы РПЦ и религиозные журналы торжественно заняли место журналов идеологического отдела ЦК КПСС. Сразу же обозначим нашу позицию: возвращаются, и слава Богу, издаются, и прекрасно.

А как же быть с философией? А никак. Философия, как территория общественной мысли между наукой и верой, и как тенденция поиска совершенной истины способна сама о себе позаботиться. Ибо никогда не исчезнет потребность в любомудрии, в неспешном и основательном рассуждении о смысле жизни и главных направлениях развития человечества, ни в гносеологии, ни в герменевтике, ни в философской антропологии.

С этой мыслью адепты философии «Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте» и «Института Непрерывного Профессионального Образования» (Москва) совместно создали Международную Академию Философии, а затем учредили журнал «Философская школа», первый номер которого мы и представляем на ваш суд, дорогие читатели. И свершая этот праведный суд, помните только о том, что этот журнал для тех, кто любит философию и готов пофилософствовать вместе с нами. Журнал — трибуна для самых разных философских школ и суждений. Журнал — школа для тех, кто, как и мы, обращается к Господу и миру со словами: «Мудрости просим». Ибо «Не хлебом единым жив человек».

Концепция журнала. В журнале публикуются статьи по направлениям: философия истории, философия культуры, философия науки, философия образования, философия веры, прикладная философия, а также научно-методологические работы по фундаментальным проблемам человека, природы и общества. При этом, главной темой журнала является тема человека во всём многообразии его проявлений, его настоящего и будущего в нашем быстро меняющемся мире, в котором каждая личность за предельно короткий исторический период, меньший продолжительности одной человеческой жизни, проживает множество мировоззренческих эпох, таких эпох, которые в прежней истории человеческого рода принципиально не изменялись столетиями.

Редакция

ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

П.С. Гуревич

КОНЕЦ ФИЛОСОФИИ ИЛИ ЕЁ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

***Аннотация.** В статье представлена проблема незаменимости философии в человеческом познании. Философия рассматривается как предостережение от необдуманных и опасных экспериментов, способных изменить и сам облик человека и природу человеческого рода. Только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему признанию обязан представить на суд специалистов древние интуитивные предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обострённое метафизическое звучание. Проводится демаркационная линия между философией и наукой. При этом философия определяется как специфическая, глубоко личностная и уникальная форма постижения мира, которая пытается ответить на коренные вопросы человеческого существования, раскрыть общие принципы жизни универсума.*

***Ключевые слова:** философия, наука, человек, метафизика, технократ, любомудр, универсальная проблема, вечная философия, возрождение философии, статус философской антропологии.*

P.S. Gurevich

End of philosophy or its revival?

***Review.** The article describes the problem of indispensability of philosophy in human knowledge. The philosophy is considered as caution from the rash and dangerous experiments that could change both shape of the person and the nature of the human race. Only the wise man is able to warn mankind against infringement of a sacrament of life and death. Only the philosopher thanks to the recognition is obliged to present ancient intuitive cautions, results of huge intellectual work of the thinkers interpreting riddles of life and death on court of experts. Only the philosopher should give the aggravated metaphysical sounding to a problem. The demarcation line between philosophy and science is drawn. At the same time the philosophy is defined as specific, deeply personal and unique form of comprehension of the world which tries to answer radical questions of human existence, to disclose the general principles of life of a universum.*

***Keywords:** philosophy, science, person, metaphysics, technocrat, philosopher, universal problem, eternal philosophy, revival of philosophy, status of philosophical anthropology.*

В наше столетие нередко раздаются голоса о том, что философия отжила свой век. Нужна ли философия в эпоху информационного общества, сложнейших, но эффективных технологий, блистательных достижений науки? Возможно, цивилизация такого типа предполагает совсем другой способ мышления, другую форму всеохватного миропостижения. В культуре XXI века эта мысль «прокручивается» довольно часто.

В минувшем столетии наука обеспечила множество невероятных открытий. С помощью андронного коллайдера учёные пытаются смоделировать возникновение мира, Вселенной. Расшифрован геном человека, появились проекты радикальной реконструкции человека. Люди, судя по всему, вплотную подошли к клонированию живых существ. Начались поиски альтернативных источников энергии. Встреча с инопланетянами рассматривается на уровне социоинженерного проекта. Эксплуатируются новейшие технологии общения. Мир стремительно глобализируется, меняется образ жизни народов. Рождается новая цивилизация.

Но какое отношение все эти успехи науки имеют к философии? Можно ли её считать наукой? Это весьма трудный вопрос. Некоторые философы, например В. Виндельбанд, считают философию наукой.

О возрождении утраченного идеала рациональности, научности в философии говорил и выдающийся немецкий философ Эдмунд Гуссерль. Ему кажется, что элементы науки в философии преобладают. Об этом, в частности, он пишет в своей работе «Кризис европейского человечества и философия».

Однако в общественном сознании нашего столетия всё больше укрепляется другая идея: философия — не наука, это вполне самостоятельная, уникальная форма постижения мира. Философия сохраняет такие черты, которых нет у науки. Можно, вероятно, говорить о том, что философия имеет некоторые признаки науки, точнее сказать — научности. Но чтобы понять философию, надо думать о её своеобразии, непохожести на науку.

Философия имеет дело с предельными, вековечными вопросами. Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Однако она погружена в конкретность, решает множество частных задач. Философия в этом смысле гораздо свободнее. Она задумывается над универсальными проблемами. Эти вопросы иногда называют «метафизическими». Что это означает?

«Метафизика» — это название сочинений древнегреческого философа и учёного Аристотеля. Появилось это слово случайно. После смерти Аристотеля его ученики собрали все сочинения великого мыслителя и разложили их по дисциплинам: «логика», «психология», «метеорология», «наука о животных», «физика» и т. д. Но вот остались трактаты, которые нельзя было отнести ни к одной из наук, но которые Аристотель читал ученикам уже после всех наук, «после физики», как тогда называлось естествознание. Недолго думая, ученики так и назвали эти трактаты — «метафизика», или «после физики». Слово неожиданно прижилось: им стали называть философию. Почему же это так случилось? Может быть, потому, что одно дело — физика, другое — то, что начинается дальше. Ещё совсем точнее: наука — нечто другое, нежели философия. Аристотель рассматривает то, что познаваемо нами только после природы (потому что лежит «позади» неё), но само по себе является первым. Метафизику называют также «первофилософией» со времени поздней античности и средних веков. Предметом метафизики, в частности, являются понятия: бытие, ничто, свобода, бессмертие, Бог, жизнь, сила, материя, душа, становление, дух (мировой), природа. Необходимость раскрыть эти понятия определяет духовный облик человека и составляет тем самым, говоря словами великого немецкого философа И. Канта, «неистребимую потребность человека».

Именно эти метафизические проблемы, которые в современной литературе часто называют гуманитарным знанием, стали в нашем столетии объектом оживленной полемики. В начале XX в. укрепилось новое философское направление — позитивизм. Позитивисты исходят из «позитивного», т. е. данного, конкретного, фактического, устойчивого, несомненного. Вот почему метафизические вопросы сторонники этой ориентации считают теоретически несостоятельными и практически бесполезными.

Например, можно поставить какой-нибудь важный вопрос, скажем, «было ли начало и будет ли конец мира?». На уровне конкретного знания эта проблема постоянно обсуждается и появляется тот или иной ответ. Но наши знания множатся. Этот вопрос возникает снова и снова. С полной уверенностью и до конца на него ответить невозможно. С точки зрения позитивиста, это неоправданный, праздный вопрос. Ведь он не может быть проконтролирован, истинность ответа на него не может быть доказана с помощью опыта. Можно только предполагать, что мир когда-то возник и, наверное, придёт к концу. Но ведь можно прийти и к другому, тоже недоказуемому суждению: мир существовал и будет существовать вечно.

Позитивизм теснейшим образом связан с картиной мира и методами, которые свойственны естественным наукам. Вот почему его сторонники стали пытаться построить философию по меркам науки. Что это означало? Устранить из философии всё, что не носит характер закона, проверенного факта, окончательного утверждения. Увы, в этом случае от философии мало бы что осталось. Но, может быть, это и есть путь к более строгому и полезному знанию? Нет, такой путь годится для науки, но не для философии.

Коли так, то прагматисты пришли к убеждению, что наука способна потеснить философию. Позже идея верховенства точного знания как последней истины завладела учёными. Наконец, и сами философы стали сомневаться в универсальности любомудрия. Прагматичному веку некогда рассуждать о том, что не связано со сложными, проблемными ситуациями. Дай Бог пережить кризисный момент... В своё время я слушал в Сеуле на международном конгрессе по футурологии почётного президента Римского клуба Александра Кинга. Он говорил о том, что сегодня неостребованной оказалась не только философия. Людям, как выяснилось, не свойственна самая обыкновенная дальновидность. Политики

занимаются текущими вопросами, пренебрегая стратегическим мышлением. Технократы пытаются изо всех сил разогнать локомотив современной цивилизации. Пусть мчится по рельсам навстречу неизбежной гибели? Как спасти человечество?

Эти вопросы — очень неуместные и неудобные для технократа и политика-прагматика — задаёт уже философ. Неудивительно, что его вопрошания воспринимают как назойливые и несвоевременные пророчества Кассандры. Помните, была такая вещунья, предупреждавшая о гибели Трои, которая так всем надоела, что её объявили безумной. Вот и философа ныне объявляют таким безумцем. А что такое философия вне ума, как не то, чего просто нет? Каково же место философии в современном мире? Не станет ли пренебрежение к ней самой неожиданной из всех прогнозируемых катастроф?

«Поистине трагично положение философа». Это слова Николая Александровича Бердяева. «Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищённая сторона культуры» [1, с. 23]. Последняя фраза просто великолепна по отточенности формулировки... Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает муки одиночества, страх перед смертью, напряжение душевной жизни. Мистика чарует возможностью глубинного, обострённого богообщения. Она даёт надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустроивает людей, продлевает им жизнь.

Философия же, напротив, нередко отбирает у человека последнее утешение. Она выбивает индивида из жизненной колеи, безжалостно предлагая ему жестокие истины. Философия — это опыт предельно трезвого мышления, практика разрушения религиозных и иных, например, социальных, иллюзий. Ей по самому своему предназначению приходится разрушать обустроенность, сталкивать человека с трагизмом жизни. Свет разума подчас выявляет многие тёмные стороны нашей жизни, но требовать от него освещения квартиры всё-таки, наверное, не стоит. Электрическое освещение, само собой понятно, непосредственно от философии не исходит.

Что касается тайн мироздания, их загадочной, мистической природы, то философия в силу своей рассудочности пытается промыслить их до самого основания. Так рождается ещё одна формула философии: «В сущности говоря, вся философия есть лишь человеческий рассудок на туманном языке...». Она принадлежит Гёте. Зачем, однако, человеческий рассудок постоянно выражает себя на туманном языке? Разве ему недостаёт других форм самовыражения? Может быть, в результате философ обретает какие-то окончательные истины? Ничуть не бывало. Если бы Любомудр добрался до неких последних установлений, он бы бесповоротно исчерпал собственное ремесло. В том-то и парадокс, что философ размышляет над проблемами, которые не имеют конечного решения. С той же последовательностью, с какой червь прядёт шёлковую нить, мыслитель вытягивает из сознания всё новые и новые парадоксы, заведомо зная, что они никогда не будут разгаданы. Странное, вообще говоря, занятие.

Может быть, отказаться от этой причуды? Сколько раз просвещённые умы советовали поступить именно так! Зачем туманное возвешение, когда наука развёртывает свой бесконечный потенциал? К чему отзывчивость к абстракции при наличии богословия? Какой смысл в накоплении мудрости, в которой нет ничего постижимого, бесповоротного? Философию критикуют с разных сторон и всё время пытаются вытолкнуть из культуры. Много ли, мол, проку от этой праздности?

Однако философия обнаруживает странную живучесть. Она выстояла против атак позитивистов. Доказала свою уникальность, прочность. Человек постоянно множит метафизические вопросы. Когда же рождается относительная ясность, он немедленно затемняет её новым противоречием, ещё одним измышлением. Зачем? Чтобы получить ответ? Но ведь философ на это совершенно не рассчитывает. Несмотря на яростные споры, суть которых я здесь изложил, со всей убеждённости полагаю, что философия — это не наука...

Однако человек — философ от рождения. Философия совсем иной, нежели наука, весьма эксцентричный способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что зачарован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рождён философом. Но тогда чем продиктованы жалобы Бердяева? Культура, как выясняется, не может в равной степени поддерживать все стороны человеческой жизни. Она, можно полагать, ищет более надёжные опоры, нежели метафизические зигзаги мысли. С другой стороны, и сам человек, разгадывая собственную природу, видит перед собой зыбкий, неустоявшийся образ. Он страшится признаться себе, что именно эта поразительная способность к рефлексии и есть самое ценное в нём.

«Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит в себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле» [6, с. 207]. Слова эти принадлежат мыслителю эпохи Возрождения Мишелю Монтеню, однако похоже, будто сказано это в наши дни. Да, в наши дни, когда, как кажется, мир перебрался в новое тысячелетие, оставив любомудрие за бортом.

Публицистов волнуют сегодня политические распри, бюджетные хитрости. Политики опираются не на мудрые максимы, а на популистские мотивы. Общественное сознание утрачивает глубину и культурные корни. В годы тоталитаризма лидеры, издав очередное постановление, вещали: только время способно выявить истинный и непреходящий смысл принимаемого решения. Пустота набрасывала на себя философский убор. Власть имущие в наши дни убеждены, что назначение философии именно в том, чтобы обслуживать каждый изгиб конъюнктурной политики. Интеллектуальная честность и независимость редко привлекает сторонников.

Философию теснят отовсюду. Представители точных наук, замороженные грандиозными открытиями нашего века, полагают, что проникновение в ядро клетки важнее отвлечённых размышлений. Однако разумно ли, не сдерживая себя философской осторожностью, извлекать из вещества огромные фантастические энергии, не имея развёрнутой картины мира? Проникновение в глубины клетки, судя по всему, должно сопровождаться философской осмотрительностью.

Последствия чернобыльской катастрофы столь внушительны и долгосрочны, что один мудрый современник сказал: не исключено, что дата взрыва может стать основой для нового летоисчисления: до и после Чернобыля. Учёные достигли огромных успехов в познании генной природы человека. Ведутся эксперименты по сращиванию генов, которые дают поразительные результаты. Однако опять звучат голоса предостережения. Зачем нужны существа-химеры, которых не было в природе? К чему может привести бесконтрольное баловство с генами? Не исключено, что начнётся длительный ряд мутаций, который преобразует всё живое. Человек станет жертвой собственных экспериментов. Мнимое господство над природой обернётся жутким поражением. Трезвая экспертиза науки возможна только в философии. Само собой понятно, что философия вовсе не выполняет функцию некоего интеллектуального полицейского, ибо внутри философии нет единой точки зрения по фундаментальным вопросам.

Несколько лет назад по телевидению выступала известный отечественный физиолог академик Н. П. Бехтерева. Она сказала, что в её лаборатории нашли средство, которое позволяет, воздействуя на определённые части мозга, многократно усилить интеллектуальные ресурсы человека. Казалось бы, надо радоваться. Вот вам мой мозг, гони импульсы. Однако исследовательница неожиданно сказала: мы наложили запрет на эти эксперименты... Вот тебе раз! С чего это вдруг? Скорее всего, сыграла свою роль философская подсказка... Наивно думать, что философия на всё накладывает запрет, но она всё же предостерегает.

Выходит, философия только тем и занимается, что вразумляет людей. Люди науки бесстрашно проникают в лабиринты познания, а любомудры увещивают, советуют, предостерегают. Не пытаются ли они остановить колесо истории? Да, человеческую мысль остановить нельзя. Это верно. Но проблема гораздо сложнее. В арсенале философов огромный интеллектуальный материал, накопленный за тысячелетия. Нарботаны различные навыки мышления, представлены разнообразные интеллектуальные традиции. Нельзя остановить мысль, но нельзя и оставить её плоды на обочине. Зачем тогда вообще мысль?

И всё-таки философской рефлексии постоянно ставится некий предел. Философское возвешение оценивается как удел стародумов. Утрачивается и без того зыбкое представление о специфике философского мышления. Парадоксально, но стремительное развитие гуманитарного знания даёт тот же эффект. Обогащение истории, психологии, социологии и других дисциплин подрывает верховенство философии.

Герберт Уэллс, выдающийся английский фантаст, в начале XX в. высказал догадку: пожалуй, господствующей наукой грядущего столетия будет психология. Не станем оспаривать экспертизу фантаста. Возможно, он близок к истине. Однако неужели только психология обещает стать всеобъясняющей наукой? Разве не являемся мы сегодня свидетелями ренессанса историзма? А глобальные претензии социологии или, скажем, культурологии? Положение философа действительно трагично... Многие сравнивают его с королём Лиром, разделившим царство между наследниками и оставшимся без угла.

В наши дни ведущие исследователи культуры, политологи усилили внимание к изучению неразгаданных тайн социальной динамики, к распознаванию механизмов общественного развития. При этом,

естественно, возник соблазн понять историю без философии, или, точнее сказать, с помощью непрофессионального любознания. Одному мнится, что тайна тоталитарных режимов гнездится в сексуальной неудовлетворённости подростка, будущего диктатора. Другому кажется, что в человеческой летописи легко просматривается эффект маятника. Вот почему, к слову, Россию постоянно-де бросает от вольницы к деспотии...

Для глубинного понимания тончайших оттенков человеческой истории важны и психоаналитические методики, и пронизательные наблюдения за «приливами» и «отливами» в политической жизни, но неужели столь обыкновенное напряжение мысли может раскрыть тайну истории? Ту, что принадлежит к числу метафизических, вечно возобновляемых проблем. Иной подход к этой теме чреват возмездием. Нужны ли иллюстрации? Ведь отцы-основатели марксизма, к примеру, уверовали, будто окончательно ухватили путеводную нить истории.

Однако нет ли в этих рассуждениях расхожего философского высокомерия? Не реализуется ли здесь древнее поползновение философии быть матерью всех наук? Речь идёт совсем об ином — о сохранении статуса философии, на который посягают едва ли не все. Конечно, по словам Аристотеля, философии надлежит исследовать «первоначала и первопричины». В этом специфика философской мысли, а не её гордыня.

Философия в её собирательном смысле состоит из концепций, которые создали различные мыслители. Это занятие глубоко личностное. Прежде всего мы персонифицируем философию по именам. Говорим: «Философия Платона», «Так считал Кант», «Концепция Виндельбанда», «Толпа никогда не станет философом». Мы помним, последнее — это слова великого Платона.

Кое-кто скажет: но ведь и в науке те или иные открытия связаны с именами. Мы говорим «закон Бойля-Мариотта», «концепция Дарвина», «палочки Коха». Это, разумеется, так. Однако учёные раскрывают определённые закономерности, открытие которых подготовлено всем развитием науки. Не будь Лавуазье, химическое открытие сделал бы другой учёный. Так это и происходило в науке. Закон сохранения вещества сначала открыл Ломоносов, а затем — Лавуазье. Дифференциальное исчисление одновременно открыли Декарт и Ньютон. Неэвклидова геометрия создана Лобачевским, Риманом, Бойли и Гауссом. Примеры можно множить. Иначе в философии. Философский труд всегда выражение одарённой личности. Никто вместо Аристотеля не написал бы его «Метафизики». Без Декарта не было бы «Рассуждения о методе». Только Сартр мог быть автором «Бытия и ничто». Эта симфония разума не анонимна. Она есть выражение глубочайшего личностного творчества.

Попробуем представить ситуацию, которая наглядно продемонстрирует незаменимость философии. Совсем недавно биологи открыли ген, который несёт в себе завершение жизни природного организма. Именно в нём заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к гибели. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера его можно выжечь. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что в кругозоре биологии проблема выглядит предельно ясной...

А в доминионе философии? Может быть, только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему признанию обязан представить на суд специалистов древние интуитивные предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обострённое метафизическое звучание.

«Вечная философия»

Что такое «вечная философия»? Это такое понимание человеческого сознания, которое выражает основные прозрения философской мысли. Данный термин употреблялся в католической философии с начала неосхоластики и восходит к произведению Стехуса Эвгубинуса «De Philosophia perennis», термин, означающий основы всякой философии, незыблемость философских догм. У Г. Лейбница *philosophia perennis* — идущая от древних и получившая всеобщее распространение истина. К. Ясперс называет «вечной философией» мысли некоторых философов о времени.

Прошло более двадцати пяти столетий с тех пор, как впервые так называемая вечная философия получила письменное оформление. В течение всего этого времени она в той или иной форме проявлялась более или менее полно. Вечная философия говорит почти на всех восточных и европейских языках

и использует терминологию и традиции каждой из великих религий. Чистое состояние вечной философии может быть только в акте созерцания, выходящем за пределы слов и самой личности [см.: 9].

Научное мышление в современной медицине, психиатрии, психологии и антропологии представляет собой прямое продолжение ньютоно-картезианской модели Вселенной, созданной в XVII столетии. Поскольку в физике XX в. трансцендированы все основные допущения этого мировоззрения на реальность, вполне естественно рано или поздно ожидать глубоких изменений во всех дисциплинах, являющихся её непосредственными производными.

Многие явления, загадочные и необъяснимые с точки зрения механической науки, представляют гораздо меньшие трудности, если подходить к ним в духе квантово-релятивистской физики, теории систем и информации, кибернетики и недавних открытий нейропсихологии и биологии. Современные исследования сознания поставляют многочисленные свидетельства, поддерживающие мировоззрение великих мистических традиций. В то же время революционное развитие других научных дисциплин в корне подрывает и дискредитирует механическое видение мира, сужает разрыв между наукой и мистицизмом, казавшийся в прошлом абсолютным и непреодолимым.

Интересно, что многие великие учёные, произведшие революцию в современной физике — Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Эрвин Шредингер, Вернер Гейзенберг, Роберт Оппенгеймер и Дэвид Бом — находили своё научное мышление вполне совместимым с духовностью, с мистическим мировоззрением. В последние годы всё большее сближение науки и мистицизма обсуждается во многих статьях и книгах.

Чтобы продемонстрировать совместимость и взаимодополнительность мировоззрения, возникшего в квантово-релятивистской физике, и наблюдений, полученных в ходе исследования сознания, обратимся к книге Фриггофа Капры «Дао физики» (1975). Прежде всего, сосредоточим внимание на интересную параллель — возможно, не просто по совпадению, а по глубокому смыслу. Ньютоно-картезианская модель была адекватной и даже весьма успешной до тех пор, пока физики исследовали явления в мире повседневного опыта, или в «зоне средних измерений». Как только они начали совершать экскурсии за пределы обычного восприятия в микромир субатомных процессов и в макромир астрофизики, ньютоно-картезианская модель стала непригодной, возникла необходимость её преобразования. У науки, которая принимает в расчёт свидетельства необычных состояний сознания, нет другого выбора, кроме как освободить себя от узких рамок ньютоноо-картезианской модели.

Революционные изменения в физике, ознаменовавшие конец ньютоновской модели, начались в XIX в. экспериментами Фарадея и теоретическими разработками Максвелла по электромагнитным явлениям. Усилиями этих двух естествоиспытателей возникло новое понятие силового поля, заменившее ньютоновское понятие силы. В отличие от ньютоновских сил, силовые поля можно исследовать вне связи с материальными телами. Это было первым значительным отклонением от ньютоновской физики. Выяснилось, что свет — это быстро изменяющееся электромагнитное поле, волнами распространяющееся в пространстве. В основанной на этом открытии общей теории электромагнитных колебаний удалось свести различия между радиоволнами, видимым светом, рентгеновскими лучами и космическим излучением к разнице в частоте. Все эти явления объединились под названием «электромагнитные поля». Однако ещё долгие годы электродинамика оставалась под закланием ньютонианского мышления. Электромагнитные волны считались вибрациями очень лёгкой субстанции, называемой «эфиром». А. Эйнштейн первым ясно высказался за то, что электромагнитные поля существуют сами по себе и способны распространяться в пустом пространстве.

Первые десятилетия прошлого столетия принесли неожиданные открытия в физике, потрясшие основы ньютоновской модели вселенной. Краеугольным камнем этого развития стали две статьи, опубликованные Эйнштейном в 1905 г. В первой он сформулировал принципы своей специальной теории относительности, во второй предложил новую точку зрения на природу света — позднее физики дружно переработали её в квантовую теорию атомных процессов. Теория относительности и новая теория атома опровергли все базисные концепции ньютоновской физики — абсолютность времени и пространства, неизблемость материальной природы пространства, дефиницию физических сил, строго детерминированную систему объяснения и идеальное объективное описание явлений, не учитывающее наблюдателя.

Философия — кладёшь всяких возвещений, многие из которых вообще не имеют под собой теоретических оснований. Подчас эти откровения наивны, лукавы, безрассудны, оскорбительны для здравомыслия. Но если пресечь эту фонтанирующую мощь воображения, человек перестанет быть самим собой. Оскудеет и его разум. Сознание утратит собственный метафизический потенциал.

Попробуем теперь дать краткое определение философии. Можно сказать, что это специфическая, глубоко личностная и уникальная форма постижения мира, которая пытается ответить на коренные вопросы человеческого существования, раскрыть общие принципы жизни универсума, философствование — органическая черта человека.

Размытый статус

Пожалуй, ни одна философская проблема современности не требует столь неотложного решения, как статус философской антропологии. Само её существование поставлено под сомнение. В самом деле, чем должны заниматься специалисты данной области знаний, если «человек умер»? Изначальный философско-антропологический проект М. Фуко был неплохо вписан в классическую традицию. Однако вскоре он приступил к критике её основных канонов. Прежде всего, он обращается к темам отрицательности человека, устраняя знаки различия между психологией и психиатрией. Затем он приходит к убеждению, что без критики антропологической иллюзии не обойтись. Кант имплантировал её в философию. Но она уже не в состоянии избавиться от заблуждения теми средствами, которые свойственны ей на данном этапе.

Именно эти размышления Фуко привели его к переоценке статуса не только психологии, но и самой философской антропологии. Став одной из гуманитарных наук, эта область философского знания оказалась в западне. Но как вывести её из сновидческого состояния? Фуко вооружается методологической установкой «смерти человека». Однако стремление сбросить путы «всех философских антропологий» возымело эффект бумеранга. Прокламируя превосходство анализа над синтезом, объекта над субъектом, мыслимого над мыслящим, антропологи провозгласили торжество различий. Прежний предмет философской антропологии — человек стал утрачивать очертания, размываться, замещаться «следами», деталями. Историки философии немедленно отнесли сведения о человеке к маргинальным территориям. Вот, к примеру, фундаментальный труд отечественного философа А. Ф. Зотова «Современная западная философия» [4]. Автор выстраивает широкую панораму современных философских направлений. Но философской антропологии в этом спектре не оказалось. Да и сама проблема человека в этом учебнике отсутствует.

Отчего так? Суть в том, что философская антропология потеряла свой канонический облик. При этом, что ни одна область философского знания, судя по всему, не утратила свой предмет. Натурфилософия по-прежнему занимается природой. Этика сохраняет различные представления о нравственности. Логика, как и положено, остаётся учением о последовательности и методах познания. Социальные философы размышляют о специфике общественной организации и об её динамике. Но философская антропология по сути дела оказалась в беспредметном пространстве. После десяти тысяч лет истории, человек впервые стал целиком и полностью проблематичным. Он уже не знает, что он такое, но знает об этом незнании.

Разумеется, некоторые сходные процессы затронули и другие сферы философского знания. Так, в теории познания укоренился релятивизм, что привело к умалению самого понятия знания. В эстетике «безобразное» заменило феномен красоты. В социальной философии размылось представление о её предмете, поскольку общество предстало как продукт деперсонализированных сил и тенденций.

В этих условиях философская антропология пережила множество неожиданных превращений. В ней, прежде всего, произошёл галактический взрыв: она «распалась» на необозримое число «антропологий»: политическая, культурная, социальная, педагогическая, религиозная. Этот процесс не получил завершения. Дробление философско-антропологического знания продолжается в виде различных «подходов» и «опытов» [см., к примеру: 15]. Отчётливо заявила о себе специализация философско-антропологического знания по направлениям и методам. Сегодня исследования ведутся в рамках «психоаналитической антропологии» (З. Фрейд, Ж. Лакан), «экзистенциальной антропологии» (Л. Бинсвангер, М. Босс, К. Ясперс), «юнгианской антропологии» (Л. Коуэн), «структурной антропологии» К. Леви-Строса, «феноменологической антропологии» (М. Шелер, М. Мерло-Понти), «трансперсональной антропологии» (С. Гроф, К. Уилбер).

Классики психиатрии долгое время тщательно огораживали разум от неразумия. Люди ещё в начале минувшего века надеялись, что разум своей всепроникающей мощью устранил зло современного мира. Первая мировая война развеяла эти иллюзии. Оказалось, что человечество было вовлечено в бойню,

которую не хотел ни один народ. Однако война разразилась, показав, что человеческий род вполне может истребить сам себя. Это едва ли не первое провозвестие грядущего апокалипсиса. Какое зловещее открытие минувшего столетия! Человек, оказывается, поступает безотчётно, не соотносясь с резонансами разума. Его психика — просто огромное вместилище полуосознанных тревог, вязких страхов. Достаточно пустячного повода — и ужас охватывает всё существо человека.

Сегодня философы и психологи всё чаще начинают подчёркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского вздора. Наконец, в постмодернизме обнаруживается неумеренное увлечение алогичностью. Но ведь бесспорно, что человек является единственным на свете существом, которое может жить в ситуации абсурда. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

Без философско-антропологической мысли здесь не обойтись. Человек выступает и как форма жизни, и как общественное существо, и как мыслящее создание, и как дух. Он не животное, но он и не ангел. Искусство как раз и призвано отразить все эти метаморфозы человеческого существования. Стремление к постижению целостности человеческого бытия, разумеется, просматривается во все века. Однако в силу логики культурно-художественного процесса увлечение отдельными гранями человеческого бытия неизбежно. Для тянущегося к Богу человека средневековья теряет свою значимость завораживающая человеческая плоть. Для Ницше, оскорблённого всевластием рационалистической традиции, витальность человеческого существа, напротив, становится безоговорочной ценностью.

Судя по всему, именно М. Шелер заявил о том, что человек для самого себя стал проблемой. В работе «Человек и история» он писал о том, что человек оказывается проблемой для самого себя, когда задаёт себе вопрос о смысле собственного существования, границах своего бытия, об отличии от себе подобных, от всех живых существ. Но в чём же источник проблемы? Ф. И. Гиренок пишет: «Главное в том, что сознание испарило душу, умертвило инстинкты, чувства и эмоции. На их месте остались “вмятины”, антропологические пустоты» [2, с. 42]. И далее: «Знание природы своей тяжестью раздавило мировую иерархию. Человек лишился привилегий. Он сам себя их лишил. И вот уже нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. И место человека не определено. Он потерял свою сущность, то, что от Бога. Что не нуждается во времени. Поэтому он стал испытывать нужду во времени. Погрузился в сферу субъективного, временного, непрочного. Вся эта временность человеческого существования была предъявлена человеку экзистенциалистами» [2, с. 42].

Можно ли определить человека? Нет, окончательное суждение о человеке также невозможно. Человек обладает открытой природой. Он находится в авантюре самораскрытия. Все определения связаны с сущностью, «с как бы определённой бесконечностью, а ведь эту бесконечность ещё надо пройти. Человеку ещё нужно жить. Поэтому экзистенциально человек хватается, как за соломинку, за “здесь и теперь”» [2, с. 42–43].

С. С. Хоружий тоже обозначает дистанцию по отношению к постмодернизму. Он пишет: «Из других областей гуманитарного контекста теснее всего нас касается *топос антропологии*. Несомненно, он тоже из самых существенных как для “времени разрыва”, так и для предшествующего “времени утрат”. Постмодернистской зачистке с вынесением смертного приговора подвергнут был не только субъект, но и человек. Однако загробная судьба двух концептуальных персонажей была разной, ибо за человеком, в отличие от субъекта, не стояло столь же отчётливой концептуализации. Поэтому, хотя “смерть человека”, объявленная в 1966 г. в финале “Слов и вещей” Фуко вызвала много больше шума, чем “смерть субъекта”, но во всём этом шуме оставалось весьма неясным, в чём же шум, смерть — кого?» [12, с. 17].

Из рассуждений С. С. Хоружего следует, что крайне важно восстановить в правах человека как предмет философской антропологии. Он также призывает к продумыванию самой антропологии как курса и дисциплины. Однако на чём строятся эти дискурсы? По мнению С. С. Хоружего, твёрдые принципы при этом отсутствуют. Но в чём же специфика подхода к человеку у С. С. Хоружего? Он относит к сфере антропологии любые описания и исследования «антропологических проявлений»: проявлений человека как отдельного существа, в отличие от его «общественных», т. е. социально окрашенных — политических, юридических, хозяйственных и т. п. — проявлений (разграничение с социальными науками) [12, с. 18].

С.С. Хоружий обращается к понятию «практик». Они разделяются на антропологические и социальные. Изучение антропологических практик принадлежит антропологии. Однако ей не принадлежат плоды этих практик, создаваемые в интеллектуальных и художественных практиках человека. Состояние современной философской практики С.С. Хоружий оценивает как кризисное. Он указывает на отсутствие какого-либо общепризнанного базового понимания антропологии и её предметных границ.

Особый вариант философско-антропологической мысли разрабатывал Я.В. Чеснов. Он отмечал, что в философско-антропологической парадигме ландшафт высокого статуса принято называть *сакральным*. Для гуманитарной мысли постнеклассического времени характерно, по его мнению, обращение к неформальным способам организации интеллектуального труда. Я.В. Чеснов показывал, что человек, освобождаясь от рутинной социально-нормативной зависимости, не теряет связей с людьми, сохраняет отношения по поводам эмпатии и отчуждения, знания и незнания, правды и лжи, наконец, по поводу веры. Все эти отношения территориально размещены. Такой аспект человеческих отношений внутри сообщества имеет ценозный характер.

В последних работах Я.В. Чеснов приближался к уточнённому понятию — антропоценоза. Говоря упрощённо, когда мы объединяем виртуальное пространство с культурно значимым, получаем антропоценоз. Он описывается динамичным пространством, состоящим из людей, вещей и событий, с которыми у человека возникают персональные неформальные отношения. Каждый из нас находится в своём интимном мире. Его мы создаём когнитивно и самостоятельно. Структура антропоценоза состоит из самоценного ядра, размещённого в личном локусном ландшафте, который окружён поисковым маршрутным пространством. Раскрыть данное понятие можно только с помощью философско-антропологического подхода. В обобщённой формулировке антропоценоз и есть философия индивидуального человека [15].

Я.В. Чеснов подчёркивал, что М. Хайдеггер повседневное бытие самости видел в заботе об отличии от другого и в хранении этой дистанции [13, с. 124]. Он полагал, что антропоценозы слабо исследованы. Научный интерес до сих пор сосредоточен на консервативных макролокальностях вроде государства, цивилизации, географических регионов. Он же делал попытку найти другую локальность. Я.В. Чеснову пришлось, идя от этнографической регионалистики, обратиться к архаическим способам освоения пространства.

Горизонты философской антропологии

За последние десятилетия философская антропология обогатилась множеством поразительных открытий. Эти выводы нередко оцениваются негативно, как предумышленный отход от классического мышления. Однако нельзя не заметить, что в процессе расчётов с классикой возникают и новые открытия, столь важные для развития философии в целом. Скажем, критика трактованного Декартом субъекта и его субъект-объектной парадигмы во многом эпатировала гуманитарную общественность концепциями «смерти субъекта», «смерти человека», устранением различных структурных образований личности, размыванием процесса идентичности.

Но вместе с тем философия не только демонстрирует крушение многих классических представлений. Философская антропология наполняется новыми смыслами, констелляциями, драматургическими узорами. Нет никаких оснований ставить вопрос о полном отречении от классических парадигм мышления. Но можно говорить о нарождающейся плодотворной перекличке новейших философско-антропологических конструкций с классическими философскими подходами. В 1991 г. под редакцией Ж.Л. Нанси вышел коллективный сборник «Кто приходит после субъекта?». 19 участников этого проекта изложили своё понимание тем, связанных с субъектом и субъектностью. Нельзя не обнаружить при этом коренного преобразования данных проблем.

Поздние работы М. Фуко, его курс «Герменевтика субъекта» открыли новые горизонты философско-антропологической рефлексии. В новейших дискуссиях возникает образ «сообщества без субъекта», некая сеть сингулярностей, каждая из которых подводит других дивидумов к их пределу, обязывает ощутить собственную конечность [7, с. 268]. Каждая из этих сингулярностей может быть обозначена лишь как аноним, безымянный Никто. Деконструкция ктойности имеет ясно обозначенный вектор — сходность с буддийским ходом мысли, с буддийским пониманием действительности. Эссенциалистская трактовка субъектности, связанная с исканием предзаданной и вневременной природы человека,

уходит. Стремление философов дать наиболее удачное и адекватное определение человеческой природы — событие прошлого.

Нанси размышляет: «Что такое быть человеком?». И отвечает: быть человеком означает не располагать никакой сущностью. «Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот “человек” должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику. Ибо для нас ... такая сущность действительно просто исчезла» [8, с. 151–152]. Всё «беспощаднее» по сути становится представление о том, что человек в его целостности остаётся в пределах непостижимого. Однако в рамках данной презумпции не утрачивается основной пафос философско-антропологических изысканий. Открываются новые, подчас неслыханные грани человеческого бытия. Оказывается внятным и допущение, что только присутствие человека в мировом бытии позволяет сохранять потребность человечества в философии как роде занятий.

Дезавуации подверглась не только субъектность. Карающая десница настигла и человека. Это тема «смерти человека», хотя и не вызвала столь бурной реакции после того, как была озвучена М. Фуко. «Наличное состояние топоса антропологии, — пишет смерти человека С. С. Хоружий, — хорошо соответствует идеям Делёза, который, создав сам целое множество разработок, явно принадлежащих к антропологии, принципиально избегал их сведения в некий интегральный “опыт антропологии”. В согласии с базовой для его мысли парадигмой складки, все эти отдельные вклады в антропологию, отдельные черты или блоки антропологической реальности имеют природу “складок и изгибов” — а все подобные образования существенно сингулярны, они ни во что меж собой не складываются и не образуют никакого единства» [14, с. 19].

В то же время именно в антропологическом ракурсе возникают такие ходы мысли, которые выдвигают данную философскую дисциплину на особое место в гуманитарном познании. И. П. Смирнов, в частности, пишет: «*Антропология — наука наук о человеке, долженствующая взять под своё идейное покровительство и социологию, и психологию*» [10, с. 238]. Итак, в нашем исследовании нам стоит затронуть ещё один аспект: как эпоха влияет на постижение человека. Мандельштам писал о двух возможных типах социальной организации человеческого сообщества, двух типах социальной архитектуры: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает своё величие его уничтожением и ничтожеством. Но есть другая социальная архитектура, её масштабом, её мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтожестве личности строит она своё величие, а на высшей целесообразности в соответствии с её потребностями» [5, с. 205]. Антропологические идеи рождаются, расцветают, умирают и воскрешаются в новом историческом контексте.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
2. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 235 с.
3. *Гуревич П.С.* Философия. Учебник для психологов. 2 изд-е. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2007. 1128 с.
4. *Зотов А.Ф.* Современная западная философия: учебн. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 567 с.
5. *Мандельштам О.* Гуманизм и современность // *Мандельштам О.* Соч.: в 2 т. Т. 1. Проза, переводы. М.: Художественная литература, 1990. С. 205–207.
6. *Монтень М.* Опыты: в 3 кн. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 567 с.
7. *Нанси Ж.-Л.* Нанси Жан-Люк // Современная западная философия. М., 1998. С. 268.
8. *Нанси Ж.Л.* Сегодня // *Ad Marginem 93.* Ежегодник Лаборатории постклассических исследований. М.: ИФ РАН, 1994. С. 148–164.
9. Пути за пределы «эго». Трансперсональная перспектива / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. 317 с.
10. *Смирнов И.П.* Creatio negationis // Человек. RU. Новосибирск, 2007. С. 238.
11. Философия и этика: сборник научных трудов: к 70-летию академика А.А. Гусейнова / Отв. ред. и сост. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009. 797 с.
12. Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Сост., общ. и научн. ред. С.С. Хоружего. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 927 с.
13. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Изд. 3-е, испр. М.: Академический Проект, 2011. 447 с.
14. Хоружий С.С. Введение: проект и контекст // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Сост., общ. и науч. ред. С.С. Хоружего. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 8–72.
15. *Чеснов Я.В.* Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 495 с.

ФУТУРОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ

М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов

СТАРАЯ ФИЛОСОФИЯ И НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

***Аннотация.** В статье рассматривается особый вид творчества — философское творчество, выделяются его специфические особенности. Одна из особенностей философского творчества заключается в том, что оно, используя научный аппарат в качестве инструмента, всё же носит глубоко субъективный характер. Другая особенность философского творчества состоит в том, что почти каждая новая философская система декларирует с одной стороны свою полноту и завершенность, с претензией на окончательное, бесповоротное и исключительное объяснение всего сущего, а с другой стороны явную несостоятельность всех предшествующих философских систем. Рассматриваются «старые» и «новые» философские концепции, могущие определить будущее развитие философской мысли. В своих новых изысканиях философия проблематизирует то, что до её вмешательства казалось непроблемным, завершенным и законченным. Причём, различные направления философской мысли по-разному видят будущее философии. Автор утверждает, что в будущем человека ждёт так называемая «нереальная реальность». Ростки будущего, посеянные в прошлом, прорастают через настоящее. Ставится задача развития такого важного направления философской мысли, как футурология самой философии.*

***Ключевые слова:** философия, философское творчество, наука, интернет, алфилософия, нереальная реальность, абсолют, философская антропология, философия будущего, футурология.*

М. А. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov

The old philosophy and a new reality

***Review.** The article describes the special type of creativity that is philosophical creativity and its specific features. One of features of philosophical creativity is that it uses the scientific device as a tool and nevertheless has deeply subjective character. Other feature is that almost each new philosophical system declares on the one hand the completeness and completeness, with a claim for a final, irrevocable and exclusive explanation of all real, and on the other hand obvious insolvency of all previous philosophical systems. There are considered «old» and «new» philosophical concepts which are able to define future development of philosophical mind. In the new researches the philosophy considers problems which seem completed and finished before its intervention. Various directions of philosophical mind differently see the future of philosophy. The author claims that in the future the person is waited by «unreal reality». The future sprouts seeded in the past sprout in the present. The task of development of such important direction of philosophical mind as futurology of the philosophy is set.*

***Keywords:** philosophy, philosophical creativity, science, Internet, alphilosophy, unreal reality, absolute, philosophical anthropology, future philosophy, futurology.*

До основания, а затем...

Творческий процесс всегда был в центре внимания философии [1]. Как правило, исследователей интересовали вопросы инициации творчества, его интенсификации, регулирования целеполагания творческой активности [2]. Подробно рассматривались условия зарождения новой идеи и становления доказательств её правильности. Частично такие эпизоды мифологизировались. Яблоко, которое упало Ньютону на голову, прежде чем он открыл Закон Всемирного Тяготения. Периодическая таблица

химических элементов, приснившаяся Дмитрию Ивановичу Менделееву, примеры можно множить и множить.

Представляется, что зарождение новых философских идей, школ и теорий также вид творчества. При рассмотрении такого вида творчества проявляются, как черты роднящие его с другими направлениями творческой активности, так и специфические. Говоря философскими категориями, в процессе философского творчества, по сравнению с другими творческими процессами, есть «частное» и «всеобщее», «типическое» и «особенное».

Одна из особенностей философского творчества заключается в том, что оно, используя научный аппарат в качестве инструмента, всё же носит глубоко субъективный характер. Новые философские системы зачастую носят имена своих создателей: философии Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля. Правда и в этом нет никакой закономерности. Так Святой Ансельм Кентерберийский справедливо считается отцом схоластики, но исторически не удостоился присвоения этому учению своего имени. То же самое касается и такого великого философа, как Апостол Павел, без трудов которого христианство так бы и осталось побочным ответвлением иудаизма.

Другая особенность философского творчества состоит в том, что почти каждая новая философская система декларирует с одной стороны свою полноту и завершенность, с претензией на окончательное, бесповоротное и исключительное объяснение всего сущего, а с другой стороны явную несостоятельность всех предшествующих философских систем. Иногда, как в случае с марксистско-ленинской философией, дело доходит до трагического гротеска.

Представляется возможным предположить, что существует некоторая общая закономерность, которую можно, весьма условно, обозначить как закон информационно-эмоциональной энтропии. Чем меньше информации об объекте или процессе, или системе, тем выше градус эмоций, связанных с неопределённостью сопутствующих суждений и действий. В этом плане можно видеть, что расцвет поэзии, совпадает с ростом социальной неопределённости и наоборот стабильность и социальная определённость приводят к поэтической стагнации, то есть с позиций герменевтики вся совокупность поэтического созидания выступает, как проявление коллективного бессознательного, то есть эмоционального состояния социума. Этим, конечно, значение поэтического творчества не исчерпывается. Достаточно сказать, что на запрос «Поэзия — это...» интернет даёт около 300000 ответов. Но не будем отвлекаться от основной темы.

На уровне философской антропологии это явление видится, как проблема эмоционального интеллекта. Чем выше эмоциональный интеллект, тем выше уровень эмпатии, и способности к принятию интуитивных решений, свершению открытий. Роль эмоционального интеллекта была отмечена ещё в работах Аристотеля, который рассматривал отдельно ум мозга, ум души и ум тела. Но, как бы ни был высок уровень эмпатии, любопытства к новому, тяги к сенсационному, динамика восприятия одна и та же.

После ознакомления с новой философской системой, после роста интереса к ней и ареала её распространения, происходит процесс угасания интереса, иногда вплоть до отторжения её положений. Чем-то это напоминает медовый месяц в браке, когда первые восторги взаимного узнавания, сменяются стабильными отношениями глубокой привязанности или разрывом.

Вместе с тем поле философской мысли неуклонно расширяется, критерием этого может служить хотя бы тот факт, что количество философских журналов в мире удваивается каждые 20 лет. И философские системы, уживаясь с друг другом являют, по меткому выражению, академика РАН Владимира Александровича Лекторского, образец философского плюрализма.

Почти десять лет назад философская общественность справляла 60-летие журнала «Вопросы философии», образование которого в 1947 году, стало следствием партийно-идеологической дискуссии, материалы, которой и были опубликованы в первом номере журнала. По этому поводу в среде физиков-ядерщиков, работавших над созданием атомной бомбы, ходил анекдот: Лаврентий Павлович Берия спрашивает у Иосифа Виссарионовича Сталина разрешение на проведение дискуссии в ядерной физике. «Успешно проведены дискуссии в генетике и философии», — докладывает Берия. «Тэбэ нужна бомба или дискуссии?», — грозно вопрошает вождь мирового пролетариата. «Бомба», — отвечает Лаврентий Павлович. «А тогда, дарагой, нэ надо нам болше дискуссий. Ты мэнэ понял, Лаврик?».

Вот она диалектика жизни. Дискуссия чуть ли не уничтожившая отечественную философию, и обещающая статью по катастрофическим последствиям вровень с уроном, нанесенным русской философской мысли, высылкой в 1922 году за пределы России парохода с ведущими отечественными философами, породила фундаментальный философский журнал.

Так вот, по поводу юбилея журнала был проведён круглый стол, на котором ведущие философы России обсуждали, как они сами выразились, главный, центральный вопрос: «Что такое философия?». Один из корифеев отечественной философии заметил, что философия, а вернее философская вера, это область свободы между верой религиозной и наукой. За точность цитаты не ручаемся, но смысл, несомненно, был именно такой.

Создается впечатление, и данная публикация — попытка, как можно убедительнее представить правдоподобные рассуждения на ту тему, что вот-вот настанет пора, когда философия воспользуется и плюрализмом, и свободой и приступит к созданию совокупности новых, оригинальных философских систем, ибо мы на пороге координального изменения социума и понимания мироустройства.

Интернет и интерда

Экстерриториальных ресурсов на Земле не так-то много, в основном, природные: воздушный океан, водный, Антарктида, космос. Пользование этими ресурсами, как-будто проходит под лозунгом, содержащим пожелание сталкера «Золотому шару», из фильма «Сталкер» по роману братьев Стругацких «Пикник на обочине»: «Счастья для всех даром и пусть никто не уйдёт обиженным». Правда Зона в этом фильме, на наш взгляд, была олицетворением Великой Матери, под которой подразумевалась Смерть.

А пожелание Сталкера перекликалось с сентенцией Бернарда Шоу, который заметил, что «счастье — это возможность каждому стать сиротой», то есть фактически возможность родителей не пережить своих детей.

Вообще говоря, Смерть, как Великий демократ, великий уравнитель — действительно счастье, освобождение от мафусаилова наказания и сатанинского желания жить вечно, приходит ко всем и никого не оставляет обиженным, то есть бессмертным. В каком-то смысле смерть, как и жизнь — это тоже экстерриториальный ресурс. Как будет показано далее, человечество вот-вот этого счастья лишится.

Сразу после экстерриториальных ресурсов по мощности охвата человечества идут ресурсы транснациональные. Например, искусство: музыка, живопись, балет. Они не нуждаются в переводчиках. Затем идут транснациональные бренды, связанные с продукцией транснациональных корпораций, взять хотя бы кока-колу, пепси-колу, и не связанные с этими корпорациями, скажем, автомат Калашникова или бренд «Шекспир».

Стык второго и третьего тысячелетий выявил появление новых транснациональных и геоглобальных ресурсов, связанных с экспоненциальными технологиями, такими, как мобильная связь и интернет.

Можно назвать эти ресурсы информационными. На базе этих информационных ресурсов происходит продвижение в направлении создания искусственного интеллекта. Это выражается во внедрении поисковых, типа гугл, и социальных, типа фейсбук, виртуальных сетей. Происходят процессы, которые условно можно назвать, процессами гибели бумаги. Электронные книги приходят на смену бумажным. Те, кто считает, что текст на экране электронного планшета и бумажный текст — это одно и то же, просто не заметили очень важного, принципиально важного эффекта электронного чтения. Текст в современных планшетах соединен с поисковой системой и группой социальных сетей. Вам непонятно слово в тексте? Вы «кликаете» на него, то есть подводите курсор электронной мышки и тут же получаете исчерпывающее разъяснение этого слова. Столь же легко можно получить доступ ко всей информации связанной с текстом. Критику и интерпретации, альтернативные переводы, если текст переводной, иллюстрации, если они были в других изданиях, биографию автора, перечни книг на аналогичную тему. Это, не что иное, как туннельный информационный эффект. Более того вы можете немедленно с этого же планшета заказать бумажную книгу, оплатить её, открыть форум и обсудить со всеми желающими во всём мире их и ваше отношение к тексту и вопросам которые он поднимает.

Возникает невероятное количество проблем. В том числе и философских. Например, проблема транспарентности. В год выходит миллион, повторяю «миллион!», текстов, научных трудов, статей по работе мозга [3]. Тридцать тысяч в день. Всё или почти всё в открытом доступе. Ну, и как это прочитать? А прочитав, как в этом разобраться? Какая-то доступная недоступность.

Взять хотя бы тот же искусственный интеллект. Кто решил, что он будет работать на благо человечества? Да оно само пока что не способно договориться, перестать убивать самоё себя и начать трудиться на собственное благо. И что такое его благо? Вы скажите, что до искусственного интеллекта пока что далеко. Ошибаетесь. Не далеко.

Да, пока что память всех мировых компьютеров меньше памяти одного человеческого мозга. Но это пока.

Согласно исследованию Эрика Шмидта из корпорации GOOGLE теперь каждые два дня человечество создаёт столько информации, сколько оно производило от начала нашей цивилизации до 2003 года.

Как тут не вспомнить замечательные строки эстонского поэта Макса Траата: «Годы ученичества, жизнь смололи начисто. Видимо количество переходит в качество». Но... Перейдём от картин новой реальности обратно к пейзажам старой философии. Возьмём хотя бы сайты «Философия. ru» и «Философская Самара». Некто, скрывающийся под ником «К.Б.Н.» в рамках научно-атеистического раздела поднял тему: «Почему в философии глупо ссылаться на авторитеты?». Тема вызвала столь оживлённую дискуссию, что она не затихает уже год и привлекла множество участников. Вот итог, можно сказать квинтэссенция работы форума: «Всё-таки надо констатировать — традиционная философия не способна находить окончательные (истинные) ответы на философские вопросы. Некоторых людей это устраивает. Им важен не результат, а процесс (балдеют от рассуждений на шибко умные темы), но умным людям нужны истинные ответы, а не бесконечная болтовня. Надо менять методы философии. А то философы так и будут выдавать вместо истины — мнения до скончания веков. Традиционная философия — это *алфилософия* (по аналогии с алхимией). А вот итоговое мнение о старой, то есть до миллениумной философии, форума «Про научность философии» на сайте «Философская Самара»: «Ещё (по-простому) её (старую философию) можно назвать *алфилософией* и место её там же, где и алхимии».

«Да, ну» — скажите вы — «Зачем обращать внимание на мнения дилетантов, которые даже не обладают смелостью открыто назвать себя». И вправду, ну их в баню. А посмотрим мы, что о тех же самых проблемах говорят маститые учёные, профессиональные философы. Вот, что констатирует знаменитый историк философии, профессор Анатолий Сергеевич Колесников в своей давно ставшей классической работе «Современный философский процесс в начале XXI века»: «Остановимся на особенностях философии истории философии, истории истории философии, роли женщин-мыслителей в философии, соотношении философии и литературы. Большинство практикующих философов порицают историков философии за доксографическое скучное перечисление архаических теорий, требуя вместо этого при обучении рассмотрения современных концепций, отвечающих решению новейших проблем. При этом для многих западных мыслителей, история философии представляется кратким введением в историю человеческой глупости, которое продолжалось до прихода Рассела, Витгенштейна и Хайдеггера» [6].

А вот мнение магистра социологии Михаила Соломина, опубликованное им на сайте «Стихи.ru» в 2015 году. Заметим, что в ту пору Михаил Соломин работал на кафедре философии и специализировался в области философии безопасности: «Современная философия уже давно перестала быть некоторым способом «осмысления всего сущего»: она больше не ставит вопрос о том, как возможно бытие в принципе и каковы всеобщие законы его развития... Мы идём дальше и обнаруживаем, что... мыслительная обстановка (если можно так выразиться) с конца 19 века вплоть до сегодняшнего момента, весьма хладнокровно «расправлялась» со своим же наследием».

Что сказать? Высказывания типа «Бог умер», «Культура умерла», «Смерть искусства — реальность», время от времени, особенно на стыках эпох, слышатся даже из самых почтенных философских уст.

Вот, что пишет профессор С. Н. Василькова в своей глубокой и эмоциональной работе «Будущее философии и философия будущего»: «Что собой представляет философия сегодня? Вопрос о философии в наше время обострился до того, что некоторые авторы констатировали не только её кризис и необходимость трансформаций, но и её смерть». И далее: «Родоначалником тезиса об “упразднении” философии является К. Маркс, автором утверждения о её смерти — М. Фуко. Витгенштейн считал философию языковой болезнью, которая должна вылечить прежде всего самое себя; у Витгенштейна она превращается из системы в деятельность по обслуживанию разного рода дискурсов. Поздний Хайдеггер предложил на место философа фигуру мыслителя-поэта, который мыслит “Не головой, но ручкой”» [4]. Ю. Хабермас, как и К. О. Апель, считают, что время великих философов безвозвратно ушло [5].

Понятно и стремление дочерних наук, порожденных философией, отпеть собственную маму и эру новых философских открытий объявить как эру закрытия философии. Вот, например, отрывок из статьи Н. С. Розова в девятом номере журнала «Вопросы философии» за 2008 год: «Социологическая отмена философии — вызов, заслуживающий размышления и ответа». А вот отрывок из книги Коллинза «Социология философии»: «ни знаний, ни открытий в философии нет, в ней накапливаются только мнения, соответственно в философии нет и поступательного, познавательного движения».

Однако, мнения, которыми человечество дорожит веками — это тоже немало.

Все эти высказывания только укрепляют ощущение смены веков, только ещё раз подчёркивают, что сверкающие этажи зданий философии XX века, становятся лишь прочными и незыблемыми фундаментами для строительства новых этажей и создания другой архитектуры философской мысли. Более того в начале XXI века история философии начинает эти фундаменты укреплять и переосмысливать их контуры. Открываются, переводятся и входят в философский обиход новые, ранее не известные работы Декарта, Беркли, Юма [6]. Осуществляются попытки обобщения и переосмысления философских знаний.

Достаточно упомянуть две фундаментальные работы. Это опубликованная в пятом томе Собрания сочинений академика РАН Т. И. Ойзермана «Метафилософия» [7] и книга доктора философских наук Н. В. Мотрошиловой «Рождение и развитие философских идей» [8].

Чем же вызвана эта мобилизация философской мысли? Как всегда вызовами времени, появлением новой, уникальной реальности. Что же это за реальность? В чём её феномены? Попробуем, хотя бы бегло, разобраться и с этой стороной бытия.

Нереальная реальность

Если уж какую-то реальность и называть нереальной, так ту, что ждёт нас в ближайшем будущем. Её пока нет, но вот-вот. Ростки будущего, посеянные в прошлом, прорастают через настоящее. Специалистов, которые занимаются интерполяцией текущих процессов в социуме в будущее, называют футурологами. Поскольку речь идёт о философии, обратимся к мнению футурологов философов, зарекомендовавших себя серией точных прогнозов, которые превратились из предположений в реальность, в указанные этими философами — футурологами сроки. Более того, рассмотрим те их заявления, которые были сделаны не приватно, а публично, широковещательно и на масштабных форумах, обсуждавших будущее человечества. Тех, и только тех предсказаниях, которые вошли в книги и статьи этих философов.

Речь идёт о Главном инженеру GOOGLE, философе, профессоре Ремонде Курцвейле и его коллегах, докторе философии Патрике Такере и Иане Пирсоне. Этими учёными сделаны десятки точных прогнозов, о которых можно узнать из книг: «The Age of Intelligent Machines» («Век разумных машин») и «Singularity is Near» («Сингулярность уже близко»). Но для формулировки конкретных черт «нереальной реальности», которая, с большой вероятностью, ожидает нас в ближайшем будущем лучше остановиться на материалах Международной конференции «Глобальное будущее 2045», проведённой в 2015 году, а если конкретнее на итоговых выводах семинара «Куда движется мир» под руководством Курцвейле, Такера и Пирсона. Вот как выглядит прогноз на ближайшие сто лет:

- В океанах возникнут 1000 ферм, производящих продовольствие в промышленных масштабах, для населения Земли, превышающего 10 миллиардов человек.
- Реальностью станет передача мыслей на расстояние, то есть телепатия. Скорее всего технически решенная, как передача сигналов одного мозга, другому мозгу с встроенной системой дешифровки.
- С помощью генетики будут созданы люди с высоким уровнем интеллекта и обладающие бессмертием.
- Человек сможет контролировать погоду.
- Будет введена единая мировая электронная валюта.
- В кровеносной системе человека будут циркулировать нанороботы, задачей которых будет ремонт клеток и запись мыслей.
- В мире останется только три языка: английский, испанский и китайский.
- Космический лифт сделает космос доступным для всех.
- На смену естественному оплодотворению полностью придёт искусственное.
- На смену естественной среде обитания придут заповедники, парки и музеи.

Западным философам и футурологам вторят отечественные. Вот только одно из мнений профессора Татьяны Черниговской: «Я вечно пугаю всех тем, что недалеко то время, когда искусственный интеллект осознает себя, как некую индивидуальность. В этот момент у него появятся свои планы, свои мотивы, свои цели, и, я вас уверяю, что мы не будем входить в этот смысл» [3].

К этому остаётся только добавить открытие физиками из университета Беркли параллельных миров, где, как они считают, происходит реинкарнация душ после смерти [9] и, сделанное более 40 лет тому назад открытие Джона Уилера и Брайена де Витте уравнения, связывающего общую теорию

относительности Альберта Эйнштейна с положениями квантовой физики микромира, из которого следует, что время, как физическая величина, отсутствует и носит субъективный характер.

Похоже, что базовая система философских координат: *«материя — энергия — пространство — время»* вынужденно будет меняться на новую: *«материя — информация — мера»*.

Какова же она карта страны «Философия» в этих новых координатах, в этой новой реальности, изменившей разом человека, социум и представление о мироустройстве? На этот вопрос самые различные философы дают довольно разнообразные ответы.

Осколки Абсолюта

Прежде, чем начать обсуждение контуров, намёток, эскизов нового в философии направления, которое можно было бы условно назвать «футурология философии», следует чётко обозначить и критически оценить отношение к наукам вообще и к философии в частности, которое сложилось по инерции, из-за привычки историков науки и историков философии говорить о науке вообще и философии вообще.

Это отношение к философии как к монолитному объекту, к науке, как некому цельному явлению в жизни социума, конечно, имеет под собой основание, но при этом мешает понять, что не существует философов вообще и учёных вообще, а в мире науки и философии царит узкая и жесткая специализация.

Так, например, можно считать наукой любое знание обладающее свойством воспроизводимости результата при точном соблюдении всех этапов эксперимента, или технологии, в прикладных случаях. Философия, как завершённая цельность, во все времена и любыми философами подсознательно воспринималась, как направление любознания, занятое поисками универсальной, высшей, всеобъемлющей истины, доступной только ей.

Но, если вы спросите человека: «Чем вы занимаетесь?», а он ответит вам: «Физикой», или «Наукой», то понятно, что перед вами философ. Потому что надо быть таким гением, как академик Холмогоров, чтобы плодотворно работать практически во всех отраслях математики, или таким светочем, как академик Ландау, чтобы охватить своим творчеством большинство направлений развития естественнонаучной мысли.

А если на тот же вопрос человек отвечает, что он занимается философией, то скорее всего это историк философии, потому что объём знаний в философии, количество рассматриваемых в ней проблем, школ, течений, мнений, давно уже превысили информационный порог доступный одному человеческому уму для полного усвоения и всеохватывающего развития. В принципе истории человеческой мысли и цивилизации известны гениальные личности с огромным полипрофессиональным и тематическим потенциалом. От Леонардо де Винчи до Гёте до, от Лоренцо Великолепного до Эразма Роттердамского. Но охватить всю философию или всю науку?

Есть ли такие люди в реальности? То есть в сегодняшней реальности? Ещё совсем недавно представлялось, что время универсалов прошло. Что нет, и не может быть людей, занимающихся философией, а есть люди, занимающиеся герменевтикой, антропологией, гносеологией и т.д. Но даже и внутри этих направлений философии произошла специализация, причем тройная.

Первая специализация — территориальная. Одно из общепринятых разбиений философии — это разбиение на атлантическую и континентальную, то есть англоамериканскую и европейскую. В том же ключе разбиение философии на западную и восточную. Смело можно добавить и национальные различия философских школ и целых направлений. Например, русская философская мысль, православная антропология, еврейская философская традиция, кабала, талмуд и т.д.

Вторая специализация связана с имеющимися в философии школами. Например, одна и та же проблема, изучение природы гениальности, может рассматриваться с точки зрения православной антропологии, а внутри неё с позиций особого метода «когнитивной персоналогии» [10], а может с точки зрения конструктивной феноменологии, а внутри неё с позиций «компаративистской глобалистики» [11].

Третья специализация связана с субъективной составляющей философствования. Говоря образным языком: и Есенин, и Мариенгоф имажинисты, поэты, даже приятели, но это разные стихи, разная поэтика, разное место в истории литературы. Исходя из этого, получается, что православная антропология Льва Шестова, и православная антропология Николая Бердяева это немного разные объекты несколько отличающихся друг от друга философских систем и методов.

Но если речь идёт о будущих философских системах, то просматривается ещё одна развилка на пути к этому будущему. Есть философские системы «зависящие от времени», в котором они созданы, а есть, с виду, «независимые». В качестве примера «независимых», можно привести «Этику» Спинозы или «Геометрию» Эвклида. И действительно, правила геометрии мало зависят от государственного устройства или того, «какое там столетье на дворе», по выражению Пастернака.

Было бы не столько неверным, сколько несправедливым не указать на гендерную проблему размежевания философского знания. Перелистайте любую историю философии, женщин там нет. Вместе с тем за 25 веков существования философской мысли только выдающихся женщин философов можно насчитать более двухсот.

Желающие подробнее рассмотреть роль женщин в философии могут обратиться к уже упомянутой нами работе профессора Колесникова, но факт остаётся фактом: гендерное расслоение в философии — реальность.

Теперь, когда хотя бы вскользь, эскизно, определены все, или почти все трудности в прогнозировании развития философии, которая была обозначена как «Старая», посмотрим, как с этими трудностями справляются авторы, размышляющие о будущем философии.

Реквием ля мажор

О будущем философии рассуждает не так уж много авторов. И причина не только в трудности темы, а в том, что, как уже было сказано ранее, крайне сложно букет разнородных мнений, да ещё с претензией на величие, собрать в единую последовательную логическую цепочку содержащую хотя бы некоторую экстраполяцию, пусть даже и в недалёкое будущее.

Но всё-таки есть определённый угол зрения, который позволяет предположить, почему будущее философии видится футурологам от философии именно так, а не иначе. Что же это за угол зрения, что же это за подход? Как ни странно теологический, а, если точнее, христианский и богословский.

Для начала посмотрим на все футурологические предсказания. Все они в духе транс-гуманизма и более того посттрансгрессии. Все они, так или иначе, касаются человеческого тела. Его насыщения, продолжительности функционирования, перемещения в пространстве, интеллекта и прочее и прочее. О душе речь не идёт. Ни слова о чести и совести, любви к детям, родителям и ближнему. Тело, безусловно, важная точка пересечения космоса внешнего и внутреннего, более того само слово «личность» связано со словом «лик», почти синонимом слова «лицо». А «лицо» — это, естественно тоже часть тела.

Какими же свойствами оно, тело, начинает обладать в этом будущем, якобы наступающем через сто лет? А всеми теми свойствами, которые присущи врагу рода человеческого. Враг умён? Да что там, он нечеловечески умён. Враг долгожитель? Какой уж там долгожитель, он — бессмертен. Только вот задача: он никого не любит и его никто не любит. Смотри пункт о всеобщем искусственном оплодотворении. А любовь? А Бог с ней, с любовью. Так в том-то и дело, что с нею Бог, а сам Бог и есть сама Любовь.

Философия умерла — да здравствует философия

Вот теперь диалог в интернете под рубрикой «Философия XXI века» между Максимом Соломиным и Павлом Карачиным высвечивается во всей своей красе. Вот что констатирует Соломин: «... антропоцентрический пафос уступил место "некрофилии". Этот термин мы можем обнаружить в работах Э. Фромма, таких как "Бегство от свободы", "Анатомия человеческой деструктивности". Предположительно, наиболее отчётливо, это началось со знаменитого тезиса Ф. Ницше "Бог мёртв", затем, буквально в одно и тоже время, М. Фуко "откажет в жизни" субъекту, Р. Барт "умертвит автора", а Ж. Бодрийяр напишет нам "о конце социального". <...> Вывод прост, — пишет далее Соломин, — философия XX века — есть философия кризиса, после которого должно быть что-то с приставкой "пост"». Из всего этого Соломин делает вывод: «Философия XXI века станет философией трансгрессии». Второй участник диалога Павел Карачин прямо пишет, что «перед нами картина апокалипсиса, как конечного эффекта цивилизации». И добавляет: «Философия современного мира всё больше будет походить на феодальную, — выжить».

Что можно сказать? Всё правильно. Нельзя служить Богу и мамоне одновременно. Или путь от «человека» к «человекобогу», а от него к «богочеловеку», путь гениальности и святости, или путь

к «сверхчеловеку» и от него к антихристу. И для понимания этого не нужна никакая футурология, достаточно исторического примера в виде сверхчеловеков бесноватого фюрера.

Философия модели и модель философии

Совершенно другой аспект проблемы влияния новой реальности на старую философию рассматривают специалисты по социальной философии, кандидат философских наук, доцент Донецкого национального технического университета Л.О. Алексеева и доктор философских наук, профессор того же университета Р.О. Додонов, в своей диграфии «Философия» [12], практически полностью посвященной теме: «Будущее, как философская проблема. Современная футурология в моделях будущего». Прежде всего, они призывают разделить религиозную, утопическую, явленную в предсказаниях пророков модель будущего, от рационально-философской, а её в свою очередь от научной версии будущего.

Религиозная картина будущего, в том числе и будущего религиозной философии, по мнению Алексеевой и Додонова содержит принцип божественного предопределения, связанного с верой в то, что вся история рода человеческого идёт к позитивному финалу. Будущее в рационально-философской парадигме — есть утопия, которая абсолютизирует будущее, как качественную величину (идеал), причём величину неравноценную настоящему. Философия воспринимает будущее, по мнению тех же авторов, как будущее целеполагающих идей, наука — закономерных социоприродных процессов, вокруг этих идей группирующихся, рациональных и доступных предвосхищению.

Один из важнейших показателей прогноза — это достоверность. Ближайшее, обозримое и отдаленное будущее мира и философии — это, с точки зрения достоверности, разные объекты.

Всё, что связано с технологиями меняется с нарастающей, практически экспоненциальной скоростью, всё что связано с человеком, его этикой, эстетикой, поведением в социуме значительно медленнее. Философия, как территория между наукой и верой, чем-то напоминает буфер между вагонами. Она, то растягивает свои границы до невозможности и крайности суждений, то собирает их в гармошку эклектики и ригоризма.

Таким образом, Алексеева и Додонов предсказывают усиление роли социальной философии через её способность генерации приемлемых для социума моделей будущего.

Однако, по нашему мнению научное моделирование будущего весьма плотно связано с моделью будущей философии, в том числе и с моделью геоглобального философского поведения. В качестве примера, хотелось бы напомнить о работах коллектива под руководством академика Моисеева. В них была обоснована модель «ядерной ночи» и «ядерной зимы», которые заставили человечество задуматься о последствиях ядерного беспредела. «Выигравших не будет» — вывод сделанный именно философами, и заставивших полностью пересмотреть философию войны и мира в современных условиях.

Заговор вперёдсмотрящих или приговор слепых?

Мало кто готов оспорить идею, заключающуюся в том, что метод аналогий — один из лучших инструментов философской рефлексии. Хорошо известно высказывание: «Мы можем разглядеть будущее не потому, что высок наш творческий рост, а потому что мы стоим на плечах гигантов».

Опираясь именно на такой метод и на такую парадигму, доктор философских наук, профессор А.С. Колесников пишет: «Рассматривая возможное развитие философии в наступившем столетии, по аналогии со становлением философской картины XX столетия, мы придём к заключению, что все разработки последней четверти века ушедшего должны быть приняты в качестве основы нашей экстраполяции» [6]. И далее: «Многие философы и исследователи — историки философии в этом случае говорят о постмодерне, постмарксизме, постнеорациональности, диалоге философских культур, компаративистской философии, философской риторике, философии литературы, лингвофилософии и лингвоэстетике, синергетике и философской семантике, феминизме и гендерной философии, глобализме и философии ненасилия, философии маргинальных полей и генерируемого скептицизма как о том багаже, который должен послужить новой философии в разрешении проблем грядущего века» [6].

Не желая и дальше утомлять читателя обоими имён и философских систем, которым профессор Колесников воздаёт должное, сформулируем, пронципально обозначенные им, если так можно выразиться, технологии будущего развития философии:

- перенос философских направлений, сформировавшихся в рамках определённой культуры, на иную культурную и философскую почву. Например, американских философских течений на почву индийской философии и культурной традиции;
- создание нового философского контента путём рассмотрения хорошо забытого старого и, в частности, тех работ великих философов, которые были ранее никому не известны;
- применение методов герменевтики, персонификации и компаративистского историзма к творчеству классиков и звёзд философской мысли, с целью нивелирования проделанной ими имитации своих философских поисков чистой истины, как вневременных и внеличных;
- разработка структурной истории философских идей с точным определением подлинных авторов философских инноваций для определения динамики развития философских идеологем и их влияния на становление новой философской проблематики;
- обогащение кладовых философской мысли в результате рассмотрения работ женщин-философов, чья философская деятельность оказалась замалчиваема в результате сексизма;
- внесение в область философии трудов в области литературы и искусства и развитие поэтики, как направления философии и использования для этого метода «реконтекстуализации», предложенного философом Рорти.

Рассматривая позицию Колесникова в связи с будущим философии не следует забывать, что по сути, и по преимуществу, этот учёный является историком философии и, вольно или невольно, идёт вперёд с головой повернутой назад. В своих новых изысканиях философия, как правило, проблематизирует то, что до её вмешательства казалось беспроблемным, завершённым и законченным. Так «философия мирного сосуществования» различных социальных систем, стала достижением социальной философии и получила своё развитие в связи с появлением ядерного оружия. А проблема «свободного времени» во весь рост встанет перед социальной философией только тогда, когда роботизация сделает безработными 95% трудоспособного человечества. Кстати такой сценарий развития социума прогнозируется к 2020 году.

Из всего этого можно сделать вывод, что разные направления философской мысли по-разному видят будущее философии и, зачастую, воспринимают своё воспроизводство на цивилизационном плаву, как некое относительно новое «постимярек».

Однако ясно, что принципиально новые философские школы и системы будут совершенно иначе названы, и бессмысленно сегодня гадать, как будут звучать, и что будут означать эти новые идеи и смыслы. Хорошо понимая всю важность философской футурологии и рассмотрение проблем будущего для реальных цивилизаций сегодняшнего дня, не хотелось бы упустить из виду такое важное направление мысли, как футурология самой философии, попытка рассмотрения которого и была предпринята.

Список литературы

1. *Герасимчук И. М.* Философия творчества. Киев: Изд-во «Азбука», 2014. 480с.
2. *Гавеля В. Л.* Целеполагание в структуре социальной деятельности человека. Диссертация на соискание степени докт. филос. Наук. Специальность: «Социальная философия». Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1998. 280 с.
3. *Черниголовская Т. В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. СПб., 2013.
4. *Василькова С. Н.* Будущее философии и философия будущего // Вестник христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Выпуск № 4.
5. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006.
6. *Колесникова А. С.* Современный философский процесс в начале XXI века // Очерки по философии и культуре. Выпуск 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 95–128.
7. *Ойзерман Т. И.* Избранные труды в пяти томах. Т. 5.: Метафилософия. Амбивалентность философии, 2014. 768 с.
8. *Мотрошилова Н. В.* Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М.: «Политиздат», 1991.
9. *Каку Митио.* Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем космоса // Электронная библиотека Университета Беркли, 2016.
10. *Чернов С. В.* Книга о гениальности. — Воронеж-Москва: АНО «Институт духовной культуры и свободного творчества, 2010. — 564 с.
11. *Ушкалова В. Н.* Рационализм и символизм. Томск: Изд-во «ЛитРес», 2001. — 180 с.
12. *Алексеева Л. О., Додонов Р. О.* Философия. Донецк: Изд-во «Дон НТУ», 2007.

ФИЛОСОФИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ

С.В. Чернов

ИДЕАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ КРИТЕРИЙ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Аннотация. *Гениальность представлена автором как особый вид сущего, как принцип, определяющий саму сущность человека и его природу, и обеспечивающий творческое многообразие смысла бытия личности. Интеграция философско-антропологического, культурно-исторического и психолого-феноменологического подходов позволяет разработать проблему гениальности в контексте фундаментальных вопросов постижения природы человека и смысла его бытия; ответить на вопросы о роли гениальности в развитии духовной культуры, как в исторической ретроспективе, так и в исторической перспективе; представить личность гения на образно-личностном, личностно-типологическом и деятельностно-смысловом уровнях. Новизна исследования заключается в разработке и обосновании идеально-смыслового критерия гениальности, основанного на трёх универсальных триадах: любовь — истина — красота; благое — возвышенное — прекрасное; человечность — идеал совершенства — созидательно-творческий ум.*

Ключевые слова: *гениальность, философско-антропологический подход, культурно-исторический подход, психолого-феноменологический подход, образ личности гения, человечность, творчество, созидательно-творческий ум, смысл бытия личности, критерий гениальности.*

S. V. Chernov

Ideal and semantic criterion of genius

Review. *Genius is presented by the author as a special kind of reality, as a principle that defines essence of a person and his nature and provides creative variety of meaning of life of the personality. Integration of philosophical and anthropological, cultural and historical and psychology-phenomenological approaches allows to develop a genius problem in the context of fundamental questions of comprehension of human nature and meaning of his life; to answer questions of a genius role in development of spiritual culture, both in a historical retrospective, and in historical perspective; to present the identity of the genius at the figurative and personal, personal and typological and activity and semantic levels. Novelty of a research consists in development and justification of the ideal and semantic criterion of genius based on three universal triads: love — truth — beauty; good — ennobled — fine; humanity — perfection ideal — creative and creative mind.*

Keywords: *genius, philosophical and anthropological approach, cultural and historical approach, psychology-phenomenological approach, image of the identity of the genius, humanity, creativity, creative and creative mind, meaning of life of the personality, criterion of genius.*

В гениальности раскрывается творческая тайна бытия, то есть «мир иной».

Николай Александрович Бердяев

I

Интерес человека к проблемам *фундаментального порядка*, к которым относится и проблема *гениальности*, устойчиво сохранялся на протяжении всей истории человеческого рода. И это не случайно, поскольку именно гениальность прокладывает новые пути для жизни, для культуры, для человека. Духовные искания человека отмечены печатью вечности, и потому во всех эпохах и у всех

народов всегда находились, и всегда будут находиться люди, задающиеся вопросом: «Кто мы? Откуда? Куда идём?». Именно поэтому круг вопросов, решаемых при исследовании человеческого гения, и рефлексия о гениальности останутся в числе самых острых до той поры, доколе существовать будет сам род человеческий.

П. Я. Чаадаев утверждал: «Всякий человек живёт, но только человек гениальный имеет настоящую историю». Для любого народа история его гениальности в лице его гениальных представителей имеет первостепенную значимость для сохранения целостности и культуры этого народа¹. Причём, роль гения в истории народа и в формировании его национального самосознания много выше, чем история общественно-экономических формаций, история войн или история правящих элит, поскольку именно *история гениальности народа и определяет настоящую сущность этого народа, его менталитет и уникальность его культуры*. В свою очередь, народ, презревший свою гениальность, не создавший или забывший свою историю гениальности вряд ли сохранит свою идентичность, а в соответствии с этим, и свой язык, и свою культуру, и свою историю.

Менялись времена, менялись эпохи, разрушались старые и рождались новые империи, сменялись общественно-экономические формации и правительственные кланы, а гениальность оставалась в своей неразгаданности, неповторимости и уникально-неопределённой сущности — загадка всех времён и нерушимое единство всех народов, каждый из которых помнил и чтит своих гениев, и от них, от гениев, мерил *творческую силу своего народа*, поскольку именно гениальные люди создавали совершенно новую культуру, именно они, по словам В. Вильденбанда «совершали великое, стремились к ещё более великому и чужали величайшее» [2, с. 106].

К концу XIX века, когда повсеместно пришедшая к власти буржуазия прославила частную инициативу, в западной философской и научной литературе укореняется точка зрения, где *мерилом гениальности объявляется личный успех*. В полном соответствии с этим представлением звучат следующие слова Томаса Карлейля (1878): «О всяком человеке, который избрал себе особый путь жизни, — куда бы, впрочем, этот путь ни привёл, — и прошёл его с успехом, мы, всего более стараемся узнать, как он совершил этот путь и что ему на этом пути встретилось. Если бы даже этот человек был плутом первой величины, то и тогда мы не удержались бы от вопроса: как провёл он свои плутни?» [4, с. 263]. Одним из ведущих направлений в западной философии становится, рождённая в США, философия прагматизма. Современные западные подходы к проблеме гениальности, несмотря на наличие множества направлений, в конечном итоге разворачиваются под флагом, поднятым американской психологией, опирающейся на философию прагматизма, и обозначенным Анной Анастаси следующим образом: «Самое широкое и наиболее объективное определение гениальности предполагает, что гений — это человек, который в любой области деятельности способен показать результаты, значительно превышающие средние показатели. <...> Роллер, акробат, завоевавший мировую известность, или знаменитый шеф-повар с полным правом могут получить титул гения и заслужить много большее признание, чем посредственный деятель науки или художник. Но для того, чтобы их гениальность была признана, их достижения должны быть неизмеримо более значительными, чем во втором случае» [1, с. 538–539]. Этим прагматическим подходом к проблеме гениальности, молчаливо признаваемым современным обществом, и объясняется на наш взгляд отсутствие серьёзных достижений в познании человеческого гения, как в современной психологии, так и в современной философской традиции.

«За неимением *великих* людей, — учит Т. Карлейль других писателей, — покажите нам *известных* людей столько, сколько их достанет аппетитов у публики» [4, с. 401]. Современная масс-культура, учтивая психологию толпы и потребности человека-потребителя, в полной мере усвоила этот урок психологии меркантилизма, создавая с помощью средств массовой информации и массовой коммуникации ореол успешности, мерилом которого являются богатство и власть.

Вот характерный пример. В списке «Ста гениев современности», опубликованном консалтинговой компанией Synectics (рейтинг сформирован на основе опроса четырёх тысяч человек, проведённого летом 2007 года в Великобритании), первую строчку занимает Альберт Хоффман (химик, Швейцария) — изобретатель сильнейшего наркотического вещества ЛСД, способствовавшему ни чему иному, как расширению наркомании, а третью — биржевой спекулянт Джордж Сорос (миллиардер, США). Наряду с несомненно талантливыми людьми, например Авраам Ноам Хомский (философ, лингвист,

¹ Базисными характеристиками категории «народ» являются: общий язык, общая культура, общая история.

США), Стивен Хокинг (физик, Великобритания), в этот список включён также международный террорист Осам бин Ладен (Саудовская Аравия), американский боксёр Моххамед Али и конечно же американский миллиардер Билл Гейтс. Понятно, что этот и подобные ему списки есть ни что иное как *заведомое искажение действительности*, поскольку при составлении этого списка и ему подобных, человек объявляется «гениальным» без определения каких либо принципиальных оснований и критериев гениальности, при этом учитывается лишь *публичная известность человека*.

Мы здесь не имеем возможности обсуждать вопрос о причинах существования подобной *индустрии подлогов* и вопрос о том кому это выгодно, отметим лишь, что подобные подлоги не только дискредитируют науку и саму практику человеческого познания, но и наносят смертельные удары по основам человеческой нравственности и действуют исключительно разрушающе на духовную культуру современного человека.

«Гениальность» есть категория историческая, требующая проверки временем, а гениальный человек подтверждает свою гениальность своими трудами и культурно-историческим значением своего творческого наследия, хранимым и творчески развиваемым благодарными потомками. Мы очень сомневаемся, что люди, заслужившие свою публичную известность мордобоем, терроризмом, спекуляциями, плутовством или миллиардными состояниями и при этом непричастные к созданию уникальных продуктов человеческого творчества, имеют какое-либо культурно-историческое будущее.

Напротив, в российской культурной традиции, даже в том случае, если мерой гениальности выступают выдающиеся достижения, то оцениваются они не с точки зрения достижения пресловутого личного успеха, а с точки зрения тех духовных ценностей, которую гений принёс своему народу, своему Отечеству и того значения, которое творчество гения оказало на национальную и мировую культуру. Гений — это тот, говорит Александр Блок, кто способен вести поколения к высоким целям и великим свершениям. «Гениальная личность, пишет выдающийся русский философ и мыслитель С. Н. Трубецкой, — обладает в высшей степени способностью воздействовать на внешние влияния и условия; она вносит в свою среду нечто такое, что она от неё и заимствует, и притом — нечто значительное, нечто такое, что само по себе определяет историю в каком-либо отношении» [11, с. 404]. Н. В. Теплов (1902) определяет гениальность как явление двухстороннее, биолого-культурное: «С одной стороны, это есть выражение резко уклоняющейся от средней нормы организации, ... с другой стороны, это есть творческая способность, результатом которой может быть то или иное крупное культурное приобретение... И несомненно, именно эту, культурную сторону мы и имеем преимущественно в виду всегда, когда говорим о гениальности» [10, с. 36].

Представление об *образе личности гения*, сформированных в западной культуре, будет принципиально отличаться от представлений о природе и сущности гениальности, выработанных культурой российской. Если в философской традиции Запада, гений — это «*нечто среднее между богом и смертным*», *посредник между богами и человеком* (Платон) [8, 202e, 203a]; это «*герой*»² (Т. Карлейль) [4]; это «*сверхчеловек*», «*человекобог*»³ (Фр. Ницше) [5]; это *выдающаяся по личным достижениям персона*⁴ (А. Анастаси) [1], то в российской культуре, гений — это *всегда творческий культурный деятель, создатель, творец духовной и материальной культуры своего народа*. И эту, рождённую российской культурой традицию, автор настоящего исследования поддерживает и развивает. При этом, в наших исследованиях человеческого гения не отвергаются, а напротив, творчески осмысливаются достижения западной философии и науки в лице Платона, Плотина, Леонардо да Винчи, И. В. фон Гёте, Фридриха Шиллера, Иммануил Канта, Шеллинга, Гегеля, Артура Шопенгауэра, Отто Вейнингера, Вильгельма Виндельбанда и др., которые внесли свой вклад в разработку проблемы гениальности (см.: Чернов С. В. Книга о гениальности, 2010 и др. труды автора).

Учитывая духовно-созидательный характер человеческого гения, мы не можем относить к числу гениев правителей и политиков, вся «гениальность» которых сводится к невероятно развитой способности использовать технологии искажения истины, а также бизнесменов и банкиров, главной целью которых является отнюдь не служение великому делу духовного становления человеческого рода, а получение максимально возможных прибылей для личной выгоды. Надо сказать, что автор не одинок в высказанной здесь точке зрения, которую разделяли многие выдающиеся представители мировой

² Карлейль Т. Герои, почитание героев и героические истории.

³ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла.

⁴ Анастаси А. Дифференциальная психология.

интеллектуальной элиты. Вне всякого сомнения, прав был Артур Шопенгауэр, когда писал: «...сравнивать людей пользы с людьми гения — это всё равно, что сравнивать кирпичи с бриллиантами» [20, с. 325]. А вот что по этому поводу мы читаем у Стендаля: «Охотно допускаю, что тысяча промышленников, зарабатывающих каждый по сто тысяч экю, не теряя при этом честности, увеличивает *могущество* Франции; но эти господа принесли пользу обществу в результате того, что получили личную выгоду. Это славные и честные люди, которых я очень уважаю... Но тщетно я пытаюсь найти в их деятельности что-нибудь достойное *восхищения*» [9, с. 252].

Гениев следует искать только среди таких людей, которые в результате своего творческого труда создают качественно новые, оригинальные и непреходящие (в культурно-историческом смысле) творения, направленные на созидание (но не на разрушение), и всей своей творческой жизнью, творческой деятельностью и личным примером обеспечивают духовное становление человека и духовное преобразование человеческого рода. Причём, творчество гениальных людей протекает как правило не в угоду, а вопреки каким либо меркантильным интересам. Надо понимать, что человек, добившийся значительных результатов на каком либо поприще и ориентированный на достижение своих личных и зачастую сугубо прагматических целей и меркантильных интересов, не может считаться гением. *Только лишь достижение значительных результатов в какой-либо деятельности, личный успех или наличие всеобщей общественной известности отнюдь не являются критериями гениальности.*

Если обыкновенный человек хватается или отторгает, утверждает или поучает, насаждает или разрушает, то гений — постоянно вопрошает, озаряет и созидает. Гений созидает в идеях любви, истины, и красоты и навечно запечатлевает эти идеи в своих творениях. *Именно поэтому в своем творчестве каждый гениальный человек одерживает победу над неумолимым временем; именно поэтому творения гения носят универсальный характер; именно поэтому духовно-нравственное отношение гения к человеку и миру по настоящему человечно.*

II

Как показывает история философии, гениальность — это такое понятие, которому невозможно дать логически законченное определение; разработка проблемы гениальности обогащает наше видение этой проблемы, заставляет исследователя постоянно вносить коррективы в исходные положения и, соответственно, видоизменять понятийный аппарат. В этой связи мы выводим следующие ***развёрнутое понятие гениальности.***

Гениальность есть особое в своей функциональности ни с чем несравнимое, само-по-себе существующее, само-по-себе проявляющееся системно-целостное свойство-состояние ума, сознания и творческих сил (творчесткости) человека. Благодаря гениальности создаются такие качественно новые творения, которые оказывают определяющее и непреходящее влияние на творческое развитие человеческого рода и духовное преобразование человека. Таким образом, *человеческий гений есть система таких личностных атрибутов (духовных признаков) как воля к гениальности, творческий дар и назначение гения,* благодаря становлению которых в индивидуальной творческой деятельности человека личность обнаруживает, осознаёт и принимает на себя назначение (предназначение) своё и вносит во всеобщую духовную культуру свою личностную волю и духовную глубину. Гениальность становится проявленной и человек реализуется как *гений.* Личность становится способной создавать принципиально новые, оригинальные творения, рождать универсальные гениальные идеи, имеющие признаки *абсолютной новизны и самой-себя-реализации,* создавать такие продукты индивидуальной творческой деятельности, которые со временем приобретают значение *идеалов,* составляют непреходящую в веках ценность для человеческого рода и способствуют *становлению и преобразению человека в абсолютных идеях любви, истины и красоты.* *Гениальность сама по себе является тем ключевым фактором, тем началом, тем сущим, которое определяет духовную жизнь человека в её индивидуальном и культурно-историческом становлении и развитии.*

Или, говоря очень кратко, *гениальность,* — это отнюдь не артефакт, а, напротив, — *особый вид сущего, определяющего саму основу духовной жизни человека и обеспечивающего предельную творческую активность личности.* Ту самую активность, которую мы наиболее ярко наблюдаем в процессе созидательного творческого труда гениальных людей разных времён и народов⁵.

⁵ Чернов С.В. Идеи к разработке проблемы гениальности. С.18.

Фундаментальный характер проблемы гениальности, содержательная сложность этого явления, роль гениальности в становлении и развитии духовной культуры человека, её смысл и значение в понимании природы человека и духовных начал его бытия, парадоксальность явления гениальности, возникновение всё новых и новых вопросов в ходе исследования этого «загадочного феномена», ясно показывают невозможность разрешения проблемы гениальности в рамках узко специализированного подхода с использованием инструментария только одной какой-либо науки или определённого философского направления, ограниченного рамками собственной методологии. Всё это с необходимостью заставляет исследователя взглянуть на эту проблему интегрально, используя для этого концептуально-понятийный аппарат и инструментарий различных философских и научных направлений, предметом которых является сущность и природа человека, его личность и творческая деятельность. Новый взгляд на природу и сущность человеческого гения, развиваемый автором (Чернов С. В., 2007–2016), представляет гениальность как феномен, определяющий сущность человека и смысл человеческого бытия. И поэтому, не ответив на вопрос, «что есть сущность гения?», мы не сможем дать и ответ на вопрос, «что есть человек?».

Опираясь на собственный опыт разработки проблемы гениальности [13–19], мы приходим к следующему **выводу**: *проблема гениальности должна разрабатываться на основе интеграции философско-антропологического, культурно-исторического и психолого-феноменологического подходов*. При этом, философско-антропологический подход позволяет разрабатывать проблему гениальности в контексте фундаментальных вопросов постижения природы человека и смысла его бытия. *Если человек — особый род сущего, а гениальность — вершинное, предельное состояние духа, то проблема гениальности является одной из центральных для философского постижения человека, поскольку сущее полнее и глубже познаётся именно в своих крайних, вершинных, предельных эманациях*. Культурно-исторический подход позволяет ответить на вопросы о начале гения в человеческой истории, о месте и роли гениальности в развитии духовной культуры человека, как в исторической ретроспективе, так и исторической перспективе. В свою очередь, психолого-феноменологический подход позволяет раскрыть и представить образ личности гения на деятельностно-смысловом, личностно-типологическом и содержательно-феноменологическом уровнях [15, с. 20–23].

III

Знаменитый английский писатель Олдос Хаксли утверждает (1945), что современные психологи «принимают человеческое существо много хуже, чем их выдающиеся предшественники. <...> Всем им... были известны те факты, которые психологи двадцатого века предпочитают игнорировать. Например, факт тройственности человеческой природы, включающей не только душу и тело, но и дух; факт, что мы живём в пограничной области между двумя мирами — временным и вечным, физически-витально-человеческим и божественным; факт, что будучи ничем сам по себе, человек есть “ничто, окружённое Богом, прозябающее в Боге, способное воспринять Бога и наполниться Богом, если того пожелает”» [6, с. 130–131]. Отказ от такого понимания сущности человеческого бытия — это главное, что мешает современной психологии сделать действительный прорыв в знаниях о человеческом гении. В итоге все существующие на сегодняшний день психологические теории гениальности: психоаналитические теории, теории качественного превосходства, теории количественного превосходства не могут вполне определённо объяснить этот феномен [подр. см.: 15, 17]. Некоторые из этих теорий в лучшем случае описывают блестящие способности и талант, но совсем не гений. Вместе с тем, исследование человеческого гения было бы неполным, если бы мы попытались игнорировать психологические особенности человеческой гениальности, и, прежде всего, *психологию личности* и особенности *психологии творчества гениального человека*.

Исследование личности гения и его творческой деятельности не может опираться на количественные, добытые в психологических экспериментах, факты. По той простой причине, что мы не можем «оживить» гения и предложить ему принять участие в реальном психологическом эксперименте. Поэтому исследование гениальности необходимо проводить на психолого-феноменологическом уровне и названное исследование должно иметь не количественный, а качественный характер. Здесь мы можем опираться лишь на мыслительно-созданный образ личности гения, выстроенный посредством *идеографического описания* личности гения, основанного на тщательном анализе единичных фактов творческой жизни гениального человека, путём формулирования интерпретативных утверждений, приложимых

только к данному конкретному случаю или к классу феноменов, которые представлены этим случаем. При этом *творческая жизнь гения понимается как системное триединство творческого пути гениального человека, его творческой деятельности и его творческого наследия.*

Творчество — это всегда созидание, продукт творчества — это творение. Созидание — это процесс, творение — это созданный в ходе этой деятельности продукт. Началом творческого акта, равно как и продуктом творческой деятельности гениального человека является *гениальная идея*. Рождение гениальной идеи обеспечивается своеобразным резонансом и индукцией человеческой мысли: одна мысль порождает другую, даже если они не только не имеют прямого сходства, но могут даже противоречить друг другу. «В мире, — пишет В. Франкл, — проявляется нечто подобное закону сохранения духовной энергии. Ни одна великая мысль не может пропасть, даже если она так и не дошла до людей, даже если она была “унесена в могилу”» [12, с. 163]. Выделяются следующие *признаки гениальной идеи*:

- гениальная идея питается соками любых других идей;
- гениальная идея имеет качественное своеобразие и оригинальность в сравнении с другими идеями, касающимися соответствующего предмета;
- гениальная идея относительно одного какого-либо предмета, вполне может оказаться продуктивной относительно иных предметов не связанных напрямую с первым предметом;
- гениальная идея сама по себе является не просто результатом мыслительного процесса, но уже *самостоятельным продуктом творческой деятельности*;
- гениальная идея *многомерна* по возможностям своего приложения, *многогранна* по смыслу в ней заложенному, *неисчерпаема* по своему содержанию и *служит неиссякаемым источником* для множества других идей;
- реализация гениальной идеи имеет необходимый, обязательный, *тотальный характер*;
- гениальная идея сама по себе является важнейшим, а зачастую *единственным стимулом реализации самой себя*.

В соответствии со сказанным, *гениальной* мы будем называть такую *идею*, которая является самостоятельным, уникальным и универсальным продуктом творческой деятельности гениального человека, которая *многомерна* по своим приложениям, *многогранна* по смыслу, *неисчерпаема* по содержанию и *служит неиссякаемым источником* для множества других идей; имеет признаки *абсолютной новизны* и *самой-себя-реализации*; для реализации гениальной идеи нет нужды в иных стимулах, кроме как рождения и жизни самой этой идеи; реализация гениальной идеи имеет тотальный характер — она обязательно и необходимо будет реализована.

Таким образом, *творческая деятельность гениального человека* связана с тем, что он: *продуцирует и разрабатывает универсальные гениальные идеи*, ещё не известные человечеству, но имеющие значение для будущего и которые впоследствии станут важнейшей составляющей духовной культуры; *устанавливает* новые, ещё неизвестные человечеству *связи между явлениями* и открывает новые, ещё неизвестные людям законы; *осмысливает*, продумывает и производит нечто такое, что ещё не имеет аналогов в истории всечеловеческой духовной культуры или качественным образом отличается от всех уже существующих образцов, а это нечто, в свою очередь, становится основой для создания многочисленных копий и аналогов, а также служит источником для многих усовершенствований и модификаций; *направляет* свои творческие усилия не на переделку мира, как это делают социальные, экономические и иные реформаторы, а на *создание новых духовных миров*, и *способствует* тем самым духовному преобразению других людей. И ещё одно. Мы видим вещь в её целостности лишь потому, что эта вещь имеет свое имя. Гений обнаруживает *новые вещи*, о которых еще никто не знает и присваивает им *имена*, и только тогда мы узнаем о существовании вещей, обнаруженных гением. ***Гений творит новые духовные ценности, которые со временем приобретают силу идеалов.***

Поскольку *гениальность* — это наивысшая степень проявления *ума, сознания, творческих сил (творчесткости) человека* [17], постольку особенности, направленность и интенсивность творческой жизни гениального человека будет зависеть от типа, строя и направленности его ума. Артур Шопенгауэр утверждал, что «гениальность... состоит в... совершенно непомерном, реальном избытке интеллекта» [20, с. 325]. Однако, по результатам исследований современных психологов, есть множество людей, обладающих высочайшими показателями интеллектуального развития, но которые гениями отнюдь не являются [см.: 7]. Дело здесь, по-видимому, состоит не в преобладании интеллекта как такового, а в *особости гениального ума*.

Мы выделяем три типа ума: *ум утилитарно-практический*, *ум позитивно-изобретательный*, *ум созидательно-творческий*, соответствующие трём типам человеческих дарований — *прилежанию, таланту и гению*, определённых ещё И. Кантом (1798) [3].

Ум утилитарно-практический позволяет его носителю приспосабливаться к окружающим вещам и явлениям для удовлетворения собственных актуальных потребностей. Такой ум направлен на решение достаточно простых и стандартных задач, обеспечивающих существование человека в природной и социальной среде. С решением таких задач, как правило, справляется любой человек. Главная особенность этого типа ума — *репродуктивность*.

Ум позитивно-изобретательный позволяет его носителю приспосабливать вещи и явления для удовлетворения как собственных потребностей, так и тех же потребностей множества других людей. Такой ум позволяет его носителю ставить и реализовывать цели, достаточно широко развёрнутые в жизненном пространстве и во времени. В отличие от первого типа, позитивно-изобретательский ум способен к индуктивным и дедуктивным выводам высокого уровня, благодаря которым добываются истины позитивной науки и создаются продукты индустриально-технической цивилизации. Главная особенность этого типа ума — *продуктивность*, а высший уровень его развития мы находим у *талантливых людей*.

Оба названных типа ума сходны в своей *направленности*, исходящей из соображений *пользы и выгоды*, как в настоящем времени, так и в обозримом будущем.

Ум созидательно-творческий открывает в своих мыслеобразах смыслы и ценности, постигает иные духовные миры, создаёт универсалии духовной культуры. Направленность такого ума не исходит из соображений пользы и выгоды. Созидательно-творческий ум не может быть ни вульгарным, ни практичным, ни расчленяющим, это ум простой, наивный, синтетический. Это ум духовно-деятельный — художественный, поэтический, созерцательный, созидающий, отражающий не только первоосновы бытия, но и умеющий *прозреть в самом видимом невидимое высшее духовное начало*. Продукты созидательно-творческого ума хотят найти свою завершённость в *благое, возвышенном, прекрасном*, т.е. в том, что мы называем *совершенством*. Такой тип ума — это ум *гениального человека* с атрибутами *парадоксальности, вневременности, универсальности* [15, 17].

Разработанная нами ранее [17, с. 44–45], *концептуальная модель соотношения человеческих дарований, типов ума и уровней творческой деятельности человека* представлена ниже в табл. 1.

Таблица 1. Концептуальная модель человеческих дарований, типов ума и уровней творческой деятельности человека

Три ипостаси человеческой природы	Три вида человеческих дарований	Три типа человеческого ума	Три уровня творческой деятельности человека
Духовное (дух)	Гений	Ум созидательно-творческий	Духовное творчество
Психическое (душа)	Талант	Ум позитивно-изобретательный	Изобретательство
Телесное (плоть)	Прилежание	Ум утилитарно-практический	Рациональный практицизм

Если утилитарно-практический ум обыкновенного человека опирается на мнения, стереотипы, догматы, суеверия, а ум таланта — на обобщения эмпирического опыта, добытые в естественных жизненных экспериментах и в позитивной науке, то ум гения опирается на ценности, идеалы, принципы. Более того, он сам создаёт ценности, формирует культ идеалов, выявляет первоосновы бытия и сознания. Причём, не занимаясь всем этим непосредственно, даже зачастую не размышляя именно в этом контексте, гений создаёт исключительно такие *продукты духа*, которые становятся достоянием всех других людей. Если первые два типа ума в совершенстве обеспечивают актуальное бытие природно-социального индивида, то созидательно-творческий ум, направленный на постижение идей и сущности вещей, обеспечивает *духовную жизнь личности в её высочайших проявлениях*, недоступных первым двум типам ума.

IV

Исследование и познание гения есть попытка взглянуть на вечные вопросы глазами гениальных людей, которые вскрывают «невидимое» посредством «проявляющего сияния». Гений всегда *философ*, но далеко не каждый философ — гений. Гений всегда *писатель*, но редко какой писатель обладает действительно писательским даром. Гений всегда *учитель*, но среди множества профессиональных

учителей до обидного мало тех, кто обладает действительным талантом педагога. Гений всегда *художник*, но далеко не каждого живописца можно назвать гением. Гений всегда *поэт*, хотя большинство профессиональных сложителей стихов не поднимаются выше сочинения достаточно банальных текстов в стихотворной форме, основанной на использовании рифмы. Гений всегда *прекрасен умом и духом*, даже если он внешне уродлив, обладает скверным характером или имеет иные издержки, которые для обывателя могут представляться недостатками.

Личность гения, также как и у любого другого человека, далеко неоднозначна и в частной жизни они могут проявлять поведение, которое не одобряется и даже отвергается не только обществом, но и близкими людьми. Однако, это последнее не имеет никакого отношения к гениальности. Вспомним, что по этому поводу писал А. С. Пушкин: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал как мы, он мерзок, как мы!* Врёте, подлецы: он мал и мерзок — не так как вы, — иначе» (Из «Писем» А. С. Пушкина). В исследовании гениальности мы опираемся на следующее положение Платона: «И если кто желает отыскать причину, по которой что либо рождается, гибнет, или существует, ему следует выяснить, как лучше всего этой вещи существовать, действовать или самой испытывать какое либо воздействие. Исходя из этого рассуждения, человеку не нужно исследовать ни в себе, ни в окружающем ничего иного, кроме самого лучшего и самого совершенного» [8, с. 687]. Исходя из представленных здесь положений, в наших исследованиях, при разработке проблемы гениальности и реконструкции образа личности гения, мы опираемся на **принцип отражения совершенства**.

Онтологическая сущность человека в её духовной эманации выражается в универсальных идеях *любви, истины, красоты*, которые абсолютно определяют творческую жизнь гениального человека в триединстве её составляющих. При этом гениальные люди *творяют ценности и определяют смыслы духовной культуры человека. Этим последним и определяется личностный смысл (ЛИК) творческой жизни гения* (см. табл. 2, столб. 1). Поскольку гениальность есть вершинное состояние человеческого духа в высших эманациях ума, сознания и творческой активности, постольку на своём творческом пути гений находится в вечном поиске *благого, возвышенного и прекрасного* (табл. 2, столб. 2), что, в свою очередь, запечатлевается в его творческом наследии — в мыслеобразах, идеях, открытиях и трудах гениального человека. При этом, в своей творческой деятельности гений выступает как *художник, мыслитель и творец в одном лице* (табл. 2, столб. 3). В своем универсально-целостном творческом акте гениальный человек раскрывается как *художник, как мыслитель, как творец*; а в настоящем смысле своего бытия человеческий гений выступает как носитель *идеала истины*, как проводник *идеала любви* и как хранитель *идеала красоты*.

Таблица 2. Концептуальная модель гениальности в творческой жизни человека

<i>Универсальные идеи, определяющие смысл творческой жизни гения</i>	<i>Творческие устремления гениального человека</i>	<i>Образ личности гения — гений, как творческий деятель</i>
Любовь	Благое	Творец
Истина	Возвышенное	Мыслитель
Красота	Прекрасное	Художник

Гений как творец обнаруживает новые вещи, о которых ещё никто не знает и присваивает им имена, и тогда все мы узнаем о существовании вещей, обнаруженных гением. Гений созидает новые ценности, которые со временем приобретают силу идеалов. *Гений как художник* предстает перед нами как *выразитель прекрасного*, поскольку он, во-первых, имеет особое уникальное, присущее только ему видение мира (чувствование прекрасного); во-вторых, он умеет находить и использовать разнообразные выразительные средства — цвет, звук, форму и слово для передачи этого своего видения другим людям, и таким образом, выразить свое понимание мира и бытия в художественной форме. *Гений как мыслитель* предстает перед нами как разведчик истины, той истины, которая не видна ещё всем остальным, но уже стала известной гению [подр. см.: 13, 16]. Следовательно, гений — это высший творческий и мыслительный человеческий тип.

В гениальности преодолевается дуальность божественного и человеческого, духовного и телесного, сознательного и бессознательного, разумного и интуитивного, умопостигаемого и веропринимаемого. В свою очередь, *гениальный человек* (Homo genius), раскрывается в творческом акте как *открыватель*

смыслов и универсальных идей, как *возделыватель* духовных ценностей и *созерцатель* чужойности вещей, как настоящий создатель духовной культуры.

Гений творит и утверждает такие духовные ценности, которые с течением времени приобретают силу идеалов и тем самым в полной мере реализуют *смысл человеческого бытия*. Таким образом, в личности гения мы имеем *выражение идеала человека, сущности человека и смысла человеческого бытия*. Если гениальность — есть феномен, определяющий сущность человека и смысл его бытия, то, не ответив на вопрос: «*что есть сущность гениальности?*», мы не сможем дать ответ и на вопрос: «*что есть человек?*». *Особость природы человека* в её отличии от всех иных живых существ заключается отнюдь не в разуме в его исключительной изолированности, а определяется человеческим гением, бытие которого являет себя в эманациях ума, сознания и творческой личности человека в их неразрывной целостности. Причём, предельные проявления ума, сознания, творческой личности человека находят свою завершенность в личности гениального человека. Следовательно, настоящая сущность человека, отличающая его от всех иных живых существ — это его, человека, дух (гений).

Человеческий гений и есть то «самое самое», с чего начинается человек, запускается человеческая история, разворачивается становление духовной культуры [подр. см.: 17, 19]. Появление гения не является продуктом определённой эпохи. Наоборот, именно гений определяет не только направленность и характер, но значение в истории человечества той эпохи, которая отмечена печатью его творчества. Гений создаёт «метафизическую мудрость», творит новые духовные ценности, которые со временем приобретают силу идеалов, формируя тем самым ценности духовной культуры, оставаясь при этом мало причастным к формированию достижений индустриально-промышленной цивилизации. Гениальность, как главный источник и питательная среда духовной культуры во всех её известных формах (религия, искусство, философия, наука, образование), есть одновременно и порождение духовной культуры. Последнее приводит к тому, что на исторических этапах упадка человеческой культуры проявление гениальности становится предельно редким явлением, и, наоборот, в эпохи подъёма духовной культуры социально-культурная среда более благоприятна для гениальных людей. Следовательно, *гений есть одновременно и творец и творение духовной культуры, гений есть движитель, культиватор и охранитель культурного, духовного и нравственного наследия, а гениальность, в свою очередь, есть системный фактор целостности и нерушимости человеческого общества*.

V

На основании разработки проблемы гениальности и многолетних исследований человеческого гения [13–19] нами была разработана **концептуальная идейно-смысловая и содержательно-личностная модель гениальности**, представленная ниже в виде таблицы (табл. 3).

Большинство живущих на земле людей, даже декларативно признавая значимость идеалов благого, возвышенного и прекрасного, вместе с тем, погружаются в жизненный цикл конкурентной борьбы за экономическое процветание, материальное благополучие, карьерный рост и прочие «блага цивилизации». Тем самым человек ограничивает возможность своих дарований лишь развитием прилежания, сужает узкой специализацией возможности своего ума, не поднимается в своих творческих исканиях выше уровня рационального практицизма и тем самым угнетает свою изначально потенцированную гениальность.

Таблица 3. ЛИК гения: концептуальная идейно-смысловая и содержательно-личностная модель гениальности

Универсальные идеи	Идеал совершенства	Образ личности гения	Бытие гения на творческом пути	Содержание творческой деятельности гения
Л юбовь	Благое	Творец	Первопроходец-созидатель	Отражение идеи благого
И стина	Возвышенно	Мыслитель	Первооткрыватель-исследователь	Отражение идеи возвышенного
К расота	Прекрасное	Художник	Первоинициатор-созерцатель	Отражение идеи прекрасного

Напротив, *творческая жизнь гения* — это предельно осознанное бытие, а его *творческий путь* — это непрерывное и непрекращающееся духовное становление. Творческая жизнь гения во всей своей

полноте (триединстве) творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия формирует духовную культуру человека, сердцевинной которой выступают две универсальные триады: *любовь + истина + красота*; и, *благое + возвышенное + прекрасное* (табл. 3). В итоге, эта универсальность вырывает творческую жизнь гения из того временного потока, в котором пребывают его современники и *гениальный человек совершает деяния, которые мы определяем как духовное творчество*.

Таким образом, мы подошли к разработке *идеально-смыслового критерия гениальности*, такого критерия, который позволяет определённо и однозначно *идентифицировать проявленную гениальность конкретной личности*.

Итак, *идеально-смысловой критерий гениальности* формулируется следующим образом. Если человек является собой *личностное триединство человечности, творческой и созидательно-творческой ума*; если творческий путь человека представляет собой поиск *благого, возвышенного и прекрасного*, переживаемых им как *трансцендентные реальности*; если в своей творческой деятельности этот человек выступает как *духовный созидатель* (творец), как *разведчик истины* (мыслитель) и как *выразитель красоты* (художник) в одном лице, а его творческое наследие отмечено *идеалом совершенства*, выраженном в универсальных идеях *любви, истины и красоты*, то *такой и только такой человек может носить имя Гения*. Напротив, если в личности человека не проявляются системные факторы человечности, творческой и созидательно-творческой ума; если творческие устремления человека не соответствуют показателям *благого, возвышенного и прекрасного*; если в своей творческой деятельности человек не выступает одновременно как художник, мыслитель и творец, а результаты его трудов не отмечены идеалом совершенства, то такой человек не может называться гением, даже если его достижения в какой-либо сфере деятельности могут признаваться как выдающиеся.

В более краткой формулировке *идеально-смысловой критерий гениальности* будет иметь следующую интерпретацию: гениальным человеком (гением, гениальной личностью) мы называем такого человека, чья творческая жизнь в триединстве её составляющих (творческий путь, творческая деятельность, творческое наследие) есть постоянный поиск и путь к совершенству в универсальных идеях *благого, возвышенного, прекрасного* и утверждение такового совершенства в продуктах личного творчества.

В свою очередь, *сущность гениальности* заключается в реализации личностного творческого дара и трансцендентно заданного назначения человека, а в личности *гения* мы имеем выражение *идеала человека*, собственно сущности человека и смысла человеческого бытия. В идеале, любой человек в своём духовном становлении (если оно не прекращается в пределах отмеренного ему времени) стремится к гениальности, которая, по сути, тождественна человечности. Обнаружение, осознание и принятие человеком *творческого дара и своего назначения* и есть собственно проявление, эманация гениальности. *Гениальность* — это постижение и достижение *смысла бытия личности*, а *гениальный человек (гений)* — это человек в полной мере реализующий *смысл человеческого бытия*.

Выводы

1. Фундаментальность проблемы гениальности, содержательная сложность этого явления, роль гениальности в становлении и развитии духовной культуры человека, её смысл и значение в понимании природы человека и духовных начал его бытия, парадоксальность явления гениальности, возникновение всё новых и новых вопросов в ходе исследования этого «загадочного феномена», ясно показывает невозможность разрешения проблемы гениальности в рамках узко специализированного подхода и заставляет исследователя взглянуть на эту проблему интегрально, используя для этого концептуально-понятийный аппарат и инструментарий следующих подходов: 1) *философско-антропологический подход*, который позволяет разрабатывать проблему гениальности в контексте фундаментальных вопросов постижения природы человека и смысла его бытия; 2) *культурно-исторический подход*, который позволяет ответить на вопросы о начале гения в человеческой истории, о месте и роли гениальности в развитии духовной культуры человека, как в исторической ретроспективе, так и исторической перспективе; 3) *психолого-феноменологический подход*, который позволяет раскрыть и представить образ личности гения на деятельностно-смысловом, личностно-типологическом и содержательно-феноменологическом уровнях.

2. *Развёрнутое понятие гениальности*. Гениальность понимается, во-первых, как *особый вид сущего*, определяющего содержание духовной жизни личности; во-вторых, как *вершинное состояние*

человеческого духа, в-третьих, как *ключевой фактор, определяющий начало человеческой истории и становление духовной культуры человека*, в-четвёртых, как принцип, определяющий саму *сущность человека и его природу*, и, в-пятых, как *творческое многообразие смысла бытия личности*. В свою очередь, *гениальность есть особое, в своей функциональности ни с чем несравнимое, само-по-себе существующее, само-по-себе проявляющееся системно-целостное свойство-состояние ума, сознания и творческих сил (творчесткости) человека*.

3. *Творческая деятельность гениального человека* связана с тем, что он: *продуцирует*, воспроизводит и разрабатывает *универсальные творческие идеи* ещё не известные человечеству, но имеющие значение для будущего и которые впоследствии становятся важнейшими составляющими духовной культуры; *устанавливает* новые, ещё не известные человечеству *связи между явлениями* и открывает новые, ещё не известные людям законы; *осмысливает*, продумывает и производит нечто такое, что ещё не имеет аналогов в истории всечеловеческой духовной культуры или качественным образом отличается от всех уже существующих образцов, а это нечто, в свою очередь, становится основой для создания многочисленных копий и аналогов, а также служит источником для многих усовершенствований и модификаций; *направляет* свои творческие усилия не на переделку мира, как это делают социальные, экономические и иные реформаторы, а на создание *новых духовных миров* и способствует духовному преображению других людей. И ещё одно. Мы видим вещь в её целостности лишь потому, что эта вещь имеет своё имя. Гений обнаруживает новые вещи, о которых ещё никто не знает, и присваивает им имена, и только тогда мы узнаём о существовании этих вещей.

4. *Творческая жизнь гения* во всей своей полноте (триединстве) творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия гения формирует духовную культуру человека, сердцевинной которой выступают три универсальные триады: 1) *любовь, истина, красота*; 2) *благое, возвышенное, прекрасное*; и 3) *человечность, творчесткость, созидательно-творческий ум*.

5. *Идеально-смысловой критерий гениальности*. Если какой либо человек являет собой *личностное триединство человечности, творчесткости и созидательно-творческого ума*; если при этом его творческий путь представляет собой поиск *благого, возвышенного и прекрасного*; если в своей творческой деятельности этот человек выступает как *духовный созидатель* (творец), как *разведчик истины* (мыслитель) и как *выразитель красоты* (художник) в одном лице, а его творческое наследие отмечено *идеалом совершенства*, выраженном в универсальных *идеях любви, истины и красоты*, то *такой и только такой человек может носить имя Гения*.

Список литературы

1. *Анастаси А.* Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. — М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 752 с.
2. *Виндельбанд В.* Прелюдии. — М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. 400с.
3. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 899–1070.
4. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героические истории / Томас Карлейль. — М.: Экс-мо, 2008. — 864 с.
5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла: Сочинения. — М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2008. — 848 с.
6. *Олдос Хаксли.* Вечная философия. — М.: Профит Стайл, Серебряные нити, 2010. — 384 с.
7. Основные современные концепции творчества и одарённости. — М.: М. гвардия, 1997.
8. *Платон.* Диалоги. Книга первая. — М.: Эксмо, 2008. — 1232 с.
9. *Стендаль.* Собрание сочинений в 15-ти томах. — М.: Библиотека «ОГОНЁК» Издательство «ПРАВДА», 1959. Т. 7.
10. *Теплов Н. В.* Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения культуры (Доклад, читанный на заседании Исторического общества 24 марта 1902 г.). — М.: Издание Исторического общества при Императорском Московском университете, 1902. — 50 с.
11. *Трубецкой С. Н.* Учение о Логосе и его истории // Трубецкой С. Н. Сочинения. — М.: Мысль, 1994. — С. 43–480.
12. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. *Чернов С. В.* Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1. С. 34–44.
14. *Чернов С. В.* Диалектика и феноменология человеческого гения // Научные Труды Института духовной культуры и свободного творчества. 2011. № 1. С. 99–142.
15. *Чернов С. В.* Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. № 7. Монографические исследования. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2016. — С. 7–96.
16. *Чернов С. В.* Книга о гениальности. Т. 1: Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М.: АНО «Институт духовной культуры и свободного творчества», 2010.
17. *Чернов С. В.* Новый взгляд на природу гениальности // Психология и Психотехника. 2015. № 2. С. 159–174. DOI: 10.7256/2070–8955.2015.2.14131.
18. *Чернов С. В.* О творческом назначении человека // Философия и культура. 2011. № 1. С. 41–49.
19. *Чернов С. В.* Проблема гениальности в контексте философской антропологии // Философия и культура, 2013. № 12. С. 1757–1769. DOI: 10.7256/1999–2793.2013.12.9382.
20. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Мир как воля и представление. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2001.

ФИЛОСОФСКАЯ КНИГА

М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов

ИСКУСТВО НЕВОЗМОЖНОГО

***Аннотация.** Статья посвящена анализу фундаментального исследования о гениальности, представленного в монографии профессора С. В. Чернова «Книга о гениальности», вышедшей в 2010 году. В книге развивается оригинальное представление о природе, сущности и становлении человеческого гения, рассматриваются вопросы универсальной и нравственной природы гения, соотношения таланта и гения, святости и гениальности, творческого дара и назначения гения. Исследуется проблема труда и духовного творчества гениальных людей, где творчество последних рассматривается как призвание и откровение; выделяются сущностные основания, личностные атрибуты и духовные признаки гениальных людей. Образ личности гения представлен автором в следующем образном триединстве: гений как творец, мыслитель и художник в одном лице.*

***Ключевые слова:** «Книга о гениальности», С. В. Чернов, гениальность и модальность, гениальность и потенциальность, гениальность и кинетичность, гениальность и святость, гениальность и нормальность, аксиоматика, становление гения, учение о гениальности.*

М. А. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov

Art of impossible

***Review.** Article is devoted to the analysis of a basic research about genius presented in the monograph of professor S. V. Chernov «The book about the genius» which left in 2010. In the book original idea of the nature, essence and formation of the human genius develops, questions of the universal and moral nature of the genius, a ratio of talent and the genius, sanctity and genius, a creative gift and appointment of the genius are considered. The problem of work and spiritual creativity of ingenious people where creativity of the last is considered as calling and a revelation is investigated; the intrinsic bases, personal attributes and spiritual signs of ingenious people are allocated. The image of the identity of the genius is presented by the author in the following figurative trinity: the genius as the creator, the thinker and the artist in one person.*

***Keywords:** «The book about genius», S. V. Chernov, genius and a modality, genius and potentiality, genius and potential, genius and sanctity, genius and normality, axiomatics, formation of the genius, the doctrine about genius.*

Хорошо известно высказывание о том, что политика — это искусство возможного. По аналогии хотелось бы сказать, что гениальность — это искусство невозможного. Именно таким пафосом полна монография Сергея Васильевича Чернова «Книга о гениальности» (2010) [4]. Размышлениям в связи с прочтением этой фундаментальной работы и посвящена настоящая статья.

Гениальность и модальность

Михаил Эпштейн в своей книге «Философия модальности» выделял три модальности суждений: ассерторические (суждения действительности), аподиктические (суждения необходимости) и проблематические (суждения возможности). Этим суждениям соответствуют три наклонения языка: изъявительное (есть), повелительное (быть) и сослагательное (было бы). Если говорить о модальной основе «Книги о гениальности», то она оперирует всеми тремя модальностями, пытаясь провести представление о гениальности между Сциллой категории «возможное» и Харибдой категории «невозможное». При

этом гениальность рассматривается как предел «возможного» с переходом в «невозможное». То есть: «Этого не может быть», но это «есть» или «Это было бы так», если бы «не было иначе».

Чем собственно вызвана такая модальность? Прежде всего тем, что работа С. В. Чернова заполняет пробел, образовавшийся в отечественной философии в связи с тем, что из неё на долгие годы были изгнаны философские направления связанные с русской православной, теософской, трансцендентной, мистической, идеалистической идеей. Фактически она продолжает то направление русской философии, которое определяется работами В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Льва Шестова, А. Ф. Лосева. Это определяет и критику С. В. Чернова, которую автор направляет против понимания гениальности в духе конструктивизма, позитивизма, экзистенциализма, неотрейдизма, материализма, вообще любых «измов», ставящих во главу угла, как отрицание теории «божественного дара», так и воспевание теории практической пользы.

Гениальность и потенциальность

Одним из важных утверждений персонифицированной теории гениальности С. В. Чернова является положение о «потенцированной гениальности», согласно которому потенциально гениальным является любой человек. И действительно, если гениальность — это дар Божий, а сам человек создан по образу и подобию Божьему, то Господь наделяет своими дарами не за заслуги, а по милости своей, которая согласно православному учению безгранична.

В литературе, а вернее в литературной критике, существует направление, которое призывает судить автора и его произведения по законам им самим созданным. То есть, если уточнить, по законам созданного им художественного мира.

На наш взгляд, настаивая на полной объективности своих построений, философы просто пытаются завуалировать очень важное в их творчестве субъективное, пристрастное начало. Они, вслед за любыми творческими субъектами, создают свои миры, являющиеся философскими моделями божьего замысла, а главное божественной и человеческой реализации. А значит, их также следует судить по законам ими самими созданными.

В случае православной патристики С. В. Чернова мы оказываемся в затруднительном положении. Ибо, если следовать святоотеческому учению «не судите, да не судимы будете», то судить С. В. Чернова грешно. Выход из этого затруднения нами видится хотя бы в том, что мы предполагаем лишь обсуждать, а никак не осуждать, проделанную профессором Черновым колоссальную и весьма достойную работу. Исходя из тех же православных канонов, которые вдохновляли проф. Чернова и всех его философских предшественников, Господь предупредил своих адептов и апостолов: «Что вами на земле свяжется, то на небесах не развяжется».

В своей книге С. В. Чернов неоднократно подчёркивает, что вопросы гениальности могут рассматриваться только методами предложенного В. С. Соловьевым и развитого А. Ф. Лосевым «высшего синтеза», который включает в авторском его применении все научные направления, изучающие гениальность и теологию в том числе. Очень хорошо. То есть включение нами такой науки как генетика не противоречит законам, созданным С. В. Черновым. Косвенно он и сам подтверждает правомочность использования достижений генетики, когда утверждает, что гений есть вершина рода и гордость породившего его этноса.

Но... Не будем путать процесс «становления гениальности» с «потенциальной гениальностью». Не будем и спорить с центральным положением гуманизма о том, что все люди рождены равными. Однако спросим: «Равными в чём?». Во всём? Или в правах. Или в возможности стать гениями?

Представляется, что изначально Господь подарил каждому своему чаду возможность жить и умереть, и свободу выбора. То есть, потенцирована возможность обожения, спасения, прихода к жизни вечной. Но одновременно именно свободой выбора потенцирована возможность гибели, ада, вечной смерти. Как подчёркивал в своей книге «Психологическая топология пути», изданной в 1997, известный философ М. Мамардашвили: «Жизнь — есть усилие во времени» [2]. Это усилие возникает от того, что в каждой минуте жизни потенцировано мгновение смерти.

Таким образом, реальная действительность состоит в том, что все люди рождаются разными. И «потенцированная гениальность» как абстрактная величина, как философская категория необходимая С. В. Чернову для построения его аксиоматики гениального, есть в каждом, но у некоторых она равна

нулю, у некоторых представляет собой бесконечно малую величину, а у некоторых огромна. Короче говоря: «на осине не растут апельсины». Увы.

И всё же, дабы оставаться в рамках тенденции намеченной проф. Черновым, приведём более точное определение в поддержку нашей концепции. Собственно это не определение, а цитата из трудов великого православного богослова Силуана Афонского: «Господь иногда оставляет душу, чтобы испытать её, чтобы душа показала свой разум и своё произволение».

Гениальность и кинетичность

Рассмотрение гениальности в кинетическом поле, или, если так можно сказать, в динамике, происходит в рамках философской концепции С. В. Чернова в нескольких направлениях. Во-первых, как интровертивный процесс в рамках «становления гениальности». Во-вторых, как экстравертивный переход от непризнания и отторжения гения социумом к канонизации гения и включения его «бренда» и мифологии о нём в «цивилизационный оборот», то есть в технологию воспроизводства «ультрегерского бессмертия». В-третьих, кинетическая составляющая философского размышления С. В. Чернова, носящая по преимуществу предикативный характер, не может миновать дилемму «гений и время».

Такая композиция рассматривается в «Книге о гениальности» в трёх экспозициях. Как текущее, прижизненное бытие гения, как трассирование его самости в контексте эпохи и как способность гения самостоятельно и самодостаточно оперировать временем, определяя его, выходя за его рамки и даже, в ряде случаев реставрируя его и оборачивая вспять.

Остановимся последовательно на каждом из этих исследований кинетики гениальности подробнее. Итак, « становление гениальности». По С. В. Чернову оно проходит в три этапа. Первый — проявление способностей, второй — открытие таланта или талантов, третий — перманентное восхождение к духовным вершинам гениальности. Причём переход от второго этапа к третьему, согласно концепции автора «Книги о гениальности» происходит благодаря «поступку» или как нам представляется точнее «событию в биографии героя», причём не просто абы какому поступку или событию, а некому абсолютно нетривиальному шагу или случаю, меняющему, что называется «главную мелодию барабанов судьбы». Например, в жизни Гогена — это отъезд на Таити, в биографии Ломоносова уход с обозом в Москву. Что касается апостола Павла, пример которого приводит С. В. Чернов, это встреча с Христом, после которой он вначале ослеп, а затем прозрел для новой жизни и веры. Можно сказать, что на примере апостола Павла мы видим буквальную реализацию известной сентенции: «Случай — это Бог».

Подробнее рассмотрение каждого из состояний «становления гениальности» позволяет С. В. Чернову чётко определить границы отличающие способность от таланта, а талант от гениальности. В терминах «Суммы технологий» Станислава Лема это прозвучало бы так: способности — рационализатор, талант — изобретатель, гений — научное открытие. А в русле «Алхимии слова» Яна Парандовского триада выглядела бы следующим образом: способности — рифмоплёт, талант — стихотворец, гений — поэт. В общем тернистый путь от эпигона и борзописца к художнику слова... Недаром Чернов подчёркивает, что каждый гений — это всегда «мыслитель, творец и художник». При этом мыслитель ищет и познаёт истину, художник выявляет и создаёт красоту, а творец стремится понять замысел Творца и тем самым обрести Любовь. И всё это в одной личности — в гении.

Что можно сказать? Довольно стройная и непротиворечивая картина, но...

Ох, уж это но... Классическая ситуация философской критики: «Платон мне друг, но истина дороже».

Сергей Васильевич Чернов в своих трудах постоянно подчёркивает мысль о том, что подлинный гений при жизни не принимается обществом, и хотя, иногда, признаётся как талант, но никогда не признаётся в полной мере и наталкивается не только на непонимание, но и на ненависть и преследования и даже покушения на свою жизнь. А почему это происходит? Из-за непонимания ни его идей, ни его поступков. Так полагает Чернов. Хотелось бы уточнить динамику этого процесса. Расписать его кинетику пошагово. Рассмотрим следующую, по выражению классика эвристики Дьерда Пойи, правдоподобную гипотезу. Переходу от талантливости к гениальности, а то и от обыденной тупости к гениальности, скачком, как в случае святой Марии Египетской. Этому всегда предшествует «озарение». В науке эвристике для такого случая припасена теория инсайда. Инсайд это область в мозгу человека закреплённая стандартным пониманием. Озарение переход на новое, необычное понимание. Наша гипотеза носит теологический характер. Озарение — это встреча со Святым Духом. Причём просветление может

наступить как для души, так и для разума, и даже для тела. Озарение разума как бы подключает разум к диалогу с Логосом, то есть божественным Словом. «Вначале было Слово и Слово было Бог». В этом случае рождается гений. Озарение может посетить душу и тогда перед нами различные лики Святости. Оно может снизойти как крещение огнём, и тогда перед нами чудо пятидесятницы и иноговорение апостолов, оно может прийти к слепому от рук Христа и тогда слепой становится зрячим.

Но вернёмся к излюбленной нами гениальности. В результате такого озарения человек частично отрывается от мира сего и становится Человекобогом. Он становится инакомыслящим. Он мыслит крамольно с точки зрения и власти, и существующей культуры, и существующей в миру традиции не потому, что он собирается нарушать закон, а потому что он мыслит иначе. Совсем по-другому. Вот оно **«самое само»**, которое завораживало всю плеяду православных философов от Бердяева до Чернова.

С точки зрения социума следующий за озарением поступок это всегда протест. Более того это всегда эмиграция от мира сего. Иногда внешняя, как у Гогена, иногда внутренняя, как у Галилео Галилея.

А как же абсолютный гений — Иисус Христос? Где же Его озарение. Оно в Его крещении. Оно в явлении святой Троицы. Ибо в виде голубя сошел Дух Святой, и голос с небес явил: «Се сын мой возлюбленный». И что дальше? А дальше описанный в Евангелии путь возрастания гениальности, «становления гениальности», как путь от Человекобога к Богочеловеку, путь несения креста, который проходит каждый гений и святой.

Хотелось бы обратить внимание на ещё одно явление в кинетике гениальности, в той её части, которая касается «становления гениальности».

Это момент инициации. В православной церковной традиции «рукоположения» в научной, художественной, литературной традиции появление мэтра, учителя. Причём появлением учителя может сопровождаться каждый переход. От способностей к таланту — один учитель. От таланта к гениальности другой. Учитель способствует, помогает приходу озарения. Недаром первоначально ученики называли Христа ребе или равви, что на арамейском и означает — учитель.

А вот поступок человек должен совершить сам. Известны случаи, когда происходил не только восходящий, но нисходящий, реверсный процесс и даже циклический. Взять хотя бы судьбу талантливого поэта Артюра Рембо, ученика Шарля Бодлера. Написание шедевра, книги «Пьяный корабль» в 17 лет, взлёт на самые вершины поэтического Олимпа и потом бегство в Африку, уход в работоторговлю и полное исчезновение поэтического дара, и следующее за этим гибель в 40 лет и полное забвение. А далее выныривание из забвения и прочное место в истории мировой литературы в качестве примера ранней профессиональной зрелости... и предательства своего таланта.

Теперь хотелось бы остановиться на процессах признания гения социумом. По трактовке С.В. Чернова существуют личности, которых общество считает и называет гениями, но они гениями не являются по целому ряду причин. Из перечня гениев предлагается исключить прикладные и сервисные таланты. То есть по Чернову «гений кулинарии» — это нонсенс.

Кроме того, вслед за А.С. Пушкиным, автор предлагает вычеркнуть злодеев из списка гениев. Впрочем, процитируем С.В. Чернова дословно: «Гений и злодейство — две вещи несовместимые» — написал Пушкин в «Моцарте и Сальери», — и открыл тем самым один из главных законов самой жизни, творчества и становления человеческого гения». «Созидательный характер человеческого гения не позволяет относить к числу гениальных людей ни монархов, ни правителей, ни военачальников, ни захватчиков, ни политических деятелей, ни промышленников, ни удачливых финансистов...» [4].

По ходу дела вся аксиоматика «Книги о гениальности» разработана Черновым для построения стройной системы определения признаков гения и гениальности. В сжатом виде основные положения этой аксиоматики помещены в четвёртой части «Учение о человеческом гении». Скажем сразу же с идеалистической, можно даже сказать трансцендентальной точки зрения, эта аксиоматика выстроена строго и по-своему канонично. Читаешь её положения, и душа хочет согласиться почти со всем. Почти... Во всяком случае со многим. А почему почти?

Прежде всего, потому, что тема гениальности неисчерпаема. Она не может и никогда не сможет похвастаться **«научным закрытием»**, то есть таким положением вещей, когда больше нечего сказать и нечего добавить. Кроме того какой бы полной ни была историография жизни гения, она всё равно не полна. Сама гениальность — есть тайна. Недаром же такие действия церкви как рукоположение, крещение, венчание называются таинствами. Жизнеописания гениев и святых, как правило, мифологизируются. Это неизбежно. Как ещё выделить квинтэссенцию судьбы. Вообще, чтобы понять, хотя бы поверхностно

творческий метод Бальзака, понадобилось бы просмотреть все его правки, всех его текстов, понять почему он по сто раз переписывал одно и то же. Это невозможно. Это немыслимо.

Однако реальность некоторых реконструкций Чернова заставляет видеть скрытые в них противоречия. Так, например, Чернов категорически отказывается в гениальности Сахарову, Курчатову, Королёву. Создателям атомной, водородной бомб и ракет их доставки. Они творцы зла. Но на протяжении всей книги тщательно разбирает гений Леонардо де Винчи. Что писал Леонардо де Винчи в письме герцогу Людовико Сфорца? Что он может сделать замечательные орудия войны. Вот что. Совершенно непонятно, что делать с автором «Погребения Христа» художником барокко Микельанжело Меризиде Караваджо, которого буквально все книги по искусствознанию называю гением. Он был профессиональным убийцей, педофилом и сифилитиком. Скромно промолчу про Чайковского, Пруста и Кузьмина, хотя позволю себе выразить сомнение, что, с православной точки зрения нетипичная сексуальная ориентация и самоубийство не являются злом.

Даже божественная Ахматова, с плохо скрываемым вздохом, писала: Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как эти лопухи возле забора, как эта у забора лебеда».

Подозреваю, что такой эрудированный и искушенный философ как Чернов знает, из какого ссора. Но образно говоря, предпочитает ссор из нашей с ним православной философской избы не выносить.

Вместе с тем довольно оригинальной является мысль Сергея Васильевича Чернова о том, что существует множество безвестных гениев, о которых мы не знаем и, может быть, никогда не узнаем. В чём же оригинальность этой мысли? Прежде всего в том, что сам того не подозревая Чернов затронул очень болезненную тему. Культрегерское бессмертие, поддержка брендов, за которыми стоят мифы о гениях, на цивилизационном плаву — дело весьма и весьма затратное. Число учащих в мире растёт, количество ресурсов падает. Бесчисленное число шекспироведов, пушкинovedов, бальзаковедов и других стригалей акций на проценты с миллиардных сумм, вложенных в раскрутку брендов и мифов об устойчивом пантеоне гениев воспетых за последние несколько сотен лет. Маяковский криком кричал: «Сбросим Пушкина с корабля современности!» не потому, что был варваром, а потому что знал, что на него средств может не хватить. «Кто матери истории более ценен?» ответить трудно, практически невозможно. А вот цена на поддержку памяти о гениях в 8 миллиардах голов цифра вполне реальная и, поверьте, огромная. Не даром многие богословы считают, что к моменту прихода Антихриста новых гениальных имён не будет.

Тема отношения гения ко времени и времени к гению одна из самых сложных и запутанных. И С. В. Чернов от этой темы не уходит. В одной из самых интересных глав, в пятой главе, первой части «Книги о гениальности», которая скромно называется «Гипотезы», Чернов пишет о том, что гений соединяет своей гениальностью прошлое через настоящее с будущим. То есть он даёт времени имя: «времена Ломоносова», «допушкинская эпоха», «век Толстого, Чехова и Достоевского».

Однако «время» само по себе сложнейшее философское понятие. Существует физическое, психологическое, историческое и физиологическое время. Есть понятие личного времени и эфирного. Не говоря уж о том, что существуют понятия актуальной и концептуальной вечности, безвременья, наконец. Представляется, что взаимоотношения гения со всеми этими ипостасями предмет будущих исследований профессора Чернова.

Гениальность и святость

Восемьдесят шестой параграф труда С. В. Чернова один из самых прекрасных, вдохновенных и возвышенных во всей его книге. Он называется «Святость и Гениальность». Давайте проследим, что сам автор выделил специальным петитом в этом параграфе. Итак: *«тип святого и тип гения», «специальные люди», «творчество, как духовное деланье», «путь человечества к Богочеловечеству», «указанный Богом путь», «сочетание гениальности и святости в лике одной самости», «святость плюс гениальность», «сущность человека», пути «следования за достойными подражания примерами», «чувство прекрасного», «творческий ум», «созидание», «безусловная любовь», «люби Бога больше себя и ближнего, как себя», «человечность», «любовь».*

Да простит меня читатель за столь странную цитацию, но она, на наш взгляд, отражает самую суть, проходящих через все исследования гениальности, попыток проф. Чернова сблизить эти два исключительных достижения «святость» и «гениальность». Практически — это попытка слияния двух

семантических единиц, попытка рассмотрения трансформации двух категорий «святой» и «гений» одним предикатом «божественно». Попытка, вызывающая безусловную нашу симпатию, смелая, яркая, плодотворная и при этом в своей порывистости и эмоциональности очень уязвимая. Попробуем объяснить почему.

Философия взаимоотношений между святостью и гениальностью нуждается в более тщательной, более детальной проработке. Такая проработка позволит выявить особенное в типичном, частное в общем. Сравним хотя бы две детализации изучаемых явлений. Лики святости и типы гениальности. Чернов постулирует следующие типы гениальности: гений-солнце, гений-труженик, гений-комета. Православное богословие говорит о двадцати ликах святости. Более того уточняет в рамках одного лика некую иерархию. Например, апостолы. Их 12, а потом 70. Апостолы Петр и Павел считаются Первоверховными, апостолы Матфей, Марк, Лука и Иоанн Богослов — евангелистами.

Содержание канонизации некоторых из святых ликов прямо противоречит аксиоматике гениальности предлагаемой С.В. Черновым. Так «Благоверные» — это святые монархи, князья, правители, чей подвиг заключался в благочестии, милости и заботе о христианской вере. А святой праведный воин Федор Ушаков, прославленный Русской Православной Церковью, а прославившие себя в битвах Святые Дмитрий Донской и Александр Невский.

Как нами неоднократно подчёркивалось, в рамках аксиоматики Чернова эти святые гениями быть не могут.

Перед нами довольно типичный случай, когда талант сталкивается с гениальностью. Нет не талант святых с творческим даром гениев, а талант Чернова с гениальностью К. Геделя. Теорема Геделя, доказанная им в 1931 году гласит: «Любая аксиоматика — неполна».

Огромный интерес автора к теме гениальности святых и святости гениальности, понимание всей важности уникального метода исследования персональной гениальности, разработанного С.В. Черновым, заставляют нас порекомендовать автору в последующие тома «Книги о гениальности» включить исследования жития тех святых, которые одновременно признаны и как гениальные творцы, мыслители и художники одновременно. Один из таких святых — это святитель Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясеньский. Не меньший интерес представляет рассмотрение биографий святого Августина. Можно обратить внимание на книгу Валентина Никитина «Гении в сонме святых», а в этой книге на личность Ильи Праведного, в миру Ильи Чавчавадзе, писателя, поэта, публициста и общественного деятеля, которого грузинская культурная традиция считает гением литературы.

Возможно, отталкиваясь от положений выдвинутых, с одной стороны Николаем Бердяевым в 1916 году, в его книге «Смысл Творчества», в главе «Творчество и аскетизм. Гениальность и святость» [1, с. 166–185], а с другой стороны на положения работы Фомы Кемпийского «О подражании Христу», несколько расширить спектр аналогий между гениальностью и признаками обожения личности. Например, рассмотреть не только дилемму гений-святой, но другие, схожие по сути дихотомии: гений-пророк, гений-блаженный, гений-мученик. Известно, что «благими намерениями выстелена дорога в ад». Опасаясь, что благие пожелания лежат в том же русле, завершим наше рассмотрение проблемы связи святости и гениальности в трудах С.В. Чернова.

Гениальность и нормальность

Считая гениальность высшим проявлением жизни человеческого духа, Сергей Васильевич Чернов одним махом отмечает любое «наукотворчество» связанное с исследованием ненормальности гениев, их психопатичности в той или иной степени. Позволим себе прямую цитацию: «Ещё одна сторона проблемы заключается в том, что многие, ставшие классическими труды, посвященные проблеме гениальности (Ч. Ламброзо, М. Нордау, Э. Кречмер, В.П. Эфроимсон и др.) отражают лишь внешнюю сторону гениальности, её телесную и душевную ипостаси, не затрагивая при этом ипостась духа, и, в этой связи, не имеют ничего общего с сущностью, с самое само гения» [4, с. 35].

Оставим в стороне вопрос о нормальности самого гения. Ибо, «исключительное» в глазах «усредненного», не может быть нормой в принципе. Обратим внимание на некоторые сентенции, как бы считающиеся народной мудростью: «Природа, потратившись на гения, отыгрывается на его детях» или «Гении умирают молодыми». Впрочем, неудивительно. Если гений — вершина рода, то далее только спуск. Или нет? Случаи наследственной талантливости, особенно среди врачей, математиков и музыкантов,

хорошо известны, взять хотя бы Бахов. Но случаи наследственной гениальности, по крайней мере, нам не известны.

Но ещё в большей степени мало изучено влияние возрастания общего количества гениев на человечество. На его психическое здоровье. — Вот вы и попались!, — воскликнет читатель. То вы пишете, что число гениев на миллион человек число постоянное, то говорите о возрастании числа гениев.

Чтобы преодолеть это кажущееся противоречие снова обратимся к аналогии гениальности со святостью. Что такое Церковь, как тело Христово. Это весь клир, все миряне и... прошу внимания, все святые, все Ангелы, Архангелы, Силы, Начала, Престолы и, конечно, сам Господь. Ибо, где двое собралось во имя Его, там и Он среди них. Гений воскресает в своих мыслях и идеях, он живёт в своих произведениях и в творениях своих учеников. Когда мы говорим о возрастании гениальности, мы говорим о суммарном их количестве, начиная с творца наскальных рисунков.

Татьяна Черниговская 2 ноября 2015 года опубликовала статью на сайте New ReZume. Org под сенсационным названием: «За существование гениев человечество платит огромную цену». Она отмечала лавинообразный рост числа психических заболеваний в мире. Количество душевнобольных, по её данным, превысило число больных канцером и сердечно-сосудистыми патологиями вместе взятыми. Депрессии, пограничные состояния, психопатии — мозг не выдерживает темпа современной жизни, не справляется с неуклонным ростом проблем, порожденных цивилизацией. Однако, Черниговская обратила внимание на то, что «норма — это не только то, что упирается в патологию, но и то, что упирается в другую патологию, с противоположной стороны — гениальность. Потому что гениальность не норма. И, как правило, эти люди дорогой ценой свою гениальность оплачивают. Из них огромный процент людей, которые либо спиваются, либо с собой кончают, или шизофрения, или что-нибудь у них непременно есть. И это огромная статистика. Это не бабушкины разговоры, на самом деле так» [3]. Как определить в текущем времени, кто гений, кто просто талант, у кого способности, а у кого дутый авторитет? Можно было бы от слов Т. Черниговской просто отмахнуться, так же как от теорий В. П. Эфроимсона [7], но не лучше ли вникнуть в обоснование её утверждений и понять, а что же происходит на глобальном уровне? Это решать не нам, а тем, кто всю свою научную энергию посвятил проблемам гениальности. Ну, например, Сергею Васильевичу Чернову.

Поскриптум

Подробную цитацию работ С. В. Чернова о гениальности [4, 5, 6] мы не считаем излишней, но уверяем, что насыщенность его текстов важной информацией и оригинальными идеями столь высока, что нам бы пришлось их перепечатывать целиком. Советуем читателю потрудиться или, на худой конец, полюбопытствовать, а лучше прочитать «Книгу о гениальности» самостоятельно.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 668 с.
2. *Мамардашвили М.* Психологическая топология пути. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
3. *Черниговская Т.* опубликовала статью на сайте под сенсационным названием: За существование гениев человечество платит огромную цену // New Rezume. Org. 2 ноября 2015 г.
4. *Чернов С. В.* Книга о гениальности. Т. 1: Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Монография. Воронеж-М.: АНО «Институт духовной культуры и свободного творчества», 2010. — 562 с.
5. *Чернов С. В.* Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования. 2016. № 7. — С. 7–96.
6. *Чернов С. В.* Новый взгляд на природу гениальности // Психология и Психотехника. 2015. № 2. С. 159–174. DOI: 10.7256/2070–8955.2015.2.14131.
7. *Эфроимсон В. П.* Генетика гениальности. Изд. 3-е. — М.: Тайдекс Ко, 2004. — 376 с.

СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Э.М. Спирова

ТРУД КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ⁶

Аннотация. Труд не является сам по себе безусловной гранью человеческого бытия. Он имеет этот статус только в том случае, когда можно говорить о сохранении человеческой природы, об уникальности человека как особого рода сущего. В протестантской эпохе не просто утверждается достоинство труда и подчёркивается низость праздности. Труд рассматривается как судьба, как призвание человека, как его предназначение. Признаётся богоугодность трудового призвания. В православии, как и в протестантизме, значительное место занимало уважение к труду. Оно благословляло стремление человека сделать этот мир более благоустроенным, соотнесённым и с мирскими потребностями человека. Вместе с тем православие настаивало на великодушии, укреплении достоинства человека. Труд — неизменный спутник человеческого бытия. Однако его роль в разных обществах оказывается особой, зависимой от аксиологического измерения конкретной культуры. Сама человеческая активность имеет много уровней, соответственно различен и характер труда, его сложность, его специфика. В любом случае жизнь без труда оказывается пустым, ни к чему не обязывающим существованием.

Ключевые слова: труд, культура, протестантский этос, капитализм, успех, западная культура, ростовицичество, православие, русская культура, нестяжательство.

E. M. Spirova

Labor as a cultural phenomenon

Review. Labor is not in itself an unconditional side of human life. It has this status only in that case when it is possible to tell about preservation of human nature, about uniqueness of the person as special type of real. In a Protestant era the advantage of labor is not just approved and meanness of idleness is emphasized. Labor is considered as destiny, as calling of the person, as his mission. The godly of labor calling admits. In Orthodoxy, as well as in Protestantism, the important place was taken by respect for labor. It blessed the aspiration of the person to make this world more well-planned, correlated with temporal needs of the person. At the same time Orthodoxy insisted on generosity, strengthening of dignity of the person. Labor is an invariable satellite of human life. However its role in different societies appears concrete culture, special, dependent on axiological measurement. Human activity has many levels, also the nature of work, its complexity, its specifics is respectively various. Anyway life without effort appears empty, noncommittal existence.

Keywords: labor, culture, Protestant, capitalism, success, western culture, usury, Orthodoxy, Russian culture, not money-making.

Протестантский этос

Путь к успеху в сознании предпринимателей прошлого ассоциировался с порядком ценностей, в соответствии с которым индивид должен был привести своё реальное, собственное поведение. После работ М. Вебера в философской и экономической литературе стало общим местом ссылаться на протестантский этос.

⁶ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 14-03-00350а «Культура как кризис — неудача или возможность?»).

стантский этос как на неукоснительное условие капитализма, его закономерного появления на исторической сцене. Почему именно в Европе в конкретный период её истории сформировался капитализм? Оттого, что появилась частная собственность? Ничуть не бывало: она существовала и прежде. Сложился, наконец, рынок? Да это вообще древнейшее достояние человечества. Может быть, более широкое распространение банков, чем в современной России? Нет, нечто подобное существовало в Вавилоне, Элладе, Китае и Риме. Изучая многочисленные хозяйственные источники, М. Вебер пришёл к выводу, что капитализм мог возникнуть в древности — в Китае, Индии, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах далёкого прошлого, средних веков и Нового времени. Однако этого не случилось.

Фактически для рождения капитализма недоставало только одного компонента — особой психологической настроенности людей к специфическим этическим правилам. Они-то как раз и родились вместе с протестантизмом. Нравственные предпочтения людей той поры, их жизненные установки и получили название «протестантский этос». У людей появились святые, которые определяли их повседневное поведение. М. Вебер так и ставил вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались — в направлении, получившем универсальное значение?

Мир хозяйства традиционно считался лишённым поэзии, мёртвым, косным, ограничивающим высокие движения души. Гений противостоял ремесленнику, поэт — торговцу. Капитализм потому и достиг всемирного успеха, что привнёс поэзию в область самого хозяйства. Тот образ мысли, который впоследствии нашёл выражение во многих политических и хозяйственных программах и встретил сочувствие народа, в древности и в средние века презирался как недостойное проявление грязной скаредности. Как отмечал М. Вебер, подобное отношение и в начале XX в. было свойственно всем тем социальным группам, которые были наименее связаны со специфическим капиталистическим хозяйством того времени или наименее приспособились к нему.

Этот мощный пафос серьёзной пуританской (аскетической) обращённости к миру, это отношение к мирской деятельности как к долгу был бы немислим в средние века. Теперь в наши дни нам понятен огромный духовный подвиг протестантизма, который разрушил древние заветы. Проникая в глубины библейской мудрости, толкователи новой религии произнесли нечто, нашедшее отклик в сердцах людей. Бог вовсе не назначает тебе жизненную судьбу. Напротив, он ждёт от тебя подвижничества, упорства. Всевышний определяет только своё земное предназначение — труд. Птица удачи в твоих руках. Преобразуй землю. Хочешь богатства — обрети его. Оплошал, Бог, разумеется, простит, но вовсе не оценит как благое деяние. Протестантизм открыл новую эру в истории Европы, а, возможно, и всего мира. Он благословил жизненное процветание на основе земной жизни.

Протестантский этос зафиксировал огромные изменения в психике человека. В религиозных доктринах родилась новая концепция свободы. Люди не хотели больше повиноваться. Впервые в европейской истории стремление быть свободным стало восприниматься как благо для человека. Свобода оценивалась как святость. Само собой понятно, что без идеи самостоятельного автономного индивида капитализм вряд ли возник бы.

Протестантская этика позволила людям осознать ценность всякого накопления, которое служит подножием любому бизнесу. Она воспитала трудолюбие, которое, конечно, проявлялось и в других культурах. Однако именно в Европе трудовая этика соединилась с аскетизмом. Подвижничество является средством воплощения тех заветных идеалов христианства, к которым должны стремиться все верующие люди. Подвижничество есть не что иное, как выражение самого существа Христова учения. Обычно с именем аскета связывают понятие о монахе-отшельнике, который живёт строгой нравственной жизнью, а аскетизм понимается как упражнение в умерщвлении плоти. Но это вульгарно-стилизованное представление о данном феномене.

В русской культуре аскетизм утвердился задолго до протестантского этоса. Он явился средством христианского освящения, для которого необходимо всякое внутреннее усилие, забота, попечение. Он был призван дать человеку возможность услышать голос совести и прояснить Божий образ. Утверждая аскетическое начало в нравственности, христианский философ прошлого века Владимир Соловьёв писал: «Нравственные требования подчинения плоти духу встречаются с обратным фактическим стремлением плоти подчинить себе дух, вследствие чего аскетический принцип двоится: требуется, во-первых, оградить духовную жизнь от захватов плотского начала и, во-вторых, покорить область плоти, сделать животную жизнь лишь потенцией или материей духа. Самосохранение духа есть прежде всего

сохранение его самообладания. Это есть главное во всякой истинной аскезе, поэтому преобладание духа над плотью необходимо для нравственного достоинства человека» [6, с. 142]. Среди ценностных ориентиров православия — нестяжательство. Исполнение обета нестяжательности ведёт монаха к достижению полного бескорыстия, благодаря которому человек бесстрастно смотрит на земные блага. Богатство открывает широкий путь ко всем чувственным удовольствиям. Поэтому монах в полном смысле слова должен быть свободным от всего, что располагало бы его дух к каким-либо корыстолюбивым мечтаниям. Священное Писание свидетельствует: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). Понятия «спасение» и «духовная жизнь» оказываются предельно значимыми для православного человека. Аскетические начала вытекают из самой сущности православия.

Экономическое соперничество между предпринимателями в России не было столь жёстким и беспощадным, как в протестантизме. Православие прочно укоренено в идеалах добра, милосердия, человеческой душевности. Среднестатистический англичанин, чьи, казалось бы недавние, предки казнили голодных детей за украденные булки, вряд ли мог понять, почему сердобольные русские крестьяне подчевали чем Бог послал по арестантским трактам закоренелых преступников. Каторжникам несли еду, а за убийц молились. Не понять европейцу, отчего на Руси издревле почитались юродивые.

Протестантский этос создал целые поколения бережливых, добродетельных, предприимчивых людей. Однако причём тут честное слово русских купцов? Ведь протестантизм и православие — разные ветви христианства. Может быть, следует поискать иные истоки праведности русских предпринимателей? Но ведь капитализм, согласно Веберу, базируется на протестантском этосе. Современные дискуссии, связанные с мировым финансовым кризисом наглядно показали, что капитализм может появиться в странах, где ничего не знали о протестантском этосе. В качестве примера можно провести Китай. Однако означает ли это, что новые формы хозяйствования могут сложиться и без моральных установлений? Нет, не означает, поскольку стимулом продвижения к капитализму в Китае послужило конфуцианство, основанное на сходных принципах человеческого общежития.

В православии, как и в протестантизме, значительное место занимало уважение к труду. Оно благословляло стремление человека сделать этот мир более благоустроенным, соотнесённым и с мирскими потребностями человека. Вместе с тем православие настаивало на великодушии, укреплении достоинства человека. Стремление к своим материальным правам в ущерб другим считалось всё-таки постыдным. Об этих первоосновах православия обстоятельно писал В. С. Соловьёв. «Бескорыстие, — утверждал он, — есть свобода духа от привязанности к особому рода материальным благам, именно к имущественным. Ясно, значит, что это есть особое выражение того же чувства человеческого достоинства; соответственно чему и противоположные этой добродетели пороки: скупость и корыстолюбие — сознаются как постыдные» [6, с. 194].

Добродетельно-щедрым человеком считается в православии тот, кто из справедливости или человеколюбия делится своим имуществом с другими. Но при этом такой человек может быть даже до скупости привязан к тому имуществу, которое он раздаёт. В таком случае его нельзя, строго говоря, назвать бескорыстным. Можно только сказать, что в нём альтруистическая добродетель щедрости побеждает порок корыстолюбия.

Православие несовместимо со многими традициями современного буржуазного мира. Возьмём, к примеру, такую деталь капиталистической повседневности, как брачный договор. В современной России он постепенно становится привычным. Однако многие православные люди не могут по своей душевной устроенности принять такое жизненное установление. Допустимо ли в момент венчания самопомышление о том, что брак этот распадётся, что клятва перед Богом о совместном жизни будет нарушена, что нажитое имущество станет предметом раздела? Недопустимо, потому что оно противоречит самому зароку, крестному целованию.

Теперь правомерно задать вопрос, который, разумеется, не ставился М. Вебером. Какая же ветвь христианского самосознания оказалась более успешной для развития капитализма? Отчего огромные усилия политиков и массы людей, направленные на развитие капитализма в России не принесли ожидаемых результатов? Не проиграло ли православие историческое соревнование между ним и протестантизмом в действенном продвижении к типу современной цивилизации? Почему в нашей стране, несмотря на духовные традиции, капитализм оказался некультурным, а, напротив, диким, грабительским, беспощадным? Каким образом нерушимое купеческое слово заместилось нагловатым, жадным прищуром вороватых дельцов?

В условиях нынешнего кризиса наиболее прозорливые эксперты пишут о насущной потребности цивилизовать капитализм, вернуть ему утраченное ценностное измерение. И в этом контексте честное купеческое слово оказывается не забавной и эксцентричной приметой купеческого быта, достойном остаться в истории музейной реликвией. Бессознательно, чисто интуитивно оно становится всё более и более актуально востребованы.

Величие и нищета протестантского этоса

Труд — целесообразная *деятельность человека* при помощи орудий, направленная на изменение и приспособление предметов *природы* для своих потребностей.

Если сопоставить эти ценностные ориентации с отношением к труду в протестантской этике, то между ними можно увидеть существенное различие. В протестантской эпохе не просто утверждается достоинство труда и подчёркивается низость праздности. Труд рассматривается как *судьба*, как призвание человека, как его предназначение. Признаётся богоугодность трудового призвания. Высшее существо, как выясняется, вовсе не против деловой сметки, не против богатства. Более того, как учил М. Лютер, если человек получает прибыль небольшую при том, что имел возможность увеличить доход, то это означает, что он совершил грех перед *Богом*.

Протестантская этика освятила труд. Более того, она открыла в нём неисчерпаемую поэзию. Мир хозяйства традиционно считался мёртвым, косным. Предполагалось; что сфера экономики с её заботами о насущном ограничивает и стирает вдохновение *души*. В предшествующей *культуре* гений выглядел противостоянием ремесленника, поэт — торговца, рыцарь — ростовщика. В эпоху Реформации возвышенность *духа* укоренилась в области самого хозяйства. Всякий труд, сопряжённый с преобразованием *жизни*, признавался поэтичным.

Одновременно была осуждена праздность. В ряде стран приняли *законы* против бродяг. Хозяйственная профессия оценивалась как ответ на призыв Бога. Следовательно, готовность перестраивать, украшать жизнь воспринималась как моральный *долг*. Этим же диктовалось желание совершенствовать своё мастерство, свой хозяйственный навык. Однако понимание труда как *ценности* ещё не выражало целиком внутренний мир человека эпохи Реформации.

Труд был соотнесён с *аскетизмом*, с высокой *целью* земного существования. Иначе говоря, вовсе не предполагалось, что полученная прибыль должна немедленно обслужить гедонистические потребности человека. Напротив, смысл труда усматривался в том, чтобы произвести некое накопление, преодолев искушение всяческих удовольствий.

Если католицизм считал заботу о нищих святым и добрым поступком, то протестантизм счел это предрассудком и отверг его. Милосердие понималось как готовность помочь обездоленному освоить профессию и позволить ему продуктивно работать.

Одной из высших добродетелей считалась бережливость. Но речь шла вовсе не о накоплении, как таковом. Полученную прибыль человек новой эпохи пускал в расход. Приращение не оседало мёртвым грузом. Напротив, оно требовало от агента хозяйственной жизни ещё большего напряжения. Важно было выйти за пределы повседневного наличного *опыта* и отыскать сферу малоизвестного, область риска. Эпоха Реформации открыла запредельность там, где она менее всего предполагалась, — в экономическом укладе, в мире хозяйства. Прибыль, следовательно, всегда больше того, что она приносит владельцу. Приращение богатства есть выход за пределы насущного, нужного, потребляемого, это чистый прирост *бытия*. Она символизирует прыжок в неизвестность. Это стихия творчества.

«Прежние системы хозяйства были построены на потреблении того, что производилось, на некоем балансе вложения и отдачи. Подход к хозяйству был утилитарный, рабовладелец получал от рабов, а феодал — от своих крестьян и вассалов всё, что ему нужно было для роскошной жизни. Капитализм стал производить для расширения самого производства. Баланс уступил место авансу: капитализм — это искусство вложения средств, гениальная растрата. Раньше практические люди были заняты в основном извлечением средств себе на пользу и удовольствие, а капитализм стал их влагать, разбрасывать, тратить, как в бурной любовной игре» [9]. Не случайно, по *мнению* некоторых исследователей, ускоренное развитие капитализма в Европе совпало с эпохой романтизма. Романтизм, стало быть, вовсе не против капитализма, не против духа чистогана.

У капитализма и романтизма общая метафизическая установка: устремлённость в бесконечность. По мнению М. Эпштейна, все античные, «наивные» формы хозяйствования, с их установкой на конечный, потребляемый продукт, были отброшены капитализмом, так же как романтизм устранил все наивные формы классицизма в поэзии с их установкой на наглядный, воплощённый, созерцаемый *идеал*. Идеал оказался отброшенным в будущее, в прошлое, в невозможное, в никуда. Поэзии стала томлением по недостижимому идеалу и насмешкой, иронией над всеми конечными формами его воплощения.

Таким образом, протестантская этика не просто опоэтизировала труд. Она придала ему новое, неведомое измерение, позволяющее переосмыслить человеческую природу, обрести новые грани безмерного бытия. Можно сказать, в эпоху Реформации стал вырабатываться человек — носитель другого характера, нежели в предшествующие эпохи. Он видел своё предназначение в *свободе*, в дерзновении.

Здесь пролегает глубинное отличие собственно предпринимательского труда от труда машинного, который идеализировался в более поздней *философии*. Пролетарий или разнорабочий тоже относится к труду как к *благу*. Однако это занятие выглядит поэтически окрашенным только в сочинениях идеологов марксизма. На самом деле рутинный механический труд не открывает в человеке ни особого достоинства, ни величия, ни творческих граней.

Предпринимательство же провоцирует в человеке новые, малоизвестные стороны его натуры. Деловой расчёт немислим без напряжения риска, конкретная выгода — без страха перед банкротством. Понимание труда как божественного призвания — это приглашение к иному существованию, к бесконечной *игре* возможностей. Человек отыскивает в наличном мире не себя самого, а иного, некий собственный идеал, именно то, кем он может стать, если доверится зову трансцендентального. В человеке просыпается множество Я, которые он стремится воплотить в дерзновенном замысле.

Когда М. Вебер поставил вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли определённые явления культуры, которые приобрели затем универсальное значение, он имел в виду прежде всего новые ценностные ориентации. Капиталистические авантюристы существовали во всём мире. Однако именно в Европе эпохи Реформации сложился новый комплекс жизненных ориентации. Экономический рационализм, по мнению М. Вебера, зависит и от предрасположенности людей к определённым видам практически-рационального жизненного поведения.

Протестантская этика регламентировала образ жизни человека едва ли не во всём. Её предписания касались не только производственной, но и социальной *практики*. Она требовала качества труда и дисциплины. Эта этика осуждала также пьянство и разврат, призывала крепить семью, приобщать детей к труду и обучать религиозной *вере*, умению читать и понимать Библию. Вебер писал о протестантском этосе, но он его не идеализировал. Не стоит, видимо, отождествлять взгляды немецкого философа и принципы протестантизма. Вебер писал, что Реформация положила начало становлению капитализма. Таким образом, капитализм можно считать продуктом Реформации. В результате возник буржуазный предприниматель, который не преступал границ формальной корректности, считался нравственно безупречным, а то, как подобный предприниматель распорядился своим богатством, не вызывало порицания; он мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы.

Но Вебер не идеализировал капитализм, его истоки и судьбу. Он показал, во-первых, что протестантские заповеди не безупречны. Согласно этому кодексу нравов, человек, который мог обмануть партнёра ради прибыли, но не сделал этого, не вполне адекватен. Ради труда, ради преобразования и благоустройства земли можно и обмануть, лишь бы не угасла предпринимательская жилка. Вебер также отмечал, что по мере становления капитализма, произошло отречение от христианских ценностей. Именно поэтому стремление к наживе утратило религиозно-этическую оценку. Жажда денег, богатства на высшей стадии развития капитализма приобрела характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Не случайно Вебер предумышленно вывел за скобки своей протестантской теории происхождения капитализма ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов.

К концу прошлого века методы спекуляции были доведены до изощрённости и совершенства. Даже процесс выплаты долгов был возведён в некую нравственную норму, чуть ли не инициированную Богом. Вероятно, через это представление складывалась сакрализация капитализма и демократии, поскольку сам Бог на их стороне. Именно такое толкование получила работа «Протестантская этика и дух капитализма» спустя чуть не век после её появления. Ростовщичество стало поэтизироваться. Банки, оказавшиеся кровеносной системой экономики, превратились в учреждения, заслуживающие боготворения.

Однако христианская доктрина всегда презирала ростовщиков. Осуждалось само взимание процентов за предоставляемый кредит.

У Пушкина Альбер в «Скупом рыцаре» считает, что, беря деньги займы, можно просто дать рыцарское слово, но не заклад: «...его червонцы будут пахнуть ядом». А брать проценты всё равно что торговать смертельным зельем. Речь, разумеется, идёт не о том, чтобы проценты были небольшими, справедливыми. Давать деньги ради прибыли — это христианский грех. Ведь тот, кто обратился с просьбой, испытывает временную нужду. А кредитор пользуется временными затруднениями, спекулирует на человеческих страданиях. Скупой рыцарь у Пушкина равнодушен к слезам вдовы, которая стоит под дождём и воет, прося об отсрочке. Он принимает дуплон, который, судя по всему, получен от разбойника. Вина ростовщика с нравственных позиций нередко была предметом обсуждения. Лишить кредитора имущества, а иногда и жизни казалось справедливым.

Не только христианство осуждало кредиторов. Буддисты полагали, что человек, живущий на чужие доходы с займа, никогда не достигнет нирваны. Мусульмане также презрительно относились к ростовщикам, которые часто рисковали своей жизнью и подвергались опасности. Иудейская Тора запрещает своим единоверцам ссужать под проценты. Более того, финансисты никогда не имели высокого социального статуса. Ни во времена христианства, ни в период капитализма их никто не принимал за достойных граждан в отличие от бюргеров, торговцев и капиталистов. Все были убеждены в том, что ростовщики получают деньги ни за что, они поэтому безнравственны. На них лежит ответственность за инфляцию, причём не только в сфере денег. Вот почему они жили на грани закона. Конечно, писатели отразили и столь редкие факты, когда финансист оказывается востребованным. Он купался в лучах славы и власти. Но надолго ли?

Когда надобность в них исчезала, ростовщики снова опускались в социальные низы. В 1893 г. Эмиль Золя написал свой роман «Деньги», в котором он рассказал о методах работы финансовых рынков, заодно описал и атмосферу всеобщего морального осуждения со стороны общества по отношению к банкирам. Главный герой романа — банкир-учредитель мсье Саккар, специализирующийся на спекуляциях акциями якобы быстро развивающихся компаний, в данном случае ближневосточных. Благодаря лёгкости, с которой он делает деньги, он становится звездой финансового мира. В его уста Золя вкладывает следующие слова: «Стоит ли отдавать тридцать лет жизни, чтобы заработать какой-то жалкий миллион, когда его можно положить в карман за один час, посредством простой биржевой операции... Самое худшее в этой горячке то, что перестаёшь ценить законную прибыль, а в конце концов даже теряешь точное представление о деньгах».

Саккар неизбежно терпит крушение, но вскоре он начинает всё снова. Люди, подобные банкиру, описанному Золя, были зачастую очень богатыми, но с ними мало кто желал общаться, о них мало знали. Они были спекулянтами, маргиналами, ничего не производившими, но они всегда находились в движении. Наши современные банкиры-инвесторы — те, кого мы почитаем столпами общества и оплотами капитализма, являются преемниками мсье Саккара.

Мировой кризис разразился именно в результате неоправданного расширения зоны ростовщичества. Характерно, что главам ведущих государств на сегодняшний день так и не удалось договориться об усилении контроля над спекулятивными инструментами. Ни институтов такого контроля, ни оценки самого ростовщичества, во многом повинного в кризисе, ни реальных шагов в обуздании appetites финансистов. Теперь, видимо, важно обсудить вопрос о будущем морали. Точнее, в специальной экономической и этической литературе обозначилось две тенденции. Одни авторы полагают, что спасение капитализма в том, чтобы вернуться к протестантскому этому. Они пишут о подвиге Лютера, который сумел воскресить основы христианской морали. Сейчас такая работа, по их мнению, предстоит и нынешним ревнителям нравственности. Спасение от мирового кризиса многие усматривают в том, чтобы очистить мировую экономику от интриг ростовщичества, возродить достоинство труда, честности, доверия, без которых мировое сообщество не выплзет из кризиса. Но, может быть, важен поиск иных нравственных ориентиров? Не исключено, что протестантский этос исчерпал себя за четыре с половиной столетия. Как и почему может возникнуть новый нравственный кодекс? Должен ли он быть отражением новой мировой практики?

В книге профессора Принстонского университета Джеффри Стаута «Демократия и традиция» [7] содержится огромный материал, связанный не только с политической мыслью, но, в частности, и с моралью. Читать интересно, но вот что вызывает чувство протеста. Автор отмечает очевидную истину:

представления о нравственности различны. Но рождение новых нравственных представлений он связывает только с конвенциональным подходом. Различия, мол, существуют. Нигилист отбрасывает идею о том, что нравственная истина возможна. Скептик оставляет мысль о том, что мы оправдываемся верой в какие бы то ни было нравственные истины. Радикальный релятивист отбрасывает идею о том, что мы можем оправданно применять моральные суждения к людям, поступкам и практикам за пределами нашей собственной культуры. Как быть? Дж. Стаут уповает на возможности межкультурного морального суждения. Кто бы спорил? В конечном счёте, автор игнорирует не только этику, но и огромный нравственный опыт человечества. Этика, оказывается, ни чем иным, как определённым соглашением между либералами и консерваторами, представителями разных культур. Но мы видели, во что превращается спор между прогрессистами и ретроградами хотя бы в нашем обществе.

Речь идёт о моральном релятивизме. Если каждая историческая, социальная сила имеет свои резоны, свои нравственные императивы, то как, к примеру, можно осуждать агрессивный аморализм новых хозяев российской жизни. Видимо, современной этической мысли не хватает конструктивности. Надо подвергнуть разоблачению этический релятивизм. Человечество буквально выстрадало нравственные нормы ценой страданий, опыта революций, этической рефлексии. Они незыблемы и универсальны. Поиск оснований этих моральных установлений — актуальная задача. Иначе будет царствовать морализаторство и лицемерие.

Но сохраняет ли себя протестантский этос в качестве духовного фундамента капитализма? В каждой культуре, которая прошла полный цикл развития, существует срез соответствующий протестантскому этосу, но по ходу истории этот срез жизни общества в разной степени был востребован. В ряде случаев, в частности в России, он был просто уничтожен или подавлен. И по делу: он противоречил высшей ценности российского государства — административной вертикали, которая во все времена подавляла даже слабые попытки, связанные с возникновением самостоятельных субъектов социокультурной практики.

Универсален ли протестантский этос? Ведь во многих культурах отвергается ценность труда, дисциплинированности, аскезы. Могла ли вертикаль власти уничтожить хозяйственный этос? Здесь, вероятно, дело не во власти, а в том, что социальная практика вызвала к жизни иные ценностные ориентации. Они-то и были востребованы многими людьми. Сегодня трудно убедить большинство в том, что без труда не вытащишь и рыбку из труда. Мысли об аскезе, которая поневоле связана с кризисом, раздражают людей. Они с упоением верят в то, что вот-вот всё наладится, кризис уйдёт так же внезапно, как обрушился. Нравственный урок, который вытекает из катастрофы, не извлечён, не усвоен... Кого же винить в моральной деградации общества?

Власть убеждена, что преступность наших дней выросла как на дрожжах не столько из наличного денежного оборота, сколько в результате малограмотной борьбы с ним. Мы ещё не до конца осознали тот масштаб, который характеризует влияние криминала на все стороны жизни современной России. Каковы сегодня отношения между государством и уголовным миром? Власть и криминал не всегда антиподы. Эксперты нередко называют их политическими соперниками. Ведь они реализуют собственное право на насилие, иногда прибегая к союзу уголовщины и государства, порой вступая в яростную борьбу. Как только власть начинает осуществлять своё стремление к монополии, криминал поднимает голову, становится агрессивным.

Вспомним, как в 90-х гг. XX в. началась криминализация в обществе, потому что ввели усиленный контроль за наличными расчётами. Ведь введение наличных расчётов оказалось радикальным, неожиданным для нашей страны. Поэтому стала складываться и организованная преступность. А сегодня? Снабжение экономики наличными средствами оказалось целой индустрией. Её обороты можно сравнить с выгодами от продажи нефти и газа. Эта сфера даёт миллиардные доходы криминальному миру. Он может вообще сосредоточить свои усилия именно здесь, и больше ему ничего не потребуется. Государство позволило криминалу получить могучий источник обогащения. А теперь без этой сферы преступного сообщества в экономике может наступить коллапс. Вот она социальная логика. Наивно думать, будто государство противостоит криминалу по определению. Точки такого противостояния и союза различны и многообразны. Сращивание государственных структур и власти — сюжет бродячий. Но как может нравственное сознание примириться с тем, что вокруг всё преступно, кругом все друг друга «крышуют»? Говорить о добродетели в этих условиях, всё равно, что премудрому пескарю задавать благородные вопросы щуке.

Тема социальной справедливости становится всё более актуальной. Но власть не всегда бывает плохой. К примеру, в VI в. н. э. граждане Афин тоже оказались в зоне кризиса. Многие из того времени похоже на то, что мы переживаем сегодня. В Афинах увеличивалась пропасть между бедными и богатыми, экономическая нестабильность грозила революцией. И что важно: греки также пребывали в состоянии глубокой депрессии. Находясь в состоянии полной безнадёжности, они позвали Солона, дав ему почти не урезанные полномочия. Что сделал Солон? Прежде всего, он первым же законом отменил долги. Таким образом, земля снова оказалась в руках крестьян. Граждане были освобождены от рабства. «Страхивание бремени» (сложилось такое словосочетание) предполагало уничтожение долговых обязательств. Так Солон восстановил общественный баланс в обществе, возвёл в значимую норму справедливость. Затем он разработал кодекс справедливых законов и заложил основы демократической конституции. Результаты не замедлили сказаться. Выросло благосостояние общества. Стали процветать философия, театр, скульптура и архитектура.

Вот что пишет по этому поводу знаменитый канадский учёный и писатель Джон Ролстон Сол в книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе»: «Наше современное отношение к задолженности подтверждает, что мы перешли на новую ступень. Теперь социальная этика подчиняется эффективному функционированию системы. На этой стадии социальный контракт подчинён финансовому контракту. Этика настолько исказилась, что она стала использоваться в качестве мерил эффективности функционирования систем и для негативной нравственной оценки должников. В результате мы разучились пользоваться весами здравого смысла в оценке бедности и страданий, которые возникают из-за долгов, с одной стороны, и сравнительно слабыми негативными последствиями неплатежей на финансовую систему — с другой» [5, с. 594].

Нынешний российский капитализм держится на основах, которые не сулят ни ему, ни всему обществу ничего хорошего. Нынешний капитализм и аморален, и не производителен. Его лидеры не скрывают: им по душе только такой бизнес, когда они ничем не рискуют, не связаны никакими обязательствами, никакими законами и приличиями. Им стоило бы понимать, что никакой дом на таких основах не устоит. Современный кризис продолжает свою разрушительную работу. Он вместе с тем обнаруживает серьёзные психологические проблемы, без решения которых невозможно оздоровление мировой экономики.

В XX в. осмысление труда как грани человеческого бытия продолжается как в рамках неомарксистской философии, так и в экзистенциализме и постмодернизме. Концепция неомарксистов в трактовке труда сводилась к тому, что недопустимо рассматривать труд только как возможность обладания результатами труда, присвоением себе этих результатов. Так, Э. Фромм отмечает, что в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. К. Маркс пишет: «Частная собственность сделала нас глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьём, носим на своём теле, живём в нём и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физических и духовных сил стало простое отчуждение этих чувств — чувство обладания» [4, с. 592].

Э. Фромм подчёркивает: представление о том, что труд служит лишь средством существования, способом добывания личного достояния, отвергается К. Марксом. Мы сегодня часто задаёмся вопросом: что такое быть человеком? По Марксу, труд обогащает человеческое бытие, раскрывает его горизонты. Сам по себе он не является универсальным благом. Напротив, отчуждение труда может привести к обесцениванию человеческого бытия. «Чем ничтожнее твоё бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, — писал Маркс, — тем больше твоё имущество, тем больше твоя отчуждённая жизнь... Вся ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде денег и богатства...» [4, с. 602].

Так, в социальной философии возникает тема борьбы между трудом и капиталом. Последователь Маркса Эрих Фромм оценивает это противостояние как противоборство между людьми и капиталом, бытием и обладанием [см.: 8]. Он в своих сочинениях показывает, что труд как грань человеческого бытия и работа, призванная обеспечить жизнь человека, отличаются друг от друга. С этих позиций Фромм критикует рыночный социальный характер. Носитель этой психологической типичности относится к собственному «Я» как к товару, имеющему не потребительскую, а прежде всего меновую стоимость. Предлагая себя на профессиональном и общественном рынке, он рассчитывает не на свои дарования или специальную подготовку.

Фромм обращает внимание на тот факт, что уже в XVI в. в европейской культуре труд начинается трактоваться как в земном, так и в трансцендентном смысле. Праздность, как учил М. Лютер, — не только уклонение от жизненных задач, но и тяжёлый грех перед Богом. Характерно, что трансцендентный смысл проступает в эту эпоху в земной жизни. Возвышенность духа проникает в сферу хозяйственной практики. Труд поэтизируется. Он оценивается уже не только как добывание пропитания и обустройство жизни. Труд провозглашается выражением предназначения человека, духовным общением с Богом. Протестанты утверждают, что человеческая природа вообще немыслима без труда. Человек гибнет, если рушатся основы трудовой деятельности. Но самое главное — обрывается связь с трансценденцией, со сферой божественного, которая благословляет человека на преобразование жизни.

В структуре рыночного характера, не знающего прочных эмоциональных связей, запрограммированы ненадёжность и расточительность. Они распространяются и на мир человеческих отношений — с друзьями, возлюблёнными, родственниками, — и на мир вещей. Цель рыночного характера — безотказное функционирование в заданных условиях — понуждает его откликаться на мир с поверхностной рассудочностью и наивным прагматизмом. Разум как способность к постижению подменяется в нём инструментальной смекалкой. Неслучайно мы имеем дело сегодня с идолослужением машине.

Стало быть, труд не является сам по себе безусловной гранью человеческого бытия. Он имеет этот статус только в том случае, когда можно говорить о сохранении человеческой природы, об уникальности человека как особого рода сущего. Эту сторону проблемы подчеркивали в XIX в. масоны. Они отмечали святость всякого труда, личного и общественного, подчёркивали значимость аксессуаров вольных каменщиков — молотка, лопаточки, чертёжной доски. Если лишить человека возможности трудиться, преобразится и сущность человека. Освобождение от труда как утомительной обязанности в технократических утопиях предполагает и расставание с человеком, каким он нам известен. Кибернавт не обладает человеческой природой и способы его бытия уже совершенно другие.

В минувшем столетии Карл Ясперс обратил внимание на всеобщую девальвацию труда. Эта деградация, показывал он, равнозначна утрате воли к деятельности. Но самобытие человека возможно лишь в напряжении труда. Однако современный человек мечтает о благосостоянии, которое даётся не раскрытием самобытия, а случайной удачей, лотерейным шансом. Массы отстаивают своё право на изобилие, но не задумываются над тем, что дорога к манне небесной требует напряжения. Распадение труда связано и с преобразованием функциональной производственной деятельности. В современных условиях индивид распадается на функции. Отдельный человек скорее выражает сознание нечеловеческого, а социального бытия. Разумеется, можно отказаться от концепции, согласно которой труд может считаться мерилем и способом философского постижения общества. Предстоит критически осмыслить тезис о том, что человеческую сущность можно свести к труду. «Когда человеку предоставляется возможность принять к исполнению ту или иную работу, проблема бытия человека и бытия в труде оказывается решающей строго говоря начинается лишь с “опредмечивания”, а именно с “создания предметного мира” и что наоборот никакое вложение труда не может освободить живое существо от необходимости всё равно начать трудиться снова» [1, с. 131–132].

Итак, труд является такой же гранью человеческого бытия, как любовь, господство, игра, смерть. Без них человеческое бытие невозможно. Труд — неизменный спутник человеческого бытия. Однако его роль в разных обществах оказывается особой, зависимой от аксиологического измерения конкретной культуры. В европейской истории труд прославляли, поэтизировали, но в той же степени и принижали, отрицая его значимость для человеческого существования.

Однако далеко не все европейские мыслители были озабочены этими темами. Труд же нередко рассматривался как фрагмент более общих рассуждений внутри неотложной проблемы, чаще всего экономической. Сама человеческая активность имеет много уровней, соответственно различен и характер труда, его сложность, его специфика. В любом случае жизнь без труда оказывается пустым, ни к чему не обязывающим существованием. Труд рождает цели, а цель в свою очередь обязывает к активным занятиям.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж., Ясперс К.* Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
2. *Гуревич П. С.* Труд как одна из граней человеческого бытия // *Философия и культура*. 2014. № 7 (79). С. 939–942.
3. *Гуревич П. С., Спирина Э. М.* Грани человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2016. 173 с.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 689 с.
5. *Сол Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: АСТ: Астрель, 2007. 895 с.
6. *Соловьёв В. С.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
7. *Стаут Дж.* Демократия и традиция. М.: Территория будущего, Прогресс-Традиция, 2009. 464 с.
8. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: АСТ: Астрель, 2012. 315 с.
9. *Эшштейн М.* Поэзия хозяйства // *Независимая газета*. 1992. 26 июня.

ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ

С. Н. Труфанов

О СОДЕРЖАНИИ «ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ЭСТЕТИКИ» И. КАНТА

Аннотация. В статье рассматривается структура «Критики чистого разума» И. Канта и даётся авторский вариант доступного изложения содержания её первого раздела — «Трансцендентальной эстетики». *Ключевые слова:* трансцендентальная эстетика, И. Кант, познание, созерцание, мышление, рассудок, пространство, время, опыт.

S. N. Trufanov

About a content of the «transcendental aesthetics» by I. Kant

Review. The paper deals with the structural characteristics of «Pure Mind Criticizm» by I. Kant. The author offers his own accessible variation of its first section «Transcendental Aesthetics».

Keywords: «Transcendental Aesthetics», I. Kant, cognition, contemplation, thinking, mind, space, time, experience.

Великий человек обрекает других на то, чтобы его объясняли.

Г. В. Ф. Гегель

«Критика чистого разума» Иммануила Канта является одним из ключевых и вместе с тем одним из сложнейших произведений мировой философии. И хотя со времени её опубликования прошло уже 230 лет, её содержание по-прежнему нуждается в осмыслении и в придании ему более ясной формы изложения.

Труднодоступный характер произведений Канта можно объяснить тремя причинами. Во-первых, их новаторским содержанием, которое, как и всё новое вообще, не сразу находит свою оптимальную форму. Во-вторых, в то историческое время учёным приходилось писать свои труды обычным пером при свечах, поэтому многократно переписывать их в целях нахождения более удобных для читателя формулировок, было делом весьма затратным по времени. В-третьих, в годы жизни Канта ещё не обо всех вещах можно было говорить и писать открытым текстом. Если бы смысл целого ряда его идей стал доступен его современникам, то он подвергся бы серьёзным преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства. Учитывая это обстоятельство, Кант (и не только он) вынужден был излагать свои мысли с большой осторожностью, применяя во многих случаях нарочито сложный, малопонятный язык.

Названные причины — новизна задач, объёмность содержания и осторожность формулировок — обусловили тяжёлый язык произведений Канта и, как следствие, их плохое понимание. Не секрет, что и в наши дни многие преподаватели философии испытывают большие затруднения при рассмотрении этой темы, ограничиваясь, как правило, поверхностной подачей материала.

В данной статье автор предлагает свой вариант доступного изложения содержания первой части «Критики чистого разума» «Трансцендентальной эстетики». Поддержкой ему служит желание самого Канта придать своим произведениям более ясную форму. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он дважды высказывается в том духе, что тем людям, которые «обладают способностью ясного изложения, я предоставляю [право] завершить работу над кое-где неудовлетворительной формой моего изложения. Быть опровергнутым в данном случае опасаться нечего; опасаться следует другого — остаться непонятым» [3, с. 103].

Но прежде чем мы приступим к рассмотрению собственно «Трансцендентальной эстетики», нам требуется выяснить, зачем И. Кант вообще написал «Критику чистого разума»? Какие цели он ставил перед собой?

Что побудило И. Канта написать «Критику чистого разума»?

В период Средневековья христианский догмат о сотворении мира Богом развернул мировоззрение людей на 180°. Мир стал восприниматься ими как целостное творение, а все его части и единичные вещи — принадлежащими его целостности и подчиненными ей. Если сознание древнего *языческого* человека ещё «плясало» от окружающих его единичных предметов, то сознание нового *монотеистического* человека уже основывалось на библейском представлении о единстве мира и исходило из него как единственно данного.

Этот же догмат о сотворении мира Богом побуждал человека Нового времени не только пассивно созерцать мир, но и активно познавать его. Логика проста: коль скоро мир создан Богом, то, следовательно, изучая его (мир), мы будем познавать Бога в его внешнем проявлении.

Каждая из вновь возникающих наук находила какую-то «свою» часть мира, которую делала предметом своего познания. Исследуя её, она вырабатывала собственный круг понятий, посредством которых вводила эту часть мира в *мышление* человека. Например, *механика объясняет движение небесных тел посредством таких понятий: пространство, время, место, масса, падение, ускорение* и другие. А химия раскрывает качественные различия вещества планеты, используя свой круг понятий: *оксид, гидрат, соль, кислота, основание, щёлочь* и другие. Если мы уберём эти понятия из своего мышления, то вместе с ними из него уйдут и сами эти науки.

Успешное развитие частных наук вело к тому, что в сознании человека Нового времени стало формироваться противоречие между сферой его образного *представления* и сферой его *мышления*. Утвердившаяся в сфере представления монотеистическая картина мира, показывающая его как единое целое, требовала такого же отношения к нему и со стороны мышления. Но мышление, обретшее свою свободу в частных науках, продуцировало материал противоположного свойства. Оно наполняло себя разрозненными понятиями, которые объясняли мир лишь по частям и фрагментам. И чем дальше продвигались науки, чем богаче становился арсенал используемых ими понятий, тем острее делалось это противоречие.

Преодолеть его можно было только за счёт приведения принципа формирования научных знаний в согласие с принципом монотеистических религий. Если догмат о сотворении всего сущего Богом требует от человека мыслить мир как единый организм, то подобным же образом его должны были показывать и развивающиеся науки.

Для достижения этой цели существовал один путь: сведения всех уже выработанных и эксплуатируемых мышлением знаний в единую систему — всеобщую науку, которая должна была показывать мир как целое. В ту историческую эпоху слова *наука, единство знаний и разум* воспринимались если не как синонимы, то всё же очень близкими по смыслу. «Рационалистический постулат единства — вот, что владело умами эпохи... Понятие единства и понятие науки являлись полностью заменяемыми понятиями» [4, с. 37], — пишет Э. Кассирер в своей «Философии Просвещения». И далее продолжает: «Функция объединения как таковая признаётся основной функцией разума» [4, с. 38].

Первым на пути создания всеобщей науки был опробован *алфавитный* принцип систематизации понятий. Уже в XV–XVI вв. в различных ремёслах и искусствах стали создавать наставления, которые приобретали форму словарей. В конце XVII в. вышел «Исторический и критический словарь» П. Бейля, в котором статьи располагались в алфавитном порядке. Затем в Англии появилась «Энциклопедия, или Всеобщий словарь ремесел и наук» Э. Чэмберса. По его примеру во Франции в середине XVIII в. под руководством Д. Дидро и Ж. Даламбера была создана «Энциклопедия, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел». В предисловии к ней говорилось: «Цель Э. — объединить знания, рассеянные по поверхности земной, изложить их в общей системе для людей, с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами».

Алфавитный принцип позволяет собрать в одной книге неограниченное число понятий, однако предлагаемый им порядок имеет чисто формальный характер и сам по себе никак не способствует появлению в головах людей единой научной картины мира.

Вторым был реализован *отраслевой* принцип построения всеобщей системы понятий. В первой половине XVIII в. немецкий философ Христиан Вольф вознамерился создать всеохватывающую систематизацию понятий в порядке их внутренней связи, где каждое последующее понятие должно быть связано с предыдущим и одно предполагать другое. Если алфавитная энциклопедия представляет собой агрегат знаний, то Вольф намеревался выстроить свою систему в виде организма: «Системой поистине называется скопление, связанное между собой посредством собственных принципов» [5, с. 63].

Однако на деле Вольфу удалось воплотить свои планы лишь частично. Более или менее успешно он реализовал *отраслевой* принцип систематизации понятий; распределил их по отраслям знаний. С этой целью он выделил и описал несколько десятков наук. Но в рамках каждой такой науки он действовал отнюдь не «строго доказательным дедуктивным методом», а его полной противоположностью — *методом философской эклектики*. Это значит, что очертания выделенных им наук не имели у него чётких границ. Преемственная связь между ними не прослеживалась. Теоретические и прикладные знания перемешивались между собой, а их содержание излагалось догматическим способом, допускающим любые разрывы и перескоки мысли.

Тем не менее для середины XVIII в. разработанная Хр. Вольфом отраслевая система знаний являлась прогрессивным шагом, продиктованным необходимостью вытеснить из образования уже пережившую своё время схоластическую философию. Она получила широкое распространение, а созданные им учебные руководства по различным дисциплинам легли в основу нового светского образования.

Но главный урок, который преподавал молодому поколению философов Хр. Вольф, состоял в том, что прежде чем строить такую всеобщую систему понятий, необходимо было определиться с методом её построения. А поскольку сама возможность создания такой системы напрямую связывалась с деятельностью разума, то первым делом требовалось разобраться с тем, как устроен естественный человеческий разум, какими познавательными способностями он обладает. Вот эту задачу, быть может, сам того не желая, выдвинул на первый план Хр. Вольф.

В известном признании самого Канта, что от догматического сна его пробудили работы Д. Юма, ключевым является слово *догматизм*. В эпоху Просвещения догматизмом страдала не только система Хр. Вольфа, но и вся европейская наука в целом. По своему содержанию она уже отошла от Средневековых догм, но по форме подачи знаний ещё оставалась догматической. «Это упущение следует приписать не столько ему (Вольфу — С.Т.), сколько догматическому образу мышления его времени, и в этом отношении современным ему философам, как и философам более ранних эпох, нечего упрекать друг друга» [3, с. 99].

Такова была интеллектуальная атмосфера эпохи Просвещения. Она требовала:

1) свести все уже открытые к тому времени общие понятия, посредством которых люди осмысливают мир и передают друг другу информацию, в единую *всеохватывающую систему*.

2) Для решения этой задачи необходимо было разработать соответствующий *метод*. Два ранее предложенных метода — алфавитный (Д. Дидро) и отраслевой (Хр. Вольф), не дали желаемых результатов.

3) Для разработки такого метода, прежде всего, следовало разобраться с тем, как устроен и как работает естественный человеческий *разум*. Именно отсутствие такого предварительного учения о разуме, обусловило, по мнению Канта, то, что система наук Хр. Вольфа приобрела догматический характер. Ему (Вольфу) надо было «... сначала подготовить себе почву посредством критики самого орудия познания — чистого разума» [3, с. 99].

Наличие и актуальность именно этих задач побудили Канта начать работу над своими «Критиками». При этом главную задачу — *построения всеобщей системы понятий* — он оставил на потом. Не потому, что она ему не интересна, а потому, что сначала надо было разобраться с методом. Вторую и третью задачи — *разработку соответствующего метода* и *исследование самого человеческого разума* — он выносит на повестку дня и посвящает их решению свою «Критику чистого разума».

Структура «Критики чистого разума»

Из вышесказанного становится понятна структура этого произведения Канта. Оно делится на две главные части. В первой части, которая называется «Трансцендентальное учение о началах», исследуется *познавательная деятельность* человеческого *разума*. Во второй части, которая называется «Трансцендентальное учение о методе», рассматривается *метод* построения всеобщей системы понятий.

Соотношение их таково: *Учение о началах* занимает 85 % объёма «Критики чистого разума», а *Учение о методе* только 15 %.

В данной статье нас интересует только первая часть — «Трансцендентальное учение о началах», в которой исследуется познавательная деятельность естественного человеческого разума. Здесь возникает вопрос: почему Кант дал этому учению такое название? Какой в этом названии смысл?

Словом *начала* Кант обозначил те способности нашего разума, посредством которых мы производим знания о мире. Таковыми являются *чувственность* и *мышление*. «Существуют два основных корня человеческого познания — *чувственность* и *рассудок* (мышление). Посредством чувственности предметы нам даются, посредством рассудка они мыслятся» [3, с. 124].

Словом *трансцендентальное* Кант указывает на то, что нас интересует только априорная составляющая познавательной деятельности нашего разума и его «начал» (чувственности и мышления). «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами познания, присущими нашему разуму *a priori*» [3, С. 121]. Здесь имеется в виду та сторона познавательной деятельности нашего разума, которая генерируется им из самого себя.

Следовательно, название «Трансцендентальное учение о началах» говорит нам о том, что в данном разделе исследуются две главные познавательные способности человека — чувственность и рассудок, со стороны априорной составляющей их деятельности. (Эта *априорная составляющая* станет более понятной в ходе дальнейшего рассмотрения самих этих способностей.)

Что касается структуры «Трансцендентального учения о началах», то она определяется последовательностью включения этих способностей — чувственности и мышления — в процесс познания.

Сначала действует только *чувственность*, без какого-либо участия мышления. Затем к *чувственности* присоединяется *мышление* и они производят знания сообща. А далее *мышление* отрывается от чувственности и начинает производить знания самостоятельно, отталкиваясь только от самого себя. Отсюда мы получаем три ступени процесса познания.

На первой ступени из одних только ощущений без какого-либо участия мышления в сознании человека возникают образы воспринимаемых им предметов. Эту ступень Кант называет *созерцанием*. «Представление, которое дано до всякого мышления, называется созерцанием» [3, с. 191].

На второй ступени в дело включается мышление, которое, опираясь на представляемый образ предмета, выстраивает его понятия. Эту ступень познания он называет *рассудком*.

На третьей ступени мышление отрывается от образных представлений и действует самостоятельно. Оно создаёт понятия таких предметов, которые выходят за границы нашей чувственности: Я, мир, Бог. Эту ступень Кант называет *разумом*.

На первой ступени познание происходит без участия мышления. На второй и третьей ступени — при его непосредственном участии. На этом основании Кант отделяет первую ступень познания (созерцание) от двух последующих и исследует её отдельно. Вторую и третью ступень (рассудок и разум), поскольку обе они основаны на мышлении, он, наоборот, сводит в один раздел и исследует их совместно. Отсюда происходит деление «Трансцендентального учения о началах» на две части:

а) В первой части, получившей название «*Трансцендентальная эстетика*», он рассматривает ступень *созерцания*.

б) Во второй части, названной им «*Трансцендентальной логикой*», он рассматривает вторую и третью ступени процесса познания — *рассудок* и *разум*, деятельность которых основана на мышлении.

Таким образом, интересующий нас раздел «*Трансцендентальная эстетика*» является первой частью «Трансцендентального учения о началах», где Кант исследует первую ступень процесса познания — ступень созерцания.

Но прежде чем перейти к «*Трансцендентальной эстетике*», мы так же скажем несколько слов по поводу её названия. Дело в том, что слово *эстетика*, на наш взгляд, было выбрано И. Кантом неудачно. И вот почему. В годы его жизни уже существовали работы Александра Баумгартена, посвящённые феномену искусства. В этих работах эстетика определялась как «наука о чувственном познании чего-нибудь» [1, С. 453]. Речь в данном случае идёт о присущей человеку способности чувственного понимания духовных смыслов произведений искусства. Эту способность А. Баумгартен рассматривал как «низший аналог» познавательной деятельности мышления.

Кант знал эти работы. Но в отличие от А. Баумгартена он не разделял оптимизма по поводу возможности создания такой науки. Он исходил из того, что все наши восприятия художественных

произведений основаны на суждениях вкуса. А эти суждения имеют единичный и случайный характер. Они строятся по принципу: *на вкус и цвет товарищей нет*. Наличие такой разновкусицы при оценке произведений искусства не позволяет, по мысли Канта, вывести какие-либо общие законы, которые касались бы всей сферы искусства. При отсутствии таких всеобщих и необходимых для данной сферы законов не может быть создана наука. Поэтому Кант сделал вывод, что все попытки «подвести критическую оценку прекрасного под принципы разума и возвысить ее до степени науки» обречены на неудачу [3, с. 128].

А чтобы слово эстетика не пропало даром, он посчитал целесообразным назвать им своё учение о ступени созерцания. Однако, дальнейшая история показала, что наука о прекрасном всё же состоялась, а слово эстетика утвердилось в том значении, которое вкладывал в него А. Баумгартен. По этой причине название «Трансцендентальная эстетика» является для современного человека двусмысленным. Оно исподволь нацеливает наше внимание на сферу искусства, тогда как фактически речь в нём идёт о первой ступени познания.

Далее мы предлагаем читателю свой вариант доступного изложения «Трансцендентальной эстетики» И. Канта. Для убедительности мы раскроем её содержание в последовательном порядке всех её параграфов.

«Трансцендентальная эстетика» в доступном изложении

§ 1. Процесс познания начинается с непосредственного созерцания интересующих нас предметов. Чтобы созерцание состоялось необходимо наличие: а) того, что созерцается — реальных предметов, и б) того, кто созерцает — человека.

Чувственность — это общая способность человека получать ощущения от внешних предметов.

Ощущение — это *результат* воздействия внешнего предмета на наши органы чувств.

Созерцание — это образное представление предмета, которое возникает из наших ощущений.

Созерцания бывают *эмпирическими* и *чистыми*.

Эмпирическими называются те созерцания, которые относятся к реально существующим предметам.

Восприятие — это разовое (единичное) эмпирическое созерцание предмета.

Опыт есть совокупность многих эмпирических созерцаний одного и того же предмета. Опыт, следовательно, это не первичные ощущения, а уже находящееся в сознании человека общее представление предмета, сформировавшееся в результате его неоднократного созерцания.

Явление — это то, каким предмет предстаёт перед ними в результате его эмпирического созерцания. Явление принадлежит не самой вещи, а нашему видению её.

Материей мы называем то, что в явлении (в эмпирическом созерцании) соответствует ощущениям. Материя даётся нам только посредством ощущений, а *posteriori*.

Форма есть то, благодаря чему разрозненные ощущения соединяются в целостный образ. В отличие от материи, которая даётся нам извне, форма создаётся нашим сознанием а *priori*. Поэтому она может рассматриваться отдельно от воспринимаемых нами ощущений.

Чистыми (в трансцендентальном смысле) мы называем такие созерцания, в которых нет ничего, что принадлежало бы к ощущениям.

Чистые созерцания имеют две формы. Первая форма — это *пространство*. Вторая форма — это *время*. Пространство и время, следовательно, — это присущие самому человеку априорные формы его чистого созерцания (чувственности). Посредством этих форм разрозненные ощущения соединяются в целостный образ воспринимаемого нами предмета.

Итак, приступая к исследованию ступени созерцания (чувственности), мы:

во-первых, отделяем способность *чувственного* восприятия от мышления,

во-вторых, отделяем *чистые* созерцания от эмпирических,

в-третьих, выделяем две формы чистого созерцания (чувственности): *пространство* и *время*.

Что такое пространство и время? Являются ли они данностями окружающего нас мира и существуют в нём, даже если бы мы его вообще не ощущали? Или они только априорные формы нашей чувственности, без которых мы не можем воспринимать и познавать мир? Рассмотрением этих вопросов мы теперь и займемся.

Глава первая О пространстве

Понятие пространства мы рассмотрим в два этапа. Сначала дадим его метафизическое истолкование, затем — трансцендентальное.

Метафизическим называется такое истолкование, посредством которого интересующий нас предмет показывается как имеющий *априорное* происхождение. Другими словами, метафизическое истолкование позволяет вывести интересующий нас предмет не из реального мира, а из духа человека.

Трансцендентальным является такое истолкование, в ходе которого, основываясь на уже полученных в ходе метафизического истолкования знаниях, мы можем вывести какие-то дополнительные априорные знания об интересующем нас предмете.

§ 2. Метафизическое истолкование понятия пространства.

Пространство — это внешняя форма нашей чувственности (созерцания), посредством которой мы представляем окружающие предметы как находящиеся *вне* нас и притом — *в пространстве*.

1. Пространство это не эмпирическое понятие, выводимое из опыта. Чтобы человек мог созерцать внешние предметы, у него уже должно быть представление о пространстве. Только благодаря такой априорной форме чувственности становится возможным наш внешний опыт.

2. Чувство пространства лежит в основе всех наших созерцаний. Мы можем представить себе отсутствие предметов в пространстве, но мы не можем допустить отсутствие самого представления о пространстве.

3. Пространство — это не общее понятие, а только чистое созерцание. Если бы оно было общим понятием, то оно охватывало бы собой многие единичные пространства, подобно, например, тому, как общее понятие *дерево* охватывает собой многие отдельные деревья. Когда говорят о различных пространствах, то под ними разумеют лишь части одного и того же единого в себе априорного чувства пространства.

Точно так же и все пространственные фигуры, например *линия* или *треугольник*, являются не общими понятиями, выводимыми из опыта, а присущими самому человеку *априорными* схемами созерцания. (Об этих схемах более подробно Кант будет говорить в «Аналитике основоположений» в главе «О схематизме чистых рассудочных понятий» — С.Т.)

4. Пространство представляется нами как бесконечная величина, все части которой существуют одновременно. Таковым оно может быть только в качестве априорной формы чистого созерцания.

§ 3. Трансцендентальное истолкование понятия пространства.

Полученное в предыдущем параграфе понятие пространства позволяет нам обосновать возможность существования науки *геометрии*.

Для того, что бы некая система знания стала наукой, требуется, чтобы её ключевые положения и понятия имели всеобщий и необходимый характер. Применительно к геометрии это может быть достигнуто только в том случае, если мы признаем, что все абстрактные геометрические фигуры — точка, линия, угол, треугольник, окружность и т.д. являются априорными схемами нашей чистой чувственности. Эти схемы берутся рассудком не из опыта, а содержатся в нём *a priori*. Для этого, в свою очередь, необходимо согласиться с тем, что духу человека изначально присуща такая форма чистой чувственности (созерцания) как пространство. Не было её, не было бы и этих схем, а значит, не было бы и науки геометрии.

Выводы [вытекающие] из вышеизложенного понятия пространства.

а) Пространство существует не в предметном мире, а в созерцании человека. Оно является свойством не окружающей природы, а психики человека. Это значит, что не реальность даёт нам свои пространственные определения, а мы приписываем их ей.

б) Пространство — это априорная форма чистой чувственности. Она присуща нашему созерцанию до восприятий (до опыта) и независимо от них. Сама по себе эта форма пуста и бездеятельна. Вся её созидательная деятельность начинается тогда, когда в неё поступают ощущения внешних предметов. Чувство пространства позволяет нам определять внешний *вид*, *величину* и *отношение* предметов друг к другу.

Глава вторая О времени

Понятие времени мы также рассмотрим в два этапа. Сначала дадим его *метафизическое* истолкование, затем — *трансцендентальное*.

§ 4. Метафизическое истолкование времени.

Время — это внутренняя форма чувственности, посредством которой дух человека воспринимает (созерцает) свои внутренние состояния и полагает их как находящиеся во времени.

1. Время не есть эмпирическое понятие, выводимое из опыта. Для того, чтобы человек мог воспринимать одновременность, последовательность и разномоментность своих восприятий, у него уже должно быть чувство времени.

2. Время есть априорная форма чистой чувственности. Она лежит в основе всех наших восприятий. Мы можем представить себе отсутствие предметов во времени, но мы не можем освободиться от самого представления о времени. Все явления могут исчезнуть, но само чувство времени (как их условие) устранить нельзя.

3. Время имеет только одно измерение. Различные времена (прошлое, настоящее, будущее) существуют не вместе, а последовательно, тогда как различные пространства, наоборот, существуют не последовательно, а одновременно. Оба этих положения не могут быть получены из опыта. Опыт основывается на единичных примерах, тогда как эти положения имеют всеобщий и необходимый характер, что говорит об их априорном происхождении.

4. Время — это не общее понятие, а форма чистого созерцания. Когда говорят о различных временах, то под ними имеют в виду лишь части (периоды) одного и того же единого времени.

5. Время бесконечно. Всякая конкретная величина времени (длительность периода) возможна только путём ограничения бесконечно текущего времени.

§ 5. Трансцендентальное истолкование времени.

Данное в предыдущем параграфе определение времени, согласно которому оно представляет собой внутреннюю форму чистого созерцания, позволяет обосновать возможность существования наук о *движении* [механики, гидравлики, баллистики и т. д.].

Обоснование здесь точно такое же, как и в случае с пространством. Для того, что бы некая система знания стала наукой, требуется, чтобы её ключевые положения и понятия имели всеобщий и необходимый характер. Применительно к наукам о движении это может быть достигнуто, если мы признаем, что все те схемы, посредством которых человек воспринимает процессы *движения* и *изменения* вообще, являются априорными. Эти схемы взяты не из опыта, а содержатся в рассудке *a priori*. Для этого, в свою очередь, необходимо согласиться с тем, что дух человека изначально оснащён такой формой чистой чувственности как время. Не было её, не было бы и этих схем, а значит, не было бы и наук о движении.

§ 6. Выводы [вытекающие из вышеизложенного] понятия времени.

а) Время не есть самостоятельная и самодостаточная сущность, которая может существовать отдельно от реальных предметов. Оно также не является неотъемлемым свойством самих реальных предметов. Время это априорная форма нашей чувственности, благодаря которой мы имеем созерцания предметов.

б) Пространство — это *внешняя* форма чувственности. Посредством неё мы представляем себе реальные предметы как находящиеся *вне нас* и *в пространстве*. Время — это *внутренняя* форма чувственности. Посредством этой формы мы созерцаем изменения внутреннего состояния своего духа, происходящие под воздействием поступающих извне восприятий.

Чувство пространства первично, чувство времени вторично. Через чувство пространства мы воспринимаем образы внешних предметов. Далее эти образы становятся достоянием нашего внутреннего чувства (времени), где они приобретают параметры времени.

Поскольку чувство времени не имеет никакой наглядной формы (оно лишь внутреннее чувство), человек вынужден представлять себе его в виде прямой линии. Основываясь на этой аналогии, мы переносим свойства линии на свойства самого времени. Разница сохраняется лишь в том, что все части линии (отрезки) существуют одновременно, тогда как все части времени (периоды) следуют друг за другом.

в) Благодаря чувству пространства мы воспринимаем окружающие нас предметы как находящиеся в пространстве и как а priori определяемые параметрами пространства. Благодаря чувству времени, мы воспринимаем все предметы, как существующие во времени и как а priori определяемые параметрами времени.

Чувство времени, рассматриваемое само по себе, пусто и бездеятельно. Оно приобретает свою значимость только тогда, когда в него начинают поступать созерцания внешних предметов.

Не смотря на то, что время является априорной формой созерцания, по отношению к самому процессу познания оно имеет *объективную* значимость. Это значит, что данная форма созерцания выполняет в процессе познания всеобщую и необходимую функцию. Всеобщую, поскольку она участвует в процессе восприятия всех вещей, необходимую, поскольку без неё невозможно никакое познание.

§ 7. Пояснение.

Против предложенного здесь понимания времени, некоторые критики выдвигают следующее возражение. Происходящие в окружающем мире изменения, мы признаём действительными. А так как все изменения происходят только во времени, то значит и само время мы также должны признать действительным.

На это мы отвечаем следующим образом. Те, кто высказывают это положение, забывают о том, что им самим уже изначально присуща данная форма чувственности (времени). Только благодаря ей, эти люди способны созерцать мир и оперировать всеми теми понятиями, посредством которых они строят свои рассуждения о действительности времени и происходящих в нём изменений.

Но если они настаивают на том, что пространство и время являются реалиями внешнего мира, то в этом случае они должны отказаться от своего априорного чувства времени. Этот отказ приведёт к тому, что из их сознания исчезнут все те априорные схемы и понятия, посредством которых они воспринимали и мыслили мир. А вслед за ними исчезнет и сам образ мира. Поскольку это требование невыполнимо, то значит выдвинутое ими возражение против нашего понимания пространства и времени является ничтожным и несостоятельным.

§ 8. Общие примечания к трансцендентальной эстетике.

Итак, созерцания появляются благодаря двум факторам: а) априорным формам нашей чувственности, которыми являются пространство и время, и б) воспринимаемым нами ощущениям. Благодаря соединению этих факторов в нашем сознании возникают целостные образы созерцаемых предметов.

Но оба эти фактора — и *формы созерцания*, и *ощущения* — имеют исключительно субъективную природу. Они принадлежат только человеку и не имеют непосредственной связи с познаваемым объектом. Формы созерцания — *мои* и ощущения тоже *мои*. Значит и возникающие из их соединения образы предметов тоже — *мои*. Я имею эти образы такими, какими они были сформированы моими субъективными формами чувственности из моих же субъективных ощущений.

Отсюда следует вывод. Мы, люди, способны познавать мир лишь таким, каким он нам *является* посредством *наших* субъективных *ощущений* и *наших* же субъективных *форм чувственности*. Каков мир *в себе* или *сам по себе* — этого мы не знаем. Образы воспринимаемых нами предметов — это *наши* субъективные образы. Соответствуют они самим реальным предметам или нет, нам это неизвестно. Мы способны воспринимать их лишь такими, какими они нам даются посредством наших форм созерцания и ощущений. А каковы они есть обособленно от нашей чувственности — этого мы не знаем и не можем знать. До какой бы высокой степени ясности мы не довели наши созерцания, все равно этим мы ни на шаг не приблизимся к познанию предметов *самых по себе*.

Такова специфика человеческого познания. В пользу такого его понимания мы можем привести следующие соображения.

1. Если полагать, что пространство и время являются не формами чистого созерцания, а реалиями наличного мира, то тогда мы должны выводить все абстрактные геометрические фигуры из внешнего мира. Но в окружающих предметах мы находим только конкретно-единичные образцы таких фигур. Например: треугольник шляпы, треугольник горы, треугольник крыши. Откуда же тогда в голове человека берутся абстрактно-всеобщие геометрические фигуры, тот же треугольник, например?

Вразумительный ответ на этот вопрос мы получим лишь тогда, когда вернёмся на точку зрения, согласно которой все абстрактные геометрические фигуры имеют априорное происхождение и даны

сознанию человека ещё до начала эмпирического познания. Для этого, в свою очередь, требуется признать, что пространство и время являются априорными формами нашей чувственности. А если это так, то значит, что все наши знания о мире показывают его нам не таким, каков он *сам по себе*, а таким, каким он нам *является*.

2. Чувство пространства позволяет нам воспринимать не только внешний *вид* и *величину* предметов, но и *отношения* между ними. Эти отношения касаются: а) местоположения предметов (конфигурации пространства), б) перемены их мест (движения), в) причины перемены мест (причины движения). Однако, знание этих отношений, ничего не говорит нам о том, каковы эти предметы изнутри, каковы они *в себе*. А это значит, что чувство пространства показывает нам предметы только с внешней стороны, и не раскрывает нам их истинной сущности.

Тоже самое мы должны сказать и о чувстве времени. Воспринимаемые посредством внешнего чувства образы предметов поступают в сферу нашего внутреннего чувства (времени). Там они получают свои временные характеристики: одновременность, последовательность, разномоментность и т.д. Но эти определения касаются только внешнего существования предметов и ничего не говорят об их внутренней сути. Это значит, что и вторая форма нашей чувственности (время), также показывает нам реальные предметы лишь такими, какими они нам являются, а не такими, каковы они *сами по себе* или *в себе*.

Подобный же вывод, мы должны сделать и в отношении познания самих себя. Мы воспринимаем себя посредством внешнего чувства, с помощью которого созерцаем своё тело и свои отношения с другими предметами. Мы воспринимаем себя также посредством внутреннего чувства, с помощью которого находим сменяющиеся состояния своего духа. (Эта перемена духовных состояний происходит под воздействием поступающих извне восприятий.) Но, как уже было сказано выше, всё то, что нам даётся посредством наших субъективных форм чувствования, познаётся нами лишь как явление. Поэтому, мы должны признать, что и самих себя мы способны познавать только в качестве явлений, а не в качестве таковых, каковы мы есть сами по себе.

3. Те, кто полагают, что пространство и время являются не априорными формами нашей чувственности, а реальными свойствами самих предметов, должны понимать, что тем самым, они, превращают весь окружающий нас мир в *видимость*. Если, предположим, человек «отдаст» своё пространство и время внешнему миру, то в этом случае он останется без каких-либо собственных инструментов познания и тогда вся реальность действительно превратится для него в простую *видимость*. Но если мы признаём, что пространство и время — это неотъемлемые формы нашей чувственности, то окружающий мир останется для нас познаваемой реальностью. Но познаваемой лишь на уровне явления, а не как вещь в себе.

4. Согласно монотеистическим религиям Создатель мира (в христианстве — Бог-Отец) является невидимым, недостижимым и непознаваемым. Эти отрицательные определения говорят о том, что образ Бога-Отца не может иметь в представлении человека никаких пространственно-временных параметров. Он должен быть безобразным (с ударением на «о»). Но если мы перейдём на ту точку зрения, согласно которой пространство и время — это не формы нашей чувственности, реальные свойства предметного мира, тогда мы должны будем приписать эти свойства и самому Создателю. Должны будем одеть его в пространство и время и придать ему внешний облик и возраст. Но именно это-то нам запрещают делать монотеистические религии. Значит, истинной здесь может быть только та точка зрения, которая рассматривает пространство и время как априорные формы нашей чувственности. Посредством этих форм мы способны знать мир лишь как *явление*, а самого Создателя — как невидимую, недостижимую, непознаваемую *вещь в себе*.

Общий вывод из трансцендентальной эстетики.

Пространство и время это априорные формы нашей чувственности. Но по отношению к процессу познания вещей, они имеют *объективное* значение. Это значит, что они являются всеобщими и необходимыми формами человеческого познания. Никакой другой объективности, помимо той, которую мы получаем через эти формы чувственности, для нас нет и не будет.

Здесь возникает вопрос. Существуют ли эти формы чувственности у животных? На этот вопрос мы не можем дать утвердительного ответа. Но что касается мыслящих существ, то мы можем утверждать, что эти формы есть у всех людей.

Итак, на главный вопрос «Трансцендентальной эстетики» как из разрозненных ощущений в сознании человека, без какого-либо участия мышления, возникают образы воспринимаемых предметов, мы

даём следующий ответ. Они возникают потому, что духу человека от рождения присущи две априорные формы чистой чувственности (созерцания): пространство и время. С помощью этих форм, воспринимаемые нами ощущения соединяются в целостный образ.

Заключение

На этом Кант завершает своё учение о первой ступени познания — ступени созерцания. Кратко суть этого учения можно выразить следующей формулой:

ощущения + *формы созерцания* (*пространство и время*) = образ предмета.

Для лучшего понимания мы предлагаем читателю сравнить данное учение И. Канта с аналогичным учением Г.В.Ф. Гегеля [2, с. 268–279].

Согласно Гегелю процесса познания внешних предметов также начинается с *ощущений*. Акт ощущения представляет собой непосредственное единство субъекта и объекта, человека и созерцаемого им предмета.

Воспринимаемые нами ощущения различны. Во-первых, потому, что они приходят к нам от разных предметов. Во-вторых, потому, что они поступают через разные органы чувств. В-третьих, потому, что они имеют разную силу воздействия. По этой причине каждое ощущение представляет собой некое *особенное возбуждение*, отличающееся своим качеством и интенсивностью (количеством).

Чтобы удерживать в себе такие разрозненные ощущения, человеку приходится проявлять к ним *внимание*. Если бы все ощущения были одинаковы, то эта способность не понадобилась бы вообще. Акт проявления внимания позволяет, с одной стороны, находить ощущения в их различии, с другой, удерживать их все вместе, «пучком». Благодаря этим двум моментам проявления внимания — а) нахождению различных ощущений и б) схватыванию их «пучком», в сознании человека возникают целостные образы созерцаемых им предметов.

Способность к проявлению внимания, по Гегелю, есть ключевой момент ступени созерцания. Без проявления внимания невозможно получить какие-либо знания. Чтобы человек мог направлять своё внимание на воспринимаемые им предметы, ему необходимо научиться отвлекаться как от всех других вещей, так и от своих собственных мыслей и побуждений. Способность проявления внимания вырабатывается на протяжении многих лет жизни.

Закрепляется образ в сознании человека за счёт повторного созерцания предмета, т.е. за счёт повторного проявления внимания к нему. Чем чаще и при различных обстоятельствах мы созерцаем предмет, тем лучше и полнее его образ сохраняется в нашем представлении.

Такова формула ступени созерцания по Гегелю:

ощущения + *внимание* = образ предмета.

На место придуманных Кантом априорных форм чувственности (пространства и времени) Гегель поставил естественную способность человека проявлять внимание по отношению к воспринимаемым предметам. (Эта же способность есть и у животных.)

Что же касается пространства и времени, то Гегель исходит из того, что они являются реальными свойствами самой природы. В своём начальном естественном виде пространство и время представляют собой простую *дискретность* окружающего нас мира. Дискретность (множественность) сосуществующих предметов природы воспринимается нами как ещё *неопределённое* пространство. Дискретность (множественность) последующих сменяющихся состояний этих предметов воспринимается как ещё *неопределённое* время. Акт осознания такой дискретности природы соответствует тому уровню познания пространства и времени, который может быть достигнут на ступени созерцания.

Все дальнейшие определения пространства и времени появляются в головах людей только благодаря деятельности их мышления. Чтобы перейти от *неопределённого* пространства к *ограниченному*, мы используем такие понятия: *точка, линия, угол, плоскость, объём, фигура* и т.д. А чтобы перейти от уже *ограниченного* пространства к *определённому*, мы применяем изобретённую нами (людьми) трёхосную систему координат: *длина, высота, ширина*. Причём все эти понятия, согласно Гегелю, выводятся интеллектом человека из самого реального мира.

То же самое мы делаем и в отношении времени. Чтобы перейти от ещё *неопределённого* времени к *ограниченному*, мы используем такие понятия: *момент* (*теперь, потом, тогда*), *длительность, период, частота* и др. А для того чтобы сделать уже *ограниченное* время *определённым*, применяем две придуманные нами системы отсчёта — суточную и годовую. Все эти понятия и системы отсчёта, также выводятся нами из окружающего нас реального мира.

* * *

Но как бы то ни было, степень созерцания, согласно И. Канту, приводит в итоге к тому, что в сознании человека появляется устойчивый образ интересующего его предмета. Такие образы становятся исходным материалом для деятельности мышления. Опираясь на эти образы, оно выстраивает понятие предмета. Как это происходит? Как мышление строит понятия? Ответ на эти вопросы И. Кант даёт во второй части своего «Трансцендентального учения о началах» — «Трансцендентальной логике».

Список литературы

1. *Баумгартен А.* Фрагменты по эстетике. // История эстетики. В 5 т. Т. 2. — М.: Искусство, 1964. — 836 с. — С. 449–465.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 574 с.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 780 с.
4. *Кассирер Э.* Философия Просвещения. М.: РОССПЭН. 2004. 400 с.
5. *Крупнин Г.Н.* Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998. С. 47–72.

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ

М. А. Пекелис (Михаил Пластов)

ИЕРУСАЛИМСКИЕ СВИТКИ:

Исторические фантазии на Евангельские сюжеты

Аннотация. Евангельские темы пронизывают всю русскую поэзию чуть ли не с момента Крещения Руси. Со временем философское значение Учения Христа только возрастает. В настоящей работе известного московского поэта и философа Михаила Пластова представлено философско-поэтическое осмысление Евангельских сюжетов.

Ключевые слова: Иисус Христос, благая весть, синедрион, Понтий Пилат, Никодим, Иоанн Креститель, Иосиф, вера, истина, распятие.

М. А. Pekelis (Michael Plastov)

Jerusalem scrolls: Historical fantasy on Gospel stories

Review. Evangelical subjects penetrate all Russian poetry nearly from the moment of the Baptism of Rus'. Over time philosophical value of the Doctrine of Christ only increases. In the work of the famous Moscow poet and philosopher Michael Plastov philosophical and poetic judgment of Evangelical plots is presented.

Keywords: Jesus Christ, good news, council, Pontius Pilate, Nicodemus, John the Baptist, Iosif, belief, truth, crucifixion.

I

ПОСЛАНИЕ АГЕНТА-ЛЕГАТА НАЧАЛЬНИКУ ТАЙНОЙ СТРАЖИ

На Ваш запрос о слухах в Самарии,
Докладываю Вам, почтенный игемнон,
Что слух идёт об Анне и Марии,
Но, что пока не подтвердился он.
Что, будучи послушницей и девой,
Ребёнка без мужчины зачала.
Небось, всё врут, и бегала налево,
Иначе очень странные дела.
К тому младенцу якобы волхвы
Пришли и принесли дары в подарок,
Ну, это ясно, чистый плод молвы,
Хоть в описаньях жизненен и ярок.
Да, кстати, ещё слух, что Сименон,
Глубокий старец и раввин из храма
Лет триста жил, не умирал упрямо,
Но лишь младенца взял на бремена,
Тот час скончался, но пока не ясно,
Младенца в том заслуга, иль вина.

Не стану обвинять его напрасно.
 Да, говорят, какой-то Иоанн,
 Похоже, что смутьян, стоит на мели.
 Нашёл, сектант, спасение в воде.
 Пока что безобиден, знает где
 Суть истины, невиданной до селе.
 Зачем зовёт туда, где нет пока дороги,
 Нехоженным путём, сплошною целиной?
 Куда его несут мозги, душа и ноги?
 Небось, дурной, слепой или больной.
 О чём он всем твердит? Что говорит? Простите,
 О том, что все грехи отмоев Иордан.
 Кричит: « Я — Иоанн!», покайтесь я — Креститель.
 Дождётся, на кресте окажется, болван.
 Таких как он полно. Оборваны и строги
 Они в пустыне жизнь отшельников ведут,
 О будущем твердят — еврейские пророки,
 Плоть умерщвляют и мессии ждут.
 А кто такой, кого и день, и ночь он хвалит,
 Даря адептам проповедей суть?
 Тот, кого Дух Святой и Ангелы призвали
 Святым огнём крестить греховной путь?
 Он говорит, что грешный недостоин
 С Его сандалий пыль стереть рукой,
 Что Тот прекрасен, праведен и строен,
 Что Он как мы и всё же не такой...
 Да, мало ли чего твердят в народе.
 Темны, бедны, забиты и глупы.
 Докладываю всё, но не престало вроде,
 Нам верить измышлениям толпы.

II

РАССКАЗ РИМСКОГО ЛЕГИОНЕРА СЕСТРЕ КЛАВДИИ

Что Клавдия? Соскучилась сестрёнка?
 Увидеться не чаял я уже.
 Быть воином — плохая работёнка,
 Уйдёшь босым, вернёшься negliже.
 Если вернёшься. В этой Иудее
 Зарезать могут запросто. На раз.
 Пыль, грязь, жара...
 Насквозь весь пропотеешь,
 Пока прохлады ждёшь в вечерний час.
 Народ тупой, одни фанаты веры.
 Всё чересчур. Ни в чём не знают меры...
 Но нам то что. Знай, делай, что прикажут.
 А закобенишься, так тотчас же накажут.
 Хотя приказы странные порой.
 С центурионом как-то, за горой
 Нам приказали охранять могилу,
 Верней пещеру или же чертог,

Где возлежал, представь, распятый Бог,
Верней, их еретик, которого распяли,
А мы стояли, сторожили вход.
Чтоб тело из пещеры не украли.
Ты б видела. Ну, просто ухохот
Там камень был привален вместо двери,
Чтоб разом тело не погрызли звери.
Так этот камень, трое молодцов
Пытались сдвинуть, взялись с трёх концов
И, как гранат их покраснели лица,
А камень не изволил шевелиться.
Так вот, центурион принял на грудь,
Чтоб на посту случайно не заснуть.
Сидел себе и тихо напевал,
Как вдруг такое, сразу наповал:
Два призрака, белее облаков
И с крыльями огромными с боков,
Словно пушинку камень отвалили.
Зашли в пещеру и заговорили.
Мы слышали лишь тихий, ровный гул.
Хотел я, было крикнуть: «Караул!»,
Как света столп, пронзая склон горы
Пробил над нами будто две дыры
Святящихся, средь черноты небес,
Вдруг вспыхнул контур, а потом исчез.
— Ни слова, никому, — сказал центурион.
— Привалим камень и загладим склон.
Когда бы, кто б и чтоб об этом ни узнал,
Нам с вами светит римский трибунал.
Кто нам поверит? Правду им скажи!
И ясно — эта правда, хуже лжи.
Объявят, будто мы сошли с ума,
А там тюрьма, ну а потом сума.
Так знай, сестрёнка, я хоть сам там был,
Но ничего тебе не говорил!

III

МОНОЛОГ МОГИЛЬЩИКА ПОНТИЯ ПИЛАТА

Клянусь Юпитером, глупей не знаю доли,
Чем главным быть над теми, кто в неволе.
Всесильным прокуратором тех мест,
Где ненавидят все тебя окрест.
Израиль, Иудея, Самария.
Предупреждали, знали, говорили...
Нет, он, из всех утех, любил лишь власть
И получил... Навластствовался всласть...
Понтийский всадник с золотым копьём,
Друг Цезаря, с ним часто пил вдвоём.
Врагов Империи он распинал без счёту.
Разгневал небеса, превысил квоту.

Принёс бы в жертву голубя богине,
 Глядишь, ан жил бы в Риме и доньне.
 Совсем чужой страны обычай был,
 Когда он руки пред толпой омыл.
 А толку что? Когда его ладони
 Пометил, привезённый из тех мест,
 Кровавый и не излечимый крест.
 Шарахались от тех ладоней кони.
 Забросил всё, был мрачен и уныл,
 И сам себя, в конце концов, сгубил.
 Теперь его земля не принимает.
 Сенат и тот никак не понимает,
 Что происходит? Наломали дров.
 Едва гроб в Тибр с Пилатом опустили,
 Дожди, как из ведра, так долго лили,
 Что вышел бедный Тибр из берегов!
 Всё затопило: термы и дворцы,
 Мне поручили римские Отцы-
 Сенаторы, чтоб я, простой легат,
 Проконсулом вошёл в Большой Сенат,
 Лишь для того, чтоб волею Сената
 Хоть как-нибудь похоронить Пилата.
 Шесть раз мы зарывали гроб, топили,
 Напрасными усилья наши были.
 От череды несчастий всё темнело,
 Земля не принимала его тело.
 Свинцовый гроб я заказал в Милане.
 В предгорьях Альп, весною, утром ранним,
 Мы затопили гроб, и в озере тогда
 В кровавый цвет окрасилась вода...
 Вот так я чудом избежал ареста
 За саботаж ужасных похорон,
 И навсегда запомнил это место:
 Пилата, наконец, принял Харон,
 И перевёз убийцу через Лету,
 А местные, немного ближе к лету,
 От мест захоронения удрали,
 А гору ту «Пилатосом» назвали,
 Где озеро, и «Проклятой Землёй».
 И до сих пор рассказывают сказки,
 Что там нельзя быть рядом без опаски,
 Где гроб на дне, и где волшебник злой.
 Эх, что за жизнь? Один неверный шаг
 И вот ты всему миру злейший враг.

IV

МОНОЛОГ ЧЛЕНА СЕНЕДРИОНА НИКОДИМА О ПОНТИИ ПИЛАТЕ

«Вершитель судеб, демон Иудеи» —
 Пустых голов нелепые идеи.
 Я ведаю, я чувствую, кто ты,

Любитель несказанной чистоты.
Печальный интриган, рождённый трусом,
С плохой репутацией и вкусом.
О, звуки нежные, они опять слышны,
То Иордан, а в нём вода крещенья.
Ты руки ей омыл, в надежде на прощенье,
Когда Христа невинного губил?
«В пылу страстей судите беспристрастно»
— Не так ли вас учил Аристофан.
Комедиант тебя учил напрасно,
Ты ничего не выучил, профан.
Кто пред тобой стоял? Спаситель мира,
Иль проповедник нищий и босой?
Но точно не смутьян и не задира,
И не поклонник девушки с косой.
На цезаря готова покушеньё,
Ты видел в нём своих проблем решенье.
Но точно также главный раввинат,
В нём видел, и мечтать о том не смея,
Израиля спасенье, Иудеи,
А римской власти гибель и закат.
О! Как он вас подвёл, любители всевластья,
Когда, вдруг, в довершении всего
Спокойно отказался от участия,
Сказав, что не от мира власть его.
Он оказался слишком независим,
Опасен вам, народу ненавистен.
Как? Мёртвых воскрешать, вселяя страх,
И не желать повергнуть римлян в прах.
Эх, глупая толпа, безмозглые бараны.
Вам только посули, вам только подмигни.
Готовы вы кричать ему: «Осанна!»
А через пару дней: «Распни его, распни!»
Ох, зря ликуешь ты бандит прощенный,
Что Он, невинный, за тебя — на крест.
Вот тьма от тьмы сожжённых миллионов
Затмением расплзается окрест.
Душа черна, что руки мыть напрасно.
Они решили, так тому и быть.
Вам ясно всё. Мне ничего не ясно.
И всё простить, не значит позабыть.

V

МОНОЛОГ СЛЕПОГО, ПРОЗРЕВШЕГО ПО ХРИСТОВОЙ МИЛОСТИ

Во тьме рождённый, видящий лишь тьму,
Живущий то на звук, а то на ошупь,
Вот сострадатель горю моему...
Друг по несчастью, если молвить проще.
Его я не забыл, не разлюбил.
Расцвет так помнит о прошедшей ночи.

Он слеп доныне. Я когда-то был.
 Когда? Считай всегда, до той поры,
 Как шум толпы в тени у синагоги,
 Заставил распрямиться мои ноги,
 Направить наугад свои стопы.
 Я помню, как мой юный поводырь
 Мне рассказал, что чудеса бывают,
 Убогие вкус к жизни обретают,
 И всё по слову, что сказал Иисус.
 Я шел, как замороженный навстречу
 Столпу-столбу из нежного тепла,
 Не зная, что скажу и что отвечу.
 Я шёл, пока душа не замерла.
 И подойдя, упал я на колени
 В конце такого странного пути
 И, вместо просьб, молений, откровений,
 Потерянно я выдохнул: «Прости!».
 Тут два луча, прямых и раскалённых,
 Вошли, как в масло, в пустоту глазниц,
 И я услышал голос потаённый:
 — Не смей вставать и оставайся ниц.
 Со скрежетом во мне перевернулась
 Ось страха, что жила в моей судьбе
 И благодатной радостью вернулась:
 — Грехи твои прощаются тебе.
 Что было дальше? Да, что было дальше
 Поверьте, не забуду я вовек.
 Открыл я веки, не было их раньше,
 Передо мной в хитоне человек,
 И небосвода синева литая,
 И облака, плывущие вдали,
 И зелени кустов листва густая,
 И тёплое дыхание земли.
 И я прозрел, и залечились раны,
 И прошлое стряхнул я, словно пыль,
 И возопил: «Грядущему осанна!
 Вот твой мессия! Слышишь, Израиль!».

VI

МОНОЛОГ ПЕРВОГО АНГЕЛА СВИДЕТЕЛЯ БЛАГОЙ ВЕСТИ

Два оборванца на пороге храма
 Провалами глазниц молили о слезах.
 Навеса перекошенная рама,
 Разбитого крыла живая драма,
 Маячила с мечтой о небесах.
 Пылинки на конце луча парили.
 Легионер шёл пьяный вдоль двора.
 Полог жары висел над Самарией
 Шестые сутки, с самого утра.
 К колодцу шла с кувшинами Мария,

Послушница вчера, Иосифа жена.
Между собой торговки говорили,
Что, хоть стройна, но больно уж юна.
Тут белоснежный голубь прямо с крыши
Спланировал на край её плеча.
Он ворковал о чём-то еле слышно,
Потом взлетел обратно, клекоча.
Мария покраснела, взор потупив,
Как будто была чем-то смущена.
Как будто в чём-то странном и преступном
Её душа была уличена.
Как разобрать, что хорошо, что плохо,
Когда пришло начало всех начал.
Так наступала новая эпоха,
Но этого никто не замечал.
О, как неожиданно время повернулось,
И падших братьев завершился пир,
И весть благая в этот мир вернулась
И вновь взалкал спасенья этот мир.

VII

МОНОЛОГ ВТОРОГО АНГЕЛА СВИДЕТЕЛЯ БЛАГОЙ ВЕСТИ

Ослик шёл, нагруженный мешками,
С прутиком за ним малыш бежал.
У крыльца старик, присев на камень,
В кулаке полсестрия держал.
Вдруг, как будто в мареве сгорая,
Встал пред нею абрис белых крыл
И она сказала: «Адонай»,
Когда ангел с ней заговорил.
— Ты, Мария, среди жён блаженна,
Сущего услышь небесный глас,
Только ты чиста и совершенна,
Только от тебя родится Спас.
Так без лишней помпы и оваций,
И без криков: «Браво, Ваша честь!»,
Начала вся жизнь кругом меняться,
Ибо в мир пришла Благая Весть.

VIII

РАЗГОВОР ДУШИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ С СОБСТВЕННОЙ ОТРУБЛЕННОЙ ГОЛОВОЙ, ЛЕЖАЩЕЙ НА БЛЮДЕ

— По воле глупой танцовщицы
Лежать на блюде твой удел,
А я лечу свободной птицей.
Забрать лукавый не посмел
Весь мой простор в свои границы.

Крещения я раньше ждал,
Но ныне жду я воскрешения,
Того, кто аду есть отмщение,
Того, кто смертью смерть поправал.
Прости меня, не уберёт
Размах кудрей и взор орлиный
И твои ранние седины
Палач безжалостный отсёк.
Глупцы, что ждали смерть мою,
В руках врага марионетки,
Погрызали в похоти их предки,
А я перед тобой стою
И говорю: «Ты претерпи.
Мучения не бесконечны
И мы воскреснем к жизни вечной,
Что есть великий дар любви».
— Прощай, целую лоб твой хладный,
А мне пора на небеса,
Чей свет блаженный, свет громадный
Уже слепит мои глаза.

IX

ДИАЛОГИ ЧЛЕНОВ СЕНЕДРИОНА ИОСИФА АРИМАФЕЙСКОГО И НИКОДИМА: в ночь перед казнью Спасителя в доме Иосифа

ИОСИФ

Единый Бог в завете Авраама,
Чтоб стал он мужем женщины земной?
Душа болит от ереси такой
И сын едиnorodный — это драма.
Признать его, приняв все чудеса,
Или распять, закрыв на всё глаза?
Ужели Каиафа выбрал зло?
От ненависти бедного трясло.
Но чувствует душа, прав Иисус.
Мессия он — вот я чего боюсь.

НИКОДИМ

Одно и тоже ты твердишь опять,
А сам не стал мешать Синедриону
Из терний вручить Христу корону
И порешить невинного распять.
Кричали все: «Он — враг, он — враг Сиону!
Он отбирает нашу благодать!».

ИОСИФ

Мы оба исповедовали тайно,
Но только я с ним ночью говорил.
Явление Христа необычайно.
Сказал бы Ангел, но не видно крыл.

НИКОДИМ

Он мне напомнил то, что Моисеем
В пустыне вознесён был медный Змей
Тот в ком сомнения был яд посеян,
Был светом поражен от тех лучей,
Что исходили из змеиных глаз...
Мне кажется, что Змей глядит на нас.

ИОСИФ

Змей змеем, ну а он то тут причём?
Кого способен он убить лучом?

НИКОДИМ

Но говорят, что упадёт проклятье,
На тех, кто возведёт его распятые.
Жизнь вечная даруется тому,
Кто веруя, поклонится ему.

ИОСИФ

Ты говоришь, а в сердце моём страх.
Как вышло так, что наш Господь нам враг?

НИКОДИМ

До лучших дней свой пыл побереги.
Он милостив, а мы себе враги.
Бог, иль не Бог, но сделай одолжение
И прояви к Иисусу уваженье,
Что он мессия и что он пророк
Ты сам мне говорил и видеть мог..
Отдай ему свой гроб, возьмись за дело
И у Пилата попытайся взять,
Хотя бы разрешение снять тело.
Да, снять с креста, омыть и спеленать,
А я возьму у сотника арбу
И съезжу на базар за миртом и елеем,
Чтобы омыть покойника в гробу,
А то мы все клянём свою судьбу,
Живых не любим, мёртвых не жалеем.

ИОСИФ

А что, пожалуй, Никодим,
Пилат мне много раз
В своей приязни клялся
И говорил, что с Римом он расстался,
Но в Иудее, здесь, он мне, как брат.

НИКОДИМ

Он — трус и гад. Чего он испугался?
Какой-то Каиафа взбунтовался,
Но будет теперь праведник распят.

Х

В НОЧЬ ПОСЛЕ КАЗНИ СПАСИТЕЛЯ В ДОМЕ НИКОДИМА

ИОСИФ

Вторую ночь я не могу уснуть.
Он говорил, что Он и смысл, и путь.
Так в чём же смысл, раз нет его в живых?
Где путь того, кто навсегда затих?
Вот чаша на столе, в ней кровь Его,
Когда б обычным было естество,
Она б давно свернулась и застыла...
Всю ночь та кровь светилась и бурлила.

НИКОДИМ

Смотрю я на неё, глазам своим не верю.
Рассказывал мне Петр про тайную вечерю.
Там Назарей друзьям вино налил.
— Вот кровь моя, — при этом говорил,
— Что я пролью за ваше воскресение.
Она залогом вашего спасения.

ИОСИФ

Да! Кровь — вино, а плотью будет хлеб,
А домом был ему, когда родился, хлев.

НИКОДИМ

Хлеб и вино изменит Дух Святой.
Ты усомнился? Не спеши. Постой.
С тобой нам не понятны, до поры,
Его судьбы священные дары.

ИОСИФ

О чём тут говорить? Ведь неспроста
Один я оказался у креста.
Где были все Апостолы? Куда
Ученики попрятались от страха?
Им помогла священная вода
Крещения? Их испугала плаха.
А если честно, мне друзья не врут,
Боюсь, нас на рассвете заберут.
Куда? Туда в тюрьму Синедриона.
И как Его убьют, замучают, распнут.
Да, мы иначе чтим закон Сиона.

НИКОДИМ

Стыдись Иосиф, как ты думать мог,
Что в трудный час тебя оставит Бог.
Он может то, что нам и не приснится,
Он нас похитит из любой темницы.

ИОСИФ

А если нет?

НИКОДИМ

А если нет, ну что ж,
Ты за него тогда на смерть пойдёшь.
И, как и Он, врагам моля прощенье,
Заплатишь своей жизнью за спасенье.

ИОСИФ

Он отдал жизнь за нас и в тот же час
Страдания Его и благородство
Затмили все грехи и все уродства
И мукою своею он нас спас!

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

А. А. Шильнов

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ О НООСФЕРЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В связи с угрозой глобальной экологической катастрофы, проблема сохранения мира и человечества выходит на передний план размышлений философов и учёных. При этом значительный интерес представляет анализ взаимосвязи философии, религии и экологии. Религия, философия и экология пытаются найти ответ на вопрос о том, что необходимо предпринять для сохранения жизни на Земле. В статье подробно рассматриваются основные положения, сильные стороны и противоречия столь сложного, оригинального и неоднозначного учения В. И. Вернадского о биосфере и переходе её в новое качество — ноосферу, где тесно переплелись современные философские, научные и религиозные концепции.*

***Ключевые слова:** философия, религия, экология, В. И. Вернадский, биосфера, ноосфера, цивилизация, человечество, научная мысль, природный ландшафт.*

A. A. Shilnov

Philosophical aspects of the doctrine about a noosphere and problems of development of a world civilization

***Review.** Due to the threat of a global environmental disaster, the problem of preservation of peace and mankind moves to the forefront of reflections of philosophers and scientists. At the same time the analysis of interrelation of philosophy, religion and ecology is of considerable interest. The religion, philosophy and ecology try to find the answer to a question of what needs to be undertaken for preservation of life on Earth. The article considers basic provisions, strengths and contradictions of so difficult, original and ambiguous doctrine of V.I. Vernadsky about the biosphere and its transition to new quality that is a noosphere where modern philosophical, scientific and religious concepts closely intertwined in detail.*

***Keywords:** philosophy, religion, ecology, V.I. Vernadsky, biosphere, noosphere, civilization, mankind, scientific mind, natural landscape.*

Внаши дни проблема конечных судеб мира и человечества встала с особой силой в связи с реальной возможностью глобальной экологической катастрофы. Не меньшую для нас опасность представляют значительно возросшая в последние годы вероятность новой мировой войны или серий крупных региональных вооружённых конфликтов с применением ядерного оружия, которые могут привести к огромным жертвам и исчезновению мировой цивилизации в её нынешнем виде. При всём многообразии исследований, выполненным в проблемном поле экологии, они весьма далеки от необходимой полноты и системной целостности. Кроме того, они как бы распадаются на две, практически не связанные части. С одной стороны, это глубокие по содержанию конкретно-научные исследования и технические решения, о которых достаточно много написано на страницах сугубо научных, а также научно-популярных изданий [8]. Исследования такого рода безусловно необходимы и полезны, но в стратегическом отношении они в некотором плане ущербны, поскольку носят односторонний и локальный характер. Другой слой экологической литературы представляет собой полуфилософскую публицистику, в которой много пафоса, но слишком мало углублённого философского и научного анализа проблемы, отсутствует единая концепция, раскрывающая принципиальные связи экологии, т.е.

отсутствует основа проведения исследований в понимании возможностей человека в регуляции природных процессов. Авторы некоторых серьёзных исследований приходят к выводу о необходимости философско-методологического критического её анализа для установления пределов и возможностей познания социальных и природных систем, а также целенаправленного воздействия на эти системы для определения стратегических путей современной экологической мысли, для развенчания заблуждений, мифов, крайнего фатализма и излишнего оптимизма.

Другие точки зрения на данную проблему сводятся к тому, что философия играла определяющую роль в процессе познания тогда, когда уровень естествознания был сравнительно невысок и не давал ответы на многие принципиальные вопросы.

По этому поводу замечательно высказался выдающийся русский учёный В. И. Вернадский, критиковавший господствующие в научных кругах его времени антифилософские предубеждения: «Иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная роль философии для человечества конечна и в будущем должна быть заменена наукой. Но такое мнение само представляет не что иное, как отголосок одной из философских схем и едва ли может выдержать пробу научной проверки. Никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии, и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий в науку элемент во все времена её существования. Только в абстракции и в воображении, не отвечающем действительности, наука и научное мировоззрение могут дозвесь сами по себе, развиваться помимо участия идей и понятий, разлитых в духовной сфере, созданной иным путём» [9]. Жизнь показала, что у представителей многочисленных борющихся между собой и исключаящих друг друга философских направлений и течений сложилось своё, специфическое понимание места человека в природе и его отношения к окружающему миру, выработалась собственная интерпретация исходных принципов человеческого познания и деятельности, однако на мировоззренческую и методологическую роль может претендовать, пожалуй, материалистическая диалектика. Можно по-разному относиться к претензии философов данного направления на приоритет науки, которой они служат, однако в данном конкретном случае они, похоже, правы.

Представляется необходимым проследить некоторые законы и постулаты, которые были разработаны на основе законов и категорий диалектики или являются напрямую их следствиями [9]. Они в дальнейшем помогут лучше понять сильные стороны и ряд противоречий учения В. И. Вернадского о биосфере и перехода её в новое качество — ноосферу, о чём речь пойдёт немного позже.

Общие закономерности, свойственные внутреннему развитию систем, а также на более низком уровне системы «организм — среда», были сформулированы отечественными и зарубежными экологами ещё во второй половине XX века [10] и выглядят следующим образом (при этом указанные закономерности можно легко перенести на другие сферы).

Законы внутреннего развития систем:

1. *Закон необратимости эволюции Л. Долло:* организм (популяция, вид) не может вернуться к прежнему состоянию, уже осуществлённому в ряду его предков.
2. *Закон усложнения системной организации (организмов):* историческое развитие живых организмов (природных и социальных структур) приводит к усложнению их организации путём нарастания дифференциации функций и органов (подсистем), выполняющих эти функции.
3. *Закон неограниченного прогресса:* развитие от простого к сложному эволюционно неограниченно.
4. *Закон последовательного прохождения фаз развития:* фазы развития природной системы могут следовать лишь в эволюционно и функционально закреплённом порядке, обычно от относительно простого к сложному, как правило, без выпадения промежуточных этапов.
5. *Системогенетический закон:* природные (а, возможно, и все) системы в индивидуальном развитии повторяют в сокращённой и нередко изменённой и обобщённой форме эволюционный путь развития своей системной структуры.

При ближайшем рассмотрении достаточно легко найти аналогии или близкие законы в философии и, прежде всего, в диалектике, а также сугубо другой научной дисциплине — теории сложных систем.

Действительно, суть первого из названных законов достаточно точно иллюстрируется известной мудростью: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Другие из перечисленных законов логично вписываются в рамки и являются по сути обобщением основных законов диалектики (единство и борьба

противоположностей, переход количественных изменений в качественные и закона отрицания отрицания). А наиболее общим философским обобщением в группе общих законов функционирования системы «организм — среда» является утверждение о тесном взаимодействии, диалектическом единстве организмов и среды их обитания, которое было сформулировано В.И. Вернадским и получило название *закона единства организм — среда*: жизнь развивается в результате постоянного обмена веществом и информацией на базе потока энергии в совокупном единстве среды и населяющих её организмов. Но этим не исчерпывается связь экологии с философией и объектами её познания. В этой связи нельзя не отметить, что многие сугубо экологические аспекты прямо или косвенно связаны с религиозными воззрениями людей, а в отдельных случаях экология обращается к религиозному сознанию и религиозным чувствам, что также вполне объяснимо, если помнить об истоках философии и вкладе в неё теологов и не только их.

Основоположники учения о ноосфере (т.е. сфере, где разум человека будет играть доминирующую роль в развитии системы человек — среда) Э. Леруа, П. Терьян де Шарден, В.И. Вернадский — вкладывали в понятие «разум человека» и божественное начало, что следовало из их мировоззрения.

Таким образом, рассмотрение вопросов взаимосвязи философии, религии и экологии представляет огромный практический интерес, особенно с точки зрения дальнейших судеб каждого человека и человечества в целом. Дело в том, что и религия, и философия, и экология пытаются найти ответ на вопрос о том, что необходимо предпринять для сохранения жизни на Земле.

Рассмотрим теперь более подробно основные положения, сильные стороны и противоречия столь сложного, оригинального и неоднозначного учения В.И. Вернадского о биосфере и переходе её в новое качество — ноосферу, где тесно переплелись современные философские, научные и религиозные концепции. Особого внимания требует рассмотрение формирования ноосферного общества и его влияния на перспективы мировой цивилизации исходя из реалий начала XXI века.

Учение В.И. Вернадского о биосфере и переходе её в новое качество — ноосферу, а также тесно связанные с этим проблемы живого вещества и перспективы эволюции человеческого общества получают развитие в трудах современных экологов [11].

Ноосфера (от греч. «ноос» — разум), сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным, определяющим фактором развития (для обозначения этой сферы употребляются также термины: техносфера, антропосфера, социосфера). Понятие ноосферы как облекающей земной шар идеальной, «мыслящей» оболочки, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания, ввели в начале XX века П. Терьян де Шарден и Э. Леруа. Вернадский внёс в этот термин принципиально новое содержание: ноосфера — новая, высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, становится крупнейшей силой и начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов в биосфере.

Становление и развитие человечества как новой силы, преобразующей природу, выразилось в возникновении новых форм обмена веществом и энергией между обществом и природой во всё возрастающем биогеохимическом и ином воздействии человека на биосферу. Более того, зародившись на планете, ноосфера имеет тенденцию к постоянному расширению, превращаясь в особый структурный элемент космоса.

Свою последнюю работу «Биосфера и ноосфера», написанную в 1943 году, В.И. Вернадский заканчивает словами: «Сейчас мы переживаем новое геологическое изменение биосферы. Мы входим в ноосферу». Ещё в начале века, изучая роль живого вещества в эволюции биосферы, Вернадский увидел стремительный рост значения живого вещества и человеческой деятельности в эволюции биосферы. Анализируя «технику жизни», особенности миграции живого вещества, Вернадский устанавливает непрерывное развитие и всё более усиливающееся влияние живого вещества, и прежде всего человека, на косную материю. «В настоящее время человек — основной геологообразующий фактор биосферы» — этот тезис на протяжении многих лет был одним из основных источников размышлений учёного.

Известно, что термин «ноосфера» Вернадский начал употреблять только в последние годы своей жизни; в 1943 году он написал: «Ноосфера — последнее из многих состояний биосферы в геологической истории» («Биосфера и ноосфера») [5]. Ранее принцип единства природы был высказан В.И. Вернадским в статье «Два синтеза», где он, в частности, писал: «В науке нет до сих пор ясного сознания, что явления жизни и мёртвой природы... являются проявлением единого процесса» [6].

Ноосфера, по Вернадскому, — это новое состояние биосферы с органически включённым в неё человечеством, а общество, которое способно обеспечить своё существование в условиях ноосферы, — общество эпохи ноосферы. «Ноосфера, — пишет он, — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения её геологического прошлого в некоторых своих аспектах. Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в неё — в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере» [11].

Основными предпосылками возникновения ноосферы у В.И. Вернадского должны стать следующие:

- расселение *Homo sapiens* по всей поверхности планеты и его победа в соревновании с другими биологическими видами;
- развитие всепланетных систем связи, создание единой для человечества информационной системы;
- открытие таких новых источников энергии, как атомная, после чего деятельность человека становится важной геологической силой;
- победа демократий и доступ к управлению широких народных масс;
- всё более широкое вовлечение людей в занятия наукой, что также делает человечество геологической силой [5].

Работам Вернадского был свойствен исторический оптимизм: в необратимом развитии научного знания он видел единственное доказательство существования прогресса.

В.И. Вернадский заложил только основы учения о ноосфере, точнее — лишь обозначил его контуры, разработать и развить теоретическую базу принципиально новой области научных знаний он не успел. Фактически в его трудах был обозначен только фундамент этого учения. Ретроспективный анализ основных вех в развитии учения о ноосфере показывает, что интерпретация даже основных его положений различными отечественными и зарубежными философами, развивающими учение Вернадского, мягко говоря, весьма противоречива.

Интерес к концепции Вернадского, значительно возросший в последние 15–20 лет, на наш взгляд, обусловлен тем, что в конце XX века современная цивилизация столкнулась с серьёзными экологическими, демографическими, сырьевыми, духовными и нравственными проблемами. Они показали реальную (а не гипотетическую) угрозу биосфере планеты и человеческому обществу. Пожалуй, впервые в истории человечества эти проблемы стали не следствием стихии, а логическим результатом неумения или нежелания человечества решать острые противоречия между современным обществом и окружающей природой, которая по определению является средой (причём пока единственной) его обитания. Обострение указанных противоречий до крайности, с одной стороны, ведёт цивилизацию в тупик (ограничение ресурсов для развития), с другой — к деградации или, во всяком случае, к существенно изменению природы (разрушение среды обитания)[1].

Концепция ноосферы Вернадского, хотя и весьма схематично, пытается наметить пути гармонического развития и «мирного» сосуществования человеческой цивилизации с её непрерывно растущими потребностями и биосферы, без которой человечество не просуществовало бы и дня. В основу учения положено научное познание окружающего мира и разумное использование ресурсов планеты. Поэтому его идеи важны для современных поколений, особенно в концептуальном плане (а может быть, и в плане идеологическом), поскольку они противопоставляют мрачной перспективе гибели или деградации цивилизации заманчивую альтернативу в виде ноосферного общества, где экономические, политические, социальные и экологические проблемы решаются силой человеческого разума. Биосфера рассматривается не как «неисчерпаемая кладовая природных богатств», которую можно постоянно грабить в эгоистических интересах общества, а как жизненно важная природная среда, в рамках которой человечество, само являющееся разумным элементом данной среды, используя новейшие достижения разума, контролирует состояние и управляет биосферой, не нарушая её целостности.

Ноосферная концепция оригинальна и достаточно универсальна, поэтому (очевидно, в силу последнего свойства) теоретические построения и выводы различных философов сильно отличаются как друг от друга, так и от первоисточника.

На наш взгляд, однозначный ответ на вопрос о том, является ли учение о ноосфере новаторской концепцией эволюции человеческого общества или очередной красивой социальной утопией, даст только время. Мы же на основе анализа существующих тенденций и процессов в мире попытаемся предложить свою трактовку.

Основные этапы становления ноосферного общества (на примере мировой цивилизации):

В.И Вернадский утверждал, что преобразовать биосферу в ноосферу стало возможным только благодаря творческому потенциалу и научной мысли человечества: «Основной геологической силой, создающей ноосферу, является рост научного знания». Он не только указывает движущую силу процесса становления биосферы, но и определяет его специфические особенности: «Это изменение биосферы происходит независимо от человеческой воли, стихийно, как природный естественный процесс». Несмотря на наблюдаемую (кажущуюся) стихийность данного процесса, он не обнаруживает хаотичности и спонтанности, а подчиняется закономерностям определённых этапов социально-экономического и политического развития человечества[1]. В силу этого в процессе становления ноосферы можно выделить три основных этапа и их исторические рамки.

I этап: локальные воздействия, изменения и преобразования природных ландшафтов человеческим сообществом. Временные рамки этого этапа начинаются от древнейшей истории человечества до XVII–XVIII века нашей эры. Он характеризовался лишь локальными (региональными) изменениями биосферы, несмотря на то, что в районах существования крупных цивилизаций и культур (европейские культуры и цивилизации, арабская, китайская, индийская и т.д.) природные ландшафты были сильно изменены, а в ряде случаев уничтожены. Дело в том, что любая цивилизация для своего существования и развития нуждается в природных ресурсах, главными из которых исторически являлись удобные для земледелия и плодородные почвы, лес, вода, жизненно важные растения и животные, строительный материал; позже к ним добавляются рудные ископаемые, уголь и торф. Эти ресурсы активно используются цивилизацией, однако из-за низкого уровня развития производительных сил и слабой заселённости территории (за исключением отдельных районов Китая и Индии) к необратимым изменениям природных ландшафтов это, как правило, не приводит. В немалой степени этому способствует высокая степень изолированности крупных цивилизаций и их неравномерное (точнее, разновременное) экономическое развитие.

II этап: Региональные изменения и преобразования природных ландшафтов, начало уничтожения биосферы Земли индустриальной цивилизацией. Этот этап начался приблизительно в конце XVII века и длился до начала XX века, когда в целом сформировалась единая мировая цивилизация, принявшая в общих чертах западные ценности и ставшая на путь научно-технического прогресса.

В конце XVII века в ряде европейских стран появились зачатки индустриальной цивилизации; в следующем веке в Европе, США и отчасти России происходит промышленный переворот, наблюдается огромный рост машинного производства и связанный с ним рост потребностей в сырье и природных ресурсах. Это усиливает давление цивилизации на экосистемы Европы, которые либо исчезают бесследно, либо в значительной степени видоизменяются, что в дальнейшем приводит к массовой колонизации европейцами обеих Америк, Азии, Африки и Австралии. В XIX веке этот маховик раскручивается с ещё большей силой, включая в оборот всё новые природные ландшафты и во всё увеличивающемся объёме. Этому в значительной степени способствует повышение эффективности производства, развитие коммуникаций и рост населения Земли. К началу XX века сформировалась единая колониальная мировая цивилизация, в которой локомотивом прогресса были ведущие страны Европы и США, а акцент в воздействии на природные ландшафты стал постепенно смещаться в колониальные страны. Однако этот процесс не приобрёл ещё глобального характера, поскольку большая часть регионов не была подвержена сколько-нибудь заметному воздействию, хотя в этот период уже наметились отдельные тревожные тенденции в экологии.

III этап: Глобальные изменения биосферы Земли под влиянием хозяйственной деятельности мировой цивилизации. Начало трансформации биосферы в ноосферу: возникновение неустойчивой ноосферы и формирование постиндустриального (информационного) общества. Начало этого этапа следует отнести к 20–30 годам XX столетия, а продолжается он и по сей день, достигнув своего пика на рубеже XX–XXI веков.

Основные его вехи связаны с формированием единого мирового рынка к 30-м годам XX века, созданием общемировой транспортной сети, бурным развитием средств связи и развитием экономики,

началом бурной военно-промышленной и научно-технической революции в экономически развитых странах, и, конечно, со Второй мировой войной. Любопытно, что это уже была «война моторов», и объективно это привело к смещению акцентов в сырьевой отрасли на добычу нефти. С добычей, переработкой и массовой транспортировкой последней связана новая страница в истории глобального воздействия человека на окружающую среду. Кроме того, сама мировая война по размаху, вовлечённости в неё населения Земли, природных ресурсов и результатам изменения природных и антропогенных ландшафтов не имела себе равных в истории человечества. А применение ядерного оружия в завершающей фазе знаменовало новый этап в воздействии человека на биосферу в целом.

Бурное развитие авиации в этот период, а в 60–70 годах XX века и космонавтики, раздвинули рамки сферы деятельности человеческого разума за пределы биосферы вплоть до границ Солнечной системы, и с этого момента человеческий разум перестал быть атрибутом только Земли.

Перечисление это можно было бы продолжать, но оно характеризует лишь ту часть определения ноосферы, которая показывает рамки и направления преобразующей деятельности человеческого разума. О второй же, главной составляющей ноосферы — собственно разуме, осознании им негативных последствий и разрушительных результатах собственной деятельности — стали говорить в 70–80 годах XX века, когда человечество, столкнувшись с глобальными экологическими проблемами, основа которых была заложена неразумной хозяйственной деятельностью, задумалось над ними. Более того, оно стало предпринимать конкретные практические шаги по снижению негативных последствий своей деятельности. Вопреки идеям Вернадского не человеческий разум созрел для формирования ноосферы, а природа своей реакцией на варварское к ней отношение насильно заставила строить некое подобие ноосферного общества.

А что Россия? Что в этом плане сделано в нашей стране? К сожалению, процессы, о которых говорилось выше, в полной мере затронули и Россию, но, как обычно, с нашей российской спецификой. Из общей ноосферы, как из любого глобального процесса и явления, нельзя выделить только Россию (как, впрочем, и любую другую страну), можно лишь указать некоторые специфические особенности протекания данного процесса. К ним можно отнести:

1. Становление ноосферы в России происходит в более сжатые сроки, нежели в странах Европы, Японии или США, где массовая трансформация и изменение природных ландшафтов имеет многовековую историю (а в Китае — тысячелетнюю) и где она изменила целые регионы до неузнаваемости. В условиях России этот процесс занял чуть более столетия (начало создания крупных промышленных и транспортных систем, массовое заселение и освоение Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера).
2. Ноосфера, особенно та её составляющая, которая характеризует воздействие человека на природные ландшафты и биосферу в целом, достаточно компактна и локализована на территории, не превышающей 30% общей площади государства, что в значительной степени повышает её адаптационные возможности.
3. Ноосфера России более устойчива и стабильна (пока!) из-за огромных размеров территорий, практически не изменённых хозяйственной деятельностью природных ландшафтов, а также огромных размеров природных ресурсов, рассредоточенных на значительной площади.
4. В ноосфере России в силу её специфических особенностей, изложенных выше, имеется огромный потенциал позитивного развития в сторону формирования устойчивой ноосферы, особенно если учесть значительный научный потенциал страны («научную мысль»). Однако вечно «запаздывающее» и несовершенное российское законодательство может серьёзно усложнить этот процесс.
5. Структура российской составляющей планетарной ноосферы сильно отличается от других региональных составляющих. Главное её отличие заключается в поверхностном, экстенсивном освоении природных ландшафтов (территорий), без глубокой разработки месторождений, в коротких сроках их эксплуатации, когда снимаются только «сливки»; и отсутствии профинансированных программ восстановления изменённых территорий.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что на рубеже тысячелетий на Земле сформировалась неустойчивая ноосфера, под которой подразумевается совокупность естественных и видоизменённых человеком природных и антропогенных ландшафтов, а также духовные и культурные ценности мировой цивилизации, взгляды, нормы поведения и законодательные акты, регламентирующие отношения человека и окружающей среды. Между указанными структурными элементами современной

ноосферы осуществляется непрерывное взаимодействие посредством обмена веществом, энергией и информацией, находящимися под воздействием и контролем человеческого разума. По сути, это видоизменённая биосфера Земли, в которую органически (в идеале) «вписана» наша цивилизация, развивающаяся и функционирующая за счёт природной среды. Логика формирования и развития ноосферы, заложенная в законах диалектики, которая была рассмотрена в данной работе, предполагает только два основных пункта развития человечества и предопределяет его выбор: либо обеспечить гармоничное развитие ноосферы, обеспечивающее мирное сосуществование человеческого общества и биосферы, либо продолжать продвижение по пути её разрушения. В силу указанных выше обстоятельств, учение о ноосфере имеет очень важное методологическое значение при планировании и организации любых крупных проектов, предполагающих изменение природных ландшафтов, а также при разработке и реализации экологических программ.

Проблемы взаимоотношений природы и человека волнуют людей с незапамятных времён. Особое отражение это нашло прежде всего в религиях и культурах народов мира. Даже языческие религии, не говоря о современных общемировых, призывали людей либо преклоняться или бояться природных стихий и сил, либо жить с природой в гармонии или, по крайней мере, сосуществовать в ней, беря лишь самое необходимое для жизни. Но ни в одной религии нет установок на покорение природы в угоду потребительских амбиций человека или тем более на её кардинальную перестройку.

Перспективы дальнейшего развития человеческой цивилизации являются на сегодняшний день наиболее сложными, туманными и запутанными. По всей видимости и на последующих этапах развития цивилизации эта тематика каждый раз будет получать новое звучание. Проблемы, которые сегодня кажутся неразрешимыми рано или поздно будут разрешены человечеством. Но научно-технический прогресс не стоит на месте, он будет и впредь порождать новые проблемы, в том числе и экологические. Возможен и другой вариант — полное или частичное взаимоуничтожение человечества в результате глобальной мировой войны или серии крупных региональных вооружённых конфликтов с использованием оружия массового уничтожения, когда остатки цивилизации деградируют до первобытного состояния, а биосфера сильно обеднеет из-за исчезновения огромного количества видов растений и животных. В этом случае ни о каком построении ноосферного общества речи быть уже не может. Встанет вопрос об элементарном выживании уцелевших людей и воссоздании новой цивилизации. Такие события по косвенным историческим источникам и пока немногочисленным археологическим находкам, которые неудобны официальной академической науке, уже происходили в прошлом. Мы далеко не первая и, вероятно, не последняя высокоразвитая цивилизация на Земле. Но хочется думать и надеется на благоразумие человечества начала XXI века, которое не даст самому себя уничтожить.

Список литературы

1. *Арский Ю. М., Данилов-Данильян В. И.* Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? Учебное пособие. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.
2. Введение в философию. Учебник. Ч. 1.: — М.: Политиздат, 1989.
3. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста / АН СССР, Ред. колл. Яншин А. Л., Микулинский С. Р., Мочалов И. И.; сост. Бастракова М. С. и др. — М.: Наука, 1988. — 520 с.
4. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. Яншин А. Л. — М.: Наука, 1991.
5. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2012. — 576 с.
6. *Вернадский В. И.* О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. — Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. — 576 с.
7. *Гайденко В. П.* Природа в религиозном восприятии // Вопросы философии. 1995, № 3. — С. 43.
8. *Гладкий Ю. Н., Лавров С. Б.* Дайте планете шанс! — М.: Просвещение, 1995.
9. *Красногорская Н. В., Александров В. В.* и др. Современные проблемы изучения и сохранения биосферы. Т. 3. — СПб.: Гидрометеиздат, 1992.
10. *Реймерс Н. Ф.* Экология: теории, законы, правила, принципы и гипотезы. — М.: Россия молодая, 1994.
11. *Рябушкин Б. С., Красненков В. Г., Яламов Ю. И., Матвеев Н. П., Волгин А. В., Зубов В. И.* и др. Экология Подмосковья. Энциклопедическое пособие. — М.: Современные тетради, 2001.
12. *Шкловский И. С.* Вселенная, жизнь, разум. — М.: Наука, 1987.
13. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1975.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В. И. Шаповалов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

***Аннотация.** Рассматриваются теоретические и практические вопросы формирования конкурентоспособности руководителя. Актуальность совершенствования конкурентоспособности управленческого персонала обеспечивается тем, что руководитель (менеджер) является решающим фактором эффективного функционирования организации, что отражается в стратегической политике управления. В статье предлагается теоретическая модель, основанная на системной взаимосвязи двух направленностей руководителя: на дело (профессиональные компетенции) и на людей (социальные компетенции), проявляющихся в конкурентоспособности руководителя в их системном единстве. В практическом плане выделяются сущностные (интегральные) признаки конкурентоспособности; приводится схема расчета индекса конкурентоспособности и диаграмма, отображающая интегральные качества высокого, среднего и низкого индексов конкурентоспособности руководителя.*

***Ключевые слова:** конкурентоспособность руководителя, человеческий фактор, менеджмент, системный подход, классификация концепций управления персоналом, типы конкурентоспособности, компетентностный подход, модель конкурентоспособности, индекс конкурентоспособности, интегральных качества конкурентоспособности.*

V.I. Shapovalov

Methodological and practical issues of competitiveness of a management personnel

***Review.** The article describes theoretical and practical questions of formation of competitiveness of the chief. Relevance of improvement of competitiveness of administrative personnel is provided that the chief is decisive factor of effective functioning of the organization that is reflected in strategic policy of management. In article the theoretical model based on system interrelation of two orientations of the chief is offered: on business (professional competences) and on the people (social competences) who are shown in competitiveness of the chief in their system unity. Intrinsic (integrated) signs of competitiveness are on the practical level allocated; the scheme calculation of an index of competitiveness and the chart displaying integrated qualities of high, average and low indexes of competitiveness of the chief is provided.*

***Keywords:** competitiveness of the chief, human factor, management, system approach, classification of concepts of human resource management, competitiveness types, competence-based approach, competitiveness model, index of competitiveness, integrated qualities of competitiveness.*

Одной из важнейших проблем на современном этапе развития российской экономики является проблема совершенствования работы с управленческим персоналом. Речь идет о руководителе. Для отечественной системы управления организациями руководитель-менеджер это — управленческий работник нового типа, основная деятельность которого направлена на достижение поставленных целей путем использования труда, интеллекта, мотивации поведения других людей. Предлагаемая к изучению проблема совершенствования конкурентоспособности управленческого персонала, безусловно, **актуальна** и состоит в том, что в условиях современного кризисного рыночного хозяйствования руко-

водитель (менеджер) становится решающим фактором эффективного функционирования организации и это необходимо учитывать в стратегической политике управления.

Научные подходы к изучению конкурентоспособности управленческого персонала начали формироваться с XIX века. В отечественной литературе по менеджменту содержится ряд работ по этому направлению. В частности, данный вопрос освещен в работах В. И. Андреева, О. С. Виханского, В. И. Герчикова, В. А. Ершова, Э. М. Короткова, Р. А. Фатхутдинова и др. В западном менеджменте вопрос конкурентоспособности персонала нашел отражение в работах Л. Дафта, А. А. Томпсон, А. Д. Стрикленд, Р. Р. Блэйк, Д. С. Мутон, Д. Стредвика, Э. Цандера, Г. Шнайдера и др. Тем не менее, в практике функционирования отечественных организаций эта проблема требует дальнейшего исследования.

Менеджмент рассматривает конкурентоспособность руководителя как фактор эффективности управленческой деятельности в современном постиндустриальном обществе. Теория революции менеджеров Дж. Бернхайма, одна из основополагающих концепций американского менеджмента, говорит о вытеснении класса капиталистов классом управляющих — менеджеров. Именно им согласно теории принадлежит «решающая роль в развитии конкурентоспособного постиндустриального общества» [2]. Объективный процесс возрастания роли управления связывается с творческой инициативой менеджеров. Мысль об особой роли управленческого персонала в конкурентоспособности организаций и предприятий была развита П. Сорокиным в понятии «трансформация капиталистического класса в менеджерский» [10].

В контексте развития теоретико-методологических основ менеджмента Дж. Белл предложил термин «молчаливая революция» для разъяснения понятия «революции менеджеров», подчеркнув при этом, что «собственность и формальный контроль разделены окончательно и что традиционная теория классов потеряла аналитическую ценность». В современной России основные идеи теории *революции менеджеров* приобретают особую значимость, особенно при разработке и реализации инновационных образовательных технологий, готовящих конкурентоспособных специалистов для рыночной экономики.

С конца прошлого века быстрая и беспорядочная смена социально-экономических концепций в России, наконец, привела к пониманию, что для создания в стране эффективной системы управления организациями, способными успешно конкурировать на внутреннем (российском) и внешнем рынках с другими аналогичными системами, необходимо формировать новый менеджерский корпус, с новым уровнем профессионализма и глубокими теоретическими знаниями в области менеджмента.

Причем менеджмент надо рассматривать в классическом виде, как управление людьми для достижения цели [7], по сути революционным для традиционного (обывательского) административно-командного управленческого подхода, существовавшего и, во многом, существующего в настоящее время в России. Перенос «центра тяжести» на человеческий фактор в управлении организациями отнюдь не умаляет техническую и технологическую стороны управления, а подчеркивает системную связь двух составляющих единого процесса управления: техническую (проявляющуюся в профессиональных компетенциях) и человеческую, социальную (проявляющуюся в социальных компетенциях), роль одной из которых административно-командная система управления несправедливо нивелирует, а роль другой чрезмерно завышает. В практическом плане это означает формирование у руководителей на системной основе профессиональных и социальных компетенций, функционирующих по принципу синергизма, что и лежит в основе конкурентоспособной управленческой деятельности [15].

Сегодня трудно назвать более важную и многогранную сферу деятельности, чем менеджмент, от которой в значительной мере зависят и эффективность производства, и качество обслуживания населения, и в целом конкурентоспособность организации. Именно в этой связи конкурентоспособность руководителя рассматривается как основной показатель управленческой деятельности (деятельности руководителя) в современном постиндустриальном обществе.

В последнее время организации и предприятия большинства субъектов Российской Федерации испытывают дефицит квалификационных управленческих работников для увеличения объемов предоставляемых услуг и соответствия их международным стандартам качества. Проведенный мониторинг профессионального обучения управленческого персонала показал, что периодичность подготовки и повышения квалификации кадров во многих организациях не отвечает предписанным нормам. По основным руководителям и специалистам периодичность повышения квалификации или переподготовки составляет 12–15 лет, в то время как в развитых странах — 3–4 года.

Часто, организации и предприятия не очень охотно идут на заключение соответствующих договоров с учреждениями дополнительного профессионального образования на подготовку, переподготовку

и повышение квалификации своих сотрудников, мотивируя, с одной стороны, дороговизной таких услуг при дефиците средств, с другой — отсутствием производственного смысла дополнительного профессионального образования.

Крупные и средние предприятия стремятся осуществить подготовку своими силами в системе внутрифирменного обучения и не всегда с нужным качеством, мелкие и частные организации решают эту проблему за счёт рынка труда.

Вместе с тем уже недостаточно только переобучить сотрудников. Возникает настоятельная потребность, наряду с профессиональным обучением, в обеспечении сотрудников профессиональной карьерой, как одной из важнейших стратегических составляющих конкурентоспособности будущего руководителя. То есть речь идет уже о повышении качества и профессионального развития персонала в течение всей его трудовой деятельности.

Руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации озабочены сложившейся кадровой ситуацией. И сейчас в большинстве субъектов Российской Федерации проходит разработка региональных программ содействия организациям в профессиональном развитии управленческого персонала. В ряде субъектов Российской Федерации уже разработаны такие программы и идет процесс согласования [5].

В настоящее время, несмотря на вступление России в ВТО (21 мая 2004 года), конкурентоспособность продукции многих российских предприятий не отвечает требованиям рынка, так как персонал предприятий не может в полной мере освоить современные технологии производства конкурентоспособной продукции и услуг. Предприятия остаются мало-привлекательными как для зарубежных, так и для отечественных инвесторов из-за опасения не только не получить прибыль, но и даже вернуть вложенные средства из-за неликвидности продукции, выпускаемой по устаревшим технологиям, и из-за несоответствия мировым стандартам качества оказываемых услуг. Снижается налогооблагаемая база и финансовое положение предприятий. Сохраняется социальная напряженность в обществе из-за продолжительных задержек в платежах.

В контексте нашего исследования необходимо отметить, что конкурентоспособность организаций и предприятий напрямую связана с конкурентоспособностью (качеством) персонала (в первую очередь управленческого), которая, к сожалению, остается на низком уровне.

Конкурентоспособность руководителей и специалистов большинства организаций не отвечает требованиям рыночной экономики и является сдерживающим фактором для реализации инвестиционных проектов. Более 80 % организаций не имеют детально проработанных бизнес-планов, планов технической реконструкции. Многие организации не имеют планов профессионального развития персонала.

Е. А. Репина приводит информацию — «в целом уровень конкурентоспособности работников российских предприятий значительно ниже (на 30–35 %) западноевропейских и продолжает снижаться» [9].

Переход предприятий на выпуск продукции и услуг в соответствии с международными стандартами качества версии ISO/CD2 9004:2000 предъявляет более высокие требования к профессиональным и социальным компетенциям (п. 6.2.2) и к управлению человеческими ресурсами (п. 6) [1].

Конвенция 142 МОТ (ст. 2) и рекомендация 150 (п. 5) также обязывают государства «разрабатывать и совершенствовать открытые, гибкие и дополняющие друг друга системы общего и профессионального образования, профессиональной подготовки, независимо от того, осуществляется ли эта деятельность в системе формального образования или вне ее» [6].

Следует учитывать и то, что Россия подписала Европейскую социальную хартию, пункт 1.4 которой обязывает «обеспечивать или содействовать обеспечению соответствующей профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и переподготовки», а статья 10 провозглашает «право на профессиональную подготовку». Все это обязывает руководителей совместно с представителями власти искать новые подходы к организации и проведению профессиональной подготовки, переподготовки и повышению конкурентоспособности сотрудников предприятий и организаций всех форм собственности [4].

Таким образом, можно сделать выводы:

- с развитием рыночных отношений повысилась роль управления персоналом на предприятиях и в организациях. Человеческий фактор становится основным условием любой производственной деятельности. В связи с этим повышается роль отдела кадров, функции которого возрастают от обыденных приема-высвобождения сотрудников до разработки кадровой политики предприятия (планирования карьеры, обучения, переподготовки, повышения квалификации персонала);
- в связи с увеличивающейся ролью человеческого фактора возрастает роль внутреннего маркетинга, мероприятия которого направлены на исследование внутренней среды предприятия. Внутренний

маркетинг способствует не только исследованию, но и разработке мероприятий по созданию благоприятных условий для удержания и привлечения качественных конкурентоспособных кадров; — несмотря на возрастающую роль управления персоналом, все еще ощущается недостаточное государственное регулирование этого вопроса. Необходимо восстановление системы статистической отчетности на региональном и федеральном уровне, принятие нормативных документов по повышению качества трудовых ресурсов и создание системы сертификации персонала. Эти меры позволят повысить конкурентоспособность предприятий, которые находятся в прямой зависимости от качества и конкурентоспособности персонала.

Изучение конкурентов и условий конкуренции требуется организации в первую очередь для того, чтобы определить, в чем ее преимущества и недостатки перед другими работодателями, и сделать выводы для выработки собственной успешной конкурентной стратегии и для поддержания конкурентного преимущества в виде высококачественного конкурентоспособного персонала.

В современных условиях в мировой управленческой практике применяются разнообразные персонал-технологии, модели кадрового менеджмента, нацеленные на более полную реализацию трудового и творческого потенциала для достижения общего экономического успеха и удовлетворения личных потребностей работников [11]. Например, К. Э. Оксинайд, Е. В. Розина делят современные модели управления персоналом на «технократические, экономические, современные» [8]. Специалисты и исследователи развитых стран выделяют следующие модели управления персоналом: управление по целям; управление посредством мотивации; рамочное управление; управление на основе делегирования; партисипативное управление; предпринимательское управление.

И наконец, по мнению многих ученых, наиболее приемлемой в современных условиях является концепция управления персоналом Л. И. Евенко, которая выделяет «четыре типа управления, которые в свою очередь развивались в рамках трех основных подходов к управлению персоналом: экономического, органического, гуманистического [3].

Экономический подход дал начало концепции использования трудовых ресурсов. В рамках этого подхода ведущее место занимает техническая, а не управленческая подготовка людей на предприятии.

В рамках органической парадигмы последовательно сложились вторая концепция управления персоналом и третья концепция управления человеческими ресурсами.

В рамках концепции управления человеческими ресурсами человек стал рассматриваться не как должность (элемент структуры), а как невозобновляемый ресурс — элемент социальной организации в единстве трех основных компонентов — трудовой функции, социальных отношений, состояния работника.

В конце XX в. с развитием социальных и гуманитарных аспектов в менеджменте сформировалась система управления человеком, где люди представляют главный ресурс и социальную ценность организации.

Анализируя изложенные концепции, обобщают подходы к управлению персоналом, выделяя два полюса роли человека в общественном производстве:

- человек как ресурс производственной системы (трудовой, людской, человеческой) — важный элемент процесса производства и управления;
- человек как личность с потребностями, мотивами, ценностями, отношениями — главный субъект управления.

Другая часть исследователей рассматривает персонал с позиции теории подсистем, в которых работники выступают в качестве важнейшей подсистемы.

Учитывая все перечисленные подходы к анализу роли человека в производстве, Л. И. Евенко следующим образом классифицирует известные концепции (рис. 1).

Рисунок 1. Классификация концепций управления персоналом (по Л. И. Евенко [3]).

По оси ординат показано разделение концепций по ориентации к экономической или социальной системам, а по оси абсцисс — по рассмотрению человека как ресурса и как личности в процессе производства.

Переосмыслим данную модель в контексте задачи нашей цели — формирования конкурентоспособности управленческого персонала и определим следующие типы конкурентоспособности руководителей исходя из рисунка 1.

1 тип — руководитель, стремящийся повысить качество управления за счет использования трудовых ресурсов, применения преимущественно административных методов управления, т. е. за счет преимущественно профессиональных компетенций (верхний левый квадрант).

2 тип — руководитель, стремящийся повысить качество управления за счет конкурентоспособности в области использования человека как личности, ориентацией на так называемый человеческий фактор, т. е. за счет преимущественно социальных компетенций (нижний правый квадрант).

3 тип — конкурентоспособный руководитель — руководитель, стремящийся повысить качество управления за счет синергетического эффекта от оптимального использования развитых профессиональных и социальных компетенций (верхний правый квадрант).

4 тип — руководитель, ориентированный на естественный ход развития с низкими ориентациями на использование, как административных методов управления — профессиональных компетенций, так и методов управления персоналом — социальных компетенций (нижний левый квадрант).

Таким образом, мы согласны с определением управления персоналом, данным Л.И. Евенко, — «это специфическая функция управленческой деятельности, главным объектом которого является человек, входящий в определенные социальные группы» [3]. Причем, если предлагаемая модель базируется, с одной стороны, на принципах и методах административного управления, а с другой стороны, на концепции всестороннего развития личности и теории человеческих отношений, то наша модель базируется на системной взаимосвязи двух направленностей: на дело (профессиональные компетенции) и на людей (социальные компетенции), проявляющейся в конкурентоспособности руководителя в их системном единстве.

Далее приведем концептуальные идеи, составляющие понятие конкурентоспособности личности руководителя с позиции компетентностного подхода.

По мнению Р.А. Фатхутдинова, критерием подлинного усвоения знаний является превращение знаний обучаемого в факт мировоззрения, изменяющего взгляды человека на окружающую действительность и отношение к ней в направлении адекватного восприятия этой действительности и готовности гибкой адаптации к ней (оптимальному использованию своих конкурентных профессиональных преимуществ) с целью получения наилучшего лично и общественно значимого результата [12]. В контексте нашей статьи такой критерий характеризует личность как конкурентоспособную.

Систематизация качеств конкурентоспособности — это задача не только теоретическая, но, главное, — практическая, касающаяся критериев профессионального и социокультурного развития личности каждого человека в отдельности.

Структурные составляющие, определяющие конкурентоспособность как комплексный показатель управленческого работника, можно конкретизировать в наборе определенных параметров, которые в формальном плане разделены на две группы: показатели надежности профессиональной компетенции (ПК) и показатели надежности социальной компетенции (СК).

В процессе реализации профессиональной программы показатели в своей совокупности позволяют представить степень выраженности (сформированности) конкурентоспособности в виде обобщенного интегративного индекса:

$$I_{\text{кк}} = F(P_{\text{пк}}, P_{\text{ск}}), \text{ или } I_{\text{кк}} = P_{\text{пк}} * P_{\text{ск}}$$

где $I_{\text{кк}}$ — интегральный индекс конкурентоспособности (вероятность достижения успеха);

F — функциональная зависимость;

$P_{\text{пк}}$ — показатель надежности ПК;

$P_{\text{ск}}$ — показатель надежности СК [14].

В целом конкурентоспособность личности — это системное качество, характеризующее жизнеспособную социально-производственную архитектуру в вероятностно-неопределенной среде обитания и включающее такие составляющие, как адекватная профессиональная ориентация и компетентность, гибкость (адаптивность), открытость, культуросообразность, смысл жизни, ценностные ориентации и др. [13]. Данное системное качество присуще человеку как компоненту определенной социальной системы. Социальная система не только формирует психологические новообразования (в нашем случае

конкурентоспособность как интегративное свойство личности руководителя), но и определенным образом через многие подсистемы общества — социальную и экономическую и др. влияет на динамику новообразований, подчиняя их развитие требованиям социума.

Содержательно два типа компетенций находятся в диалектической взаимосвязи, и определяют общую конкурентоспособность менеджера. Общая конкурентоспособность — это интегральный показатель, учитывающий своим значением одновременно и уровень социальных компетенций (СК) и уровень профессиональных компетенций (ПК). Общая конкурентоспособность — это предполагаемый эффект от уровня сформированности профессиональных и социальных компетенций, которого может достигнуть конкретный руководитель.

Сказанное можно схематично представить в виде модели, основанной на двухмерной классификации показателя конкурентоспособности менеджера [13].

Схематичное описание модели предполагает наличие двух векторов, которые отражают: уровень профессиональной компетенции и социальной компетенции (рис. 2).

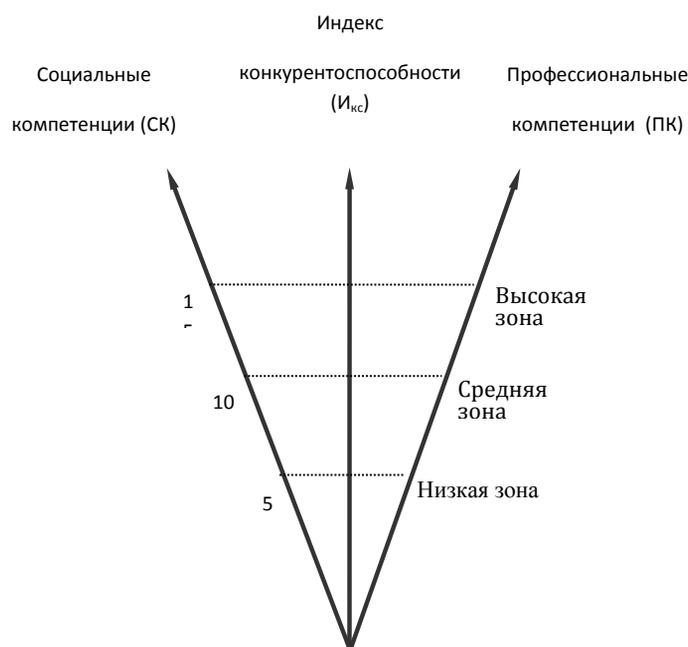

Рисунок 2. Схема расчета индекса конкурентоспособности (I_{кс}).

Перейдем к рассмотрению тех личностных социально-психологических показателей, которые являются основанием формирования конкурентоспособности руководителя. В качестве важнейших из них выступают субъектные детерминанты конкурентоспособности — личностные особенности, свойства, а также их структуры, формируемые в процессе профессиональной и внепрофессиональной деятельности. Ниже предлагается общий подход (алгоритм) определения индивидуальных качеств личности руководителя, обеспечивающих развитие конкурентоспособности (конкурентных преимуществ).

- 1) Поиск и отбор утверждений, в наибольшей степени отражающих конкурентоспособность руководителя, и разработка на этой основе опросника «Оценка конкурентоспособности управленческого персонала» [13]. В качестве экспертов выступали вышестоящие руководители. Задача эксперта состояла в том, чтобы на основе собственного опыта управленческой деятельности предложить такие утверждения, которые в наибольшей степени характеризуют конкурентоспособность так, как это качество понимают сами руководители-эксперты. Далее на основе мнения экспертов формировалось понятие конкурентоспособности руководителя в системе утверждений, характеризующих конкурентоспособную личность в управленческой деятельности. Такое экспертное отображенное содержание понятия конкурентоспособной личности назовем «*проекцией специалиста*». Проводимая процедура преследовала цель — сформулировать понятие конкурентоспособности руководителя с учетом особенностей ее проявления в управленческой практике.
- 2) Проведение опроса по разработанной методике «Оценка конкурентоспособности управленческого персонала» и определение индекса конкурентоспособности.

- 3) Выявление комплекса потенциально измеряемых индивидуальных качеств личности, детерминирующих конкурентоспособность; подбор методик для их диагностики и проведение самой диагностики.
- 4) Определение по результатам предварительной диагностики корреляционных зависимостей выбранных индивидуальных качеств с индексом конкурентоспособности.
- 5) Расчет по результатам корреляции весов индивидуальных качеств в системе конкурентоспособности руководителя.
- 6) Расчет индекса конкурентоспособности руководителя на основании весов и значений отобранных индивидуальных качеств.

Повторное отображение конкурентоспособности личности теперь уже системой индивидуальных качеств руководителя назовем «проекцией индивидуальными свойствами и качествами». Отобранные индивидуальные качества, в наибольшей степени детерминирующие конкурентоспособное поведение руководителя, в дальнейшем используются для разработки индивидуальной профессионально-диагностической характеристики, отражающей «сильные» и «слабые» стороны конкретного руководителя [16].

Таким образом, в качестве сущностных признаков конкурентоспособности в области профессиональной компетенции руководителя были выделены:

- I. Умение эффективно принимать разумные управленческие решения и нести за них ответственность;
 - II. Стремление к самоутверждению благодаря достижению конкретных результатов (но не к саморепрезентации — стремление к тому, чтобы нравиться людям);
 - III. Стремление к достижению цели;
 - IV. Делегирование полномочий;
- В области социальной компетенции:
- V. Организаторские способности;
 - VI. Направленность на создание социально-психологического климата;
 - VII. Направленность на демократические принципы управления;
 - VIII. Социальная ответственность.

Для наглядного отображения значений интегральных качеств, определяющих конкурентоспособность конкретного руководителя на фоне среднестатистической конкурентоспособности по всей выборке строится диаграмма (рис. 3).

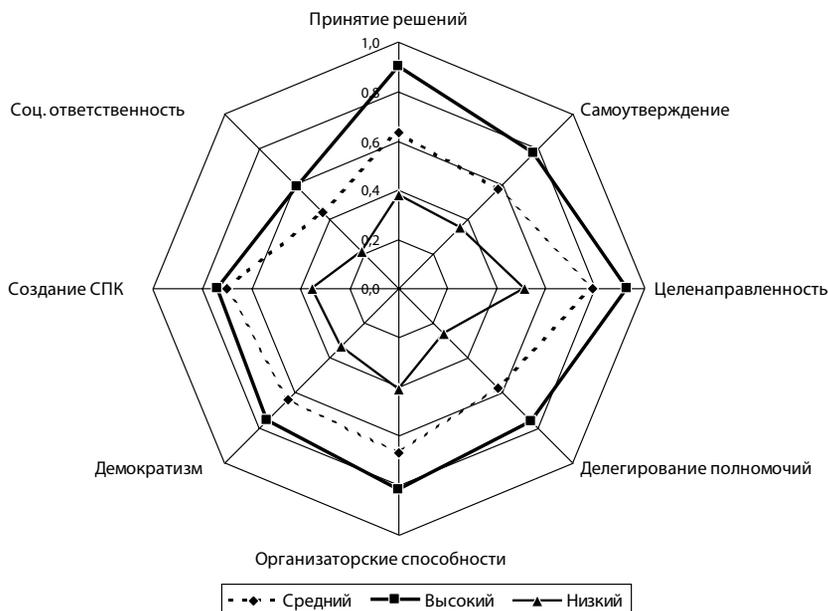

Рисунок 3. Пример диаграммы, отображающей интегральные качества высокого, среднего и низкого индексов конкурентоспособности.

Диаграмма позволяет выявить: (1) «сильные» индивидуальные качества с точки зрения реализации конкурентоспособного поведения и (2) «слабые», непроявленные качества, совокупность которых мы

назвали областью потенциальных конкурентных возможностей руководителя. Целенаправленное преодоление этих ограничений — одна из центральных задач процесса формирования конкурентоспособности руководителя, что вполне очевидно должно найти свое отражение при проектировании и организации данного процесса в условиях дополнительного профессионального образования.

Таким образом, исследование позволило выявить комплекс индивидуальных качеств, выступающих как субъектные детерминанты конкурентоспособности руководителя, весовые значения которых отражают степень связи каждого индивидуального качества с индексом конкурентоспособности. Полученные результаты выступают базой для изучения особенностей структурной организации индивидуальных качеств (конкурентных преимуществ) в системе конкурентоспособности управленческого персонала и, соответственно, используются при разработке индивидуальных профессиональных характеристик личности, когда выделяются «сильные» стороны руководителя (они являются базой для конкурентоспособного поведения) и «слабые» стороны руководителя (они являются основанием для проектирования индивидуальной программы развития и коррекции конкурентоспособного поведения).

Список литературы

1. *Баландин Е. С.* Международные стандарты ИСО серии 9000–2000: Методические рекомендации по применению. Ульяновск: УлГТУ, 2013. 90 с.
2. *Дафт Ричард Л.* Менеджмент /пер. с англ. Спб.: Питер, 2012.
3. *Евенко Л. И.* Современные концепции развития кадрового менеджмента. 2011. — Электронные данные. — Режим доступа: http://otveti.fo.ru/wiki/1270_15.
4. Европейская социальная хартия (пересмотренная) ратифицирована Федеральным законом от 03.06.2009 N101-ФЗ. — Электронные данные. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3602009/>.
5. *Иглин В. А.* Обеспечение качества рабочей силы и повышение конкурентоспособности предприятий // «Трудовое право». № 3. 2011.
6. Конвенция 142 МОТ. — Электронные данные. — Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=317.
7. *Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента /пер. с англ. О.И. Медведь. М.: Вильямс, 2012.
8. *Оксинойд К. Э., Розина Е. В.* Управление персоналом: теория и практика. Управление социальным развитием и социальная работа с персоналом организации: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2014.
9. *Ретина Е. А.* Основы менеджмента: учебное пособие. М.: Академцентр, 2013. 240 с.
10. Сорокин П. История менеджмента: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический Проект, 2000.
11. Управление персоналом: Теория и практика. Компетентностный подход в управлении персоналом: учебно-практическое пособие / ред. Е. А. Митрофанова. М.: Проспект, 2013.
12. *Фатхутдинов Р. А.* Управление конкурентоспособностью организации. М: Изд-во Эксмо, 2005. 544 с.
13. *Шаповалов В. И.* Проблема конкурентоспособности в управлении персоналом организации // Управление персоналом. 2007. № 18. С. 43–44.
14. *Шаповалов В. И.* Теоретико-методологические и практические аспекты формирования конкурентоспособной личности / учеб. пособие. Уфа: Вост. ин-т экономики, гуманитар. наук, упр. и права, 2004.
15. *Шаповалов В. И.* Теоретико-методологические основы психологии менеджмента / учеб. пособие. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2011. 144 с.
16. *Шаповалов В. И.* Формируем конкурентоспособную личность // Школьные технологии. 2003. № 3. С. 38.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

С. В. Чернов

ИСТОРИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ В РОССИИ: Михаил Васильевич Ломоносов (1711–2016)

Аннотация: Настоящая работа составлена из нескольких фрагментов, взятых из трудов С. В. Чернова «Истории гениальности в России», первая книга этих трудов, посвящённая **Михаилу Васильевичу Ломоносову**, носит название «Университет всяя Руси». В декабре 2016 года эта книга была подписана в печать и планируется к выходу в первом квартале 2017 года. В указанной монографии предметом исследования является гений Ломоносова, творческая жизнь которого определяет его как самобытного русского гения и как знаковую фигуру для русской культуры в целом. В отличие от множества других трудов, где исследуется творческая биография М. В. Ломоносова, указанная монография выстроена иначе. Главную задачу настоящего исследования, автор видит в том, чтобы, опираясь на факты созидательной творческой деятельности Ломоносова, раскрыть, прежде всего, феноменологию гениальности (универсальную, созидательную и духовно-нравственную составляющие человеческого гения), опираясь на уникальную во всех отношениях феноменологию гения Ломоносова, интересно прежде всего тем, что в нём очень ярко и наглядно раскрывается строение русского творческого духа, — собственно то, что мы и называем русским гением. Представленная здесь работа приурочена к 305-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: история гениальности, М. В. Ломоносов, первопроходец-созидатель, русский язык, научная терминология, творческая жизнь гения, химическая лаборатория Ломоносова, оттенки цветного стекла, мозаичные картины, русский гений.

S. V. Chernov

History of genius in Russia: Michael Vasil'evich Lomonosov (1711–2016)

Review. This article has made of several fragments taken from S. V. Chernov's works «History of genius in Russia», the first book of these works devoted to **Michael Vasil'evich Lomonosov** carries the name «University of All Russia». In December, 2016 this book was sent for the press and is planned to an exit in the first quarter 2017. In the specified monograph an object of research is the genius of Lomonosov whose creative life defines it as the original Russian genius and as a sign figure for the Russian culture in general. Unlike a set of other works where the creative biography of M. V. Lomonosov is investigated, the specified monograph is built differently. The main task of this research consists in opening genius phenomenology (universal, creative and spiritual and moral making the human genius) on the basis of unique phenomenology of the genius of Lomonosov. He is interesting first of all that the structure of the Russian spirit that is the Russian genius reveals in him. The work presented here is dated for the 305 anniversary since the birth of M. V. Lomonosov.

Keywords: history of genius, M. V. Lomonosov, pioneer creator, Russian language, scientific terminology, creative life of the genius, chemical laboratory of Lomonosov, shades of color glass, mosaic pictures, Russian genius.

A genio lumen (лат. от гения — свет).

<...> **История гениальности**, — это совершенно уникальная область исследовательской работы и, в определённом смысле, — особая форма познания действительности, той действительности, которую мы определяем понятием «человек», и которая ни в коей мере не сводится ни к истории философии,

ни к истории науки, ни к истории искусства, имеющим свой собственный предмет исследования. При этом история гениальности, как научное исследование, творчески вбирает в себя те основания и достижения указанных форм человеческого познания, которые помогают исследователю *раскрыть закономерности человеческой гениальности и определить её роль в культурно-историческом становлении и развитии человека.*

Актуальность настоящего труда очевидна. Ведь изучая жизнь и творчество, идеи и труды, характеры и мотивы, цели и ценности конкретных гениальных людей, и, познавая особенности их уникальной по своей многогранности созидательной деятельности, любой причастный к этому человек приобщается к вечности, интеллектуально и духовно растёт, и, что самое главное — *воспитывается как создатель.* Более того, как указывает Н. А. Бердяев: «Биографии святых и гениев, творения религиозных учителей, великих мыслителей, великих художников, памятники духовной жизни человечества имеют несоизмеримо большее значение, чем дедукции отвлечённой мысли» [6, с. 42]. Труд обычного человека, так же как и труд человека талантливого находит свою завершенность в актуальном настоящем, напротив, творческое наследие гениального человека чаще становится востребованным только в будущем. Ни мыслиобразы, ни идеи, ни открытия, ни труды гения не умирают с физической кончиной своего носителя, а продолжают своё *становление* благодаря трудам многочисленных последователей, продолжателей, исследователей, и приобретают характер *вневременности.* В этом раскрывается не только вклад гения в становление и развитие духовной культуры народов, но и огромное воспитательное значение, которое гениальный человек и его творчество оказывают на людей, живущих после времени гения, даже когда эти люди сами не подозревают о существовании именно этого гениального человека, поскольку веер его мыслей, идей и свершений встраивается в здание духовной культуры нередко в персонифицированной, безымянной форме.

Именно *творческая жизнь гениальных персоналий* (творческая жизнь гения понимается здесь в системном триединстве *творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия* конкретного гениального человека) какого-либо народа и определяет *историю гениальности этого народа.* Соответственно, содержанием трудов по истории гениальности в России является творческая жизнь гениальных людей России, их гениальные идеи и гениальные открытия, их деяния и свершения, их труды и творческое наследие в целом.

Таким образом, *объектом настоящего исследования* является *личность гения, где гений есть одновременно и творец и творение духовной культуры* [подр. см.: 38], в нашем случае — российской духовной культуры. Соответственно, *предметом истории гениальности в России* является исследование творческой жизни гениальных людей России с точки зрения тех непреходящих ценностей, которую эти гениальные люди принесли своему народу и своему Отечеству; того значения, которую эти люди имели в развитии самосознания своего народа; с точки зрения того влияния, которое гениальные идеи, гениальные открытия, и труды гениальных людей России оказали на становление и развитие российской духовной культуры в целом.

Наша первая книга по истории гениальности в России, являясь по сути историей российских духовных ценностей, носит название «Университет всея Руси» и посвящена она *Михаилу Васильевичу Ломоносову*, фигура которого выбрана не случайно, ведь именно Ломоносов стал для нашей национальной культуры той знаковой фигурой каковой для итальянской культуры является Леонардо да Винчи, а для немецкой — Иоганн Вольфганг фон Гёте, а характерология гениальности Ломоносова стала настоящим живописным полотном развития российской культуры на три столетия вперёд, и эта книга является тому подтверждением. Соответственно, в настоящей монографии предметом исследования является *гений Ломоносова* в уникальных особенностях творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия М. В. Ломоносова, *творческая жизнь которого определяет его как самобытного русского гения и как знаковую фигуру для русской культуры в целом.* Причём, *образ личности Ломоносова был, есть и всегда будет образцом, символом, настоящим ментальным образом русского народа.*

Важно отметить, что понятие «гений» пришло в русскую культуру извне, из западной Европы, именно в тот период, когда жил и творил Ломоносов. Причём, именно Ломоносов первым из числа наших соотечественников был *удостоен имени Гения.* Первым, кто прямо и открыто заговорил о гениальности Ломоносова, был выдающийся немецкий математик Леонард Эйлер, о чём подробно будет сказано ниже.

Вторым, по-видимому, был французский врач Николя-Габриэль Клерк (Леклерк), который был избран почётным членом Петербургской Академии Наук 11 апреля 1765 года и которой «оплакивая

кончину Ломоносова» [32, с. 462], вошёл в историю как его «первый панегирист» [7, с. 738]. 15 апреля 1765 года на заседании Конференции Санкт-Петербургской Академии Наук Н.-Г. Леклерк произнёс речь, в которой в частности говорилось: «Нет больше человека имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума, обширного и ясного гения, объяввшего и осветившего многие жанры одновременно». «Не стало возвышенного поэта...», питомца муз, в жилах которого «тёк огонь Пиндара», поэта, «наследовавшего лиру Горация». «Общество пользовалось его познаниями, ваши летописи воспользуются его славой, его будут чтить повсюду, где найдутся люди просвещённые». «Кто из нас, господа, возьмётся заменить его!» [36, с. 100]. Двадцатью годами позже в своей книге «История новой России», изданной в 1783 году в Париже, Леклерк поместил очерк о Ломоносове, где наряду с биографическими данными, представлена характеристика творчества последнего. Здесь «Леклерк говорит о Ломоносове как о “человеке необыкновенном по своему поэтическому гению и соединившем множество познаний, которые, кажется, взаимно исключают друг друга”. Он был “грамматистом, знатоком риторики, историком, физиком, химиком”. Но прежде всего он великий поэт, который идёт по стопам Пиндара, Горация, Гомера. Из творческого наследия Ломоносова Леклерк выделяет “Оду на взятие Хотина” (“в которой проявился поэтический гений автора”) и “Оду на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по коронации”, замечая, что все оды Ломоносова прекрасны, “между тем его стихи не всегда имеют то соотношения чувства и рифмы, которое так приятно улаживает слух и разум”» [36, с. 104].

Даже Шлёцер, тот самый Август Людвиг Шлёцер, который был с Ломоносовым в жёстком конфликте и не переносил его при жизни, не смог не признать гениальность Ломоносова, написав об этом в своих мемуарах: «Ломоносов был действительный гений, который мог... дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты. Он так поздно поднялся со своего Двинского острова и несмотря на то в следующие десять лет приобрел так много и столь разнообразных познаний. Он создал новое русское стихотворство и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность» [11]. Таким образом, именно представители западной культуры первыми признали *гений Ломоносова*, и получается, что само понятие «*гениальность*» первоначально пришло в отечественную культуру именно благодаря М. В. Ломоносову.

Ломоносов пришёл на эту землю с миссией стать символом потенцированной гениальности русского народа: его языка, его истории, его культуры. Недаром князь Святополк-Мирский назвал Ломоносова «истинным основателем... новой русской культуры» [35, с. 246] и «отцом новой русской цивилизации» [12, с. 1065]. Известный советский исследователь Т. И. Райнов, раскрывая картину русского естествознания второй половины XVIII века, верно указывает, что именно Ломоносов явился настоящим создателем «той умственной среды» благодаря которой во многом формировался соответствующий тип русских учёных, который уже в XIX веке вывел их на передние рубежи мировой науки: «Основные черты и особенности профессиональных русских учёных второй половины XVIII в. те же, что и у Ломоносова: то же “разночинное” происхождение, тот же путь в науку через церковную школу, то же обучение в Академии и за границей, та же... разносторонность деятельности, те же, можно сказать, кровные связи с потребностями родины, для удовлетворения которых Ломоносов ещё больше своих преемников второй половины века работает, в частности, и над созданием русского научного языка и терминологии. <...> Он один больше кого бы то ни было в XVIII в. способствовал созданию той умственной среды, в которой жили и работали его учёные преемники, он внушал этой среде сознание необходимости в естествознании, он приспособлял к её нуждам и перерабатывал русский язык, он боролся за общественное место и достоинство учёного, и он первый показал миру пути и возможности создания русских “собственных Платонов”» [34, с. 345].

Изучая творческую жизнь Ломоносова, мы теперь понимаем, что именно Ломоносов первым запустил тот проект, который стал ключевым для нашей отечественной науки, для нашего российского образования, для нашей русской культуры в целом и который с полным основанием мы можем теперь назвать *Ломоносовским проектом*, суть которого сам Ломоносов изложил в следующих пророческих поэтических строках:

*И будет собственных Платонов,
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Таким образом, Ломоносов не сомневался, что будущее России, то ментальное будущее, которому он сам служил всю свою жизнь, станет благодатной почвой для рождения многих гениальных людей, гений которых внесёт свой неопределимый вклад в историю общечеловеческого гения. И в этом Михаил Васильевич Ломоносов не ошибся, а труды по истории гениальности в России (первую книгу которых уважаемый читатель сейчас держит в руках), — где главными действующими лицами выступают гениальные люди России, от самого Ломоносова и до наших дней, — станут настоящей летописью этого Ломоносовского проекта.

Каждый русский гений был проповедником, других в русской духовной культуре просто небывало. Пушкин проповедовал любовь, «и чувства добрые» он «лирой пробуждал», утверждая всепоглощающую ценность любви, «и милость к падшим призывал», проповедуя милосердие в самом широком смысле. Толстой проповедовал «непротивление злу насилем» и торжество всепобеждающего добра. Бердяев проповедовал свободу и творчество, того духовного творчества к которому Сам Бог призвал свободного человека. Но прежде них всех проповедовал Ломоносов. Проповедовал красоту, стройность и гармонию «натуры», проповедовал триумф просвещения и познания, проповедовал настоящую цельность *Веры и Правды*, вкупе утверждающих славу и величие Самого Творца и глубину Божьего Промысла.

В научной и публицистической литературе М. В. Ломоносова зачастую называют «реформатором» [40, с.419]. Глубокое заблуждение. Ломоносов никогда и ни в чём не был реформатором, *Ломоносов был созидателем*. А это очень разные вещи. Деяния Ломоносова нельзя даже близко сравнивать с разгромной деятельностью, производимой толпой социальных, политических и иных реформаторов, которых немало было в истории, и которыми, увы, полна наша сегодняшняя действительность. Особенно это касается современных реформаторов от науки и образования, которые за последние двадцать пять лет, благодаря своим разрушительным реформам, проводимым отнюдь не во славу отечественной науки и не во благо отечественному образованию, а исключительно в корыстных, амбициозных и политических целях, уже почти окончательно разрушили здание отечественной науки и храм отечественного образования, вне которых не может существовать и сама наша отечественная духовная культура, так же, как и не может она существовать вне православной веры.

Сейчас наступило самое время задуматься и вспомнить о том чему учили нас наши святые и наши гении, которые так долго, настойчиво и с огромной любовью *возводили храм русской духовной культуры*. Пора каждому из нас взять ответственность за всё происходящее в науке и в образовании на себя и вспомнить чему нас учил Ломоносов: *«Всякое беззаветное служение на благо и силу Отечества должно быть мерилом жизненного смысла»*. Мы не можем уже сказать, что нас не касается всё то, что происходит сейчас в нашей науке, в нашем образовании и в нашей культуре. Мы не можем уже не замечать того, как рушится самое ценное и самое святое, созданное нашим народом, и как навязываются нам чуждые жизненные принципы и противные нашему духу стандарты, и как страдают от этого наши *правда и вера*, и как иссякают на глазах наше *творчество* и наша *любовь*.

Настало время, когда каждый из нас, в своём роде, в своём звании и на своём месте должен своим словом, своим делом, и, главное, личным примером показать, что жив ещё в нас отеческий дух наших предков: богатырей, святых и гениев. И чтобы мы, подобно Пушкину, вдруг смогли снова почувствовать, и с упоением воскликнуть: *«Здесь русский дух, — Здесь Русью пахнет»*.

Без настоящего возрождения нашей отечественной духовной культуры у нас нет, и не может быть никакого будущего. И никакая политика, выстроенная на макиавеллевских принципах, никакие иностранные инвестиции, никакая модернизация экономики по западному образцу, и никакая прочая иностранная мишура нам здесь не помогут. Потому как *настоящий смысл человеческого бытия не в брюхе заключен, а в духе* как говаривал В. С. Соловьёв. И в великом деле духовного преображения, на пути к настоящей жизни нам могут помочь только родные нашему духу и потому предельно нам понятные, *заповедованные Христом принципы миролюбия и безусловной братской любви к ближнему*. А созидательная деятельность М. В. Ломоносова может служить на этом пути достойным для нас примером. Так вспомним же об этом...

В судьбе М. В. Ломоносова, в становлении самого его гения, мы ясно видим *предопределение (призвание и назначение)*, которое собственно и делает гения гением, святого святым, а пророка пророком. Кому дано увидеть — тот увидит, кому дано понять — тот поймет, а кому дано прозреть — тот прозреет, но все остальные при этом останутся до поры «слепыми». Но те, кто прозрел, увидел и понял, поспешат поделиться этим с другими, не прозревшими ещё. Духовно прозревшие просто не могут поступить

иначе. Их *творческий дар*, многократно усиленный осознанным ими *назначением*, подобен пробуждённому вулкану, который обязательно прорвёт своими силами гору; он подобен слабому ростку, который, несмотря на свою нежную структуру, обязательно пробьёт любые гранитные преграды. А это и есть настоящий закон жизни. Ведь истина не может оставаться сокрытой. Лишь только серость, несмотря на все свои усилия выделиться и преуспеть, всё равно быстро сливается с таким же серым окружением, а святые, пророки и гении всегда рано или поздно открываются всему миру и начинают озарять окружение своим духовным светом. Точно также открывается нам и *гений Ломоносова*, исследованию которого и посвящена эта книга.

В отличие от множества других трудов, где исследуется творческая биография М. В. Ломоносова, эта книга выстроена иначе. Главную задачу настоящего исследования, автор видит в том, чтобы, опираясь на факты созидательной творческой деятельности Ломоносова, раскрыть, прежде всего, *феноменологию гениальности* (универсальную, нравственную и духовно-созидательную составляющие человеческого гения), опираясь на уникальную во всех отношениях *феноменологию гения Ломоносова*, интересного прежде всего тем, что в нём очень ярко и наглядно раскрывается *строение русского творческого духа*, — то, что мы и называем *русским гением*.

Более того, именно сейчас — в «смутное время» брожения нашего национального самосознания, находящегося под ожесточённым «артобстрелом» со стороны западной масс культуры, противной нашему духу и разрушающей наши исконные духовные ценности, — настало самое время крепко подумать и осознать всё то значение, которое имел для русской культуры, и ещё будет иметь для настоящего пробуждения «русского духа» сам *гений Ломоносова*. И в этом последнем мы видим *и назначение, и смысл этого нашего труда*.

Настоящая монография представляет собой первое в своём роде и оригинальное по существу философско-историческое и психолого-феноменологическое исследование творческой жизни Михаила Васильевича Ломоносова, имеющее *целью* системно представить *субстанциональные составляющие личности гения: волю Ломоносова к гениальности, творческий дар и назначение гения Ломоносова, его созидательно-творческий ум, человечность и стремление к идеалу совершенства*. Книга состоит из 7-ми глав, каждая из которых представляет, с одной стороны, самостоятельное исследование отдельных сторон творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия М. В. Ломоносова, рассмотренных с разных ракурсов, и высвечивающих интереснейшую *феноменологию становления человеческого гения на примере становления гения Ломоносова*. С другой стороны, все главы монографии объединяются единой идеей, полагающей *раскрыть деятельностно-смысловое и содержательное ядро (идею-эйдос) гениальности Ломоносова*.

Такой подход, — где во главу угла ставятся не отдельные виды (наука, поэзия, просвещение, общественная деятельность) или конкретные направления (физика, химия, металлургия, филология, история, география и др.) творческой деятельности М. В. Ломоносова, традиционный для большинства исследований, выполненных, в том числе, в рамках *ломоносоведения*, а *сама сущность человеческого гения*, явленная нам в самом гении Ломоносова, — позволил автору:

во-первых, *представить* феноменологию творческой жизни Михаила Васильевича Ломоносова в виде цельной, содержательной и красочной картины;

во-вторых, *рассмотреть гений Ломоносова* с породительно-объяснительной точки зрения;

в-третьих, *раскрыть* универсальную, созидательную и духовно-нравственную составляющие *гения Ломоносова*;

в-четвёртых, окончательно и фактически *показать*, что сам М. В. Ломоносов является *не только национальным русским гением*, но стоит на одной ступени с самыми выдающимися гениальными людьми человеческого рода;

в-пятых, *определить* смысл и значение *гения Ломоносова* в становлении и развитии российской культуры от времени его физической жизни и до наших дней.

В первом варианте эта книга была готова к печати в 2011 году — к 300-летию юбилею Михаила Васильевича. Однако, автор счёл подготовленный для печати материал ещё сырым и несовершенным и решил не издавать этот программный для своего научного творчества труд пять лет назад, хотя время для этого было более чем подходящее. Теперь, эта книга в значительно исправленном варианте выходит, наконец, из печати. Вместе с тем, автор считает, что такая грандиозная для нашего Отечества фигура как М. В. Ломоносов и его творческая жизнь неисчерпаемы как объект для истории гениальности

в России, ведь *русский гений*, олицетворяемый здесь в *образе личности гениального Ломоносова*, это как благоуханный и свежий родник, который никогда не пересыхает.

Для того, чтобы представить себе *уникальность творческой жизни и универсализм гения Ломоносова* нужно увидеть Михаила Васильевича в его каждодневных трудах. Нужно ясно увидеть, как он, будучи ещё отроком, восторженно поёт в церкви, а затем бойко объясняет убелённым сединами старцам непонятные места из церковных книг; как он запоем читает свои «Арифметику» и «Граматику», — книги, которые он сам назвал «вратами своей учености»; как он, обучаясь в Германии, внимательно слушает лекции профессора Хр. Вольфа и самозабвенно спорит с горным советником Генкелем; как он бежит от погони, дезертировав из прусской армии, куда его заманили обманом; как он самозабвенно произносит «Слово о пользе химии»* (указать год) для аудитории, составленной из самых просвещённых людей России, произносит так же, как читают стихи. Нужно ясно увидеть, как Михаил Васильевич Ломоносов в прожжённом кожаном фартуке орудует в своей химической лаборатории, выплавляя очередную порцию яркой разноцветной смальты для мозаичных картин; как он проводит опыты с электричеством или наблюдает через телескоп за движением небесных светил; как он, закусив перо, сочиняет очередную оду, сонет, поэму, или пишет уже не первую докладную, обосновывая необходимость организации первой в России химической лаборатории, или составляет проект организации первого Российского университета, или трудится над текстом одной из своих многочисленных диссертаций. И только тогда можно почувствовать дух этого удивительного человека, — *дух мыслителя, дух художника, дух создателя*. Нашего соотечественника! Одного из наших великих учителей, у которого нам, русским людям XXI века, действительно есть чему поучиться и действительно следует воспитаться на духовном опыте этой неизмеримо многогранной творческой жизни русского гения. <...>

Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда ещё не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

Михаил Васильевич Ломоносов

Мы, для кого русский язык является родным, не должны забывать о том, что богатству современного русского языка, его строю, глубине, содержанию мы во многом обязаны М. В. Ломоносову, о чём очень проникновенно говорил Н. В. Гоголь, а уж он, как никто другой знал толк в русском языке: «Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? <...> ... в его риторически составленных одах... восторг уже слышен... повсюду, где ни прикоснется он к чему-нибудь, близкому науколюбивой его душе. <...> В описаниях слышен взгляд скорее учёного натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта. Изумительнее всего то, что заключая стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в несеснённых берегах. Он у него свободнее и лучше в стихах, нежели в прозе, и недаром Ломоносова называют отцом нашей стихотворной речи. Изумительно то, что начинатель явился господином и законодателем языка. Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся расцвет. <...> ... он сам как бы первоначальный, пророческий набросок того, что впереди» [8, с. 143–144].

Замечательный русский поэт и талантливый литературный критик К. Н. Батюшков, с точки зрения которого именно любовь «зажигает пламенный» [2, с. 120] и тем уже одухотворяет гения, искренно, до глубины души чтит и очень понимал *гений Ломоносова*. В частности, в читанной Батюшковым «Речи о влиянии лёгкой поэзии на язык» (1816) он определяет Ломоносова как «исполина в науках и искусстве писать», как «великого образователя нашей словесности», как настоящего преобразователя «нового и необработанного» ещё русского языка: «Ломоносов преобразовал язык наш, созидая образцы во всех родах (эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзия, история, красноречие духовное и гражданское — С. Ч.). <...> Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвёл в свое время язык русский до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданской образованностью и людскостью» [3, с. 9–10].

В 1846 году известный впоследствии русский литературный критик К. С. Аксаков подготовил и защитил магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В своей работе Аксаков очень подробно проанализировал причины, которые заставили Ломоносова обратиться к строительству нового русского языка и вполне обоснованно показал ту роль, которую играл Ломоносов в создании современного русского языка, того языка на котором говорили и писали Державин, Пушкин, Гоголь, и продолжают говорить и писать современные люди. Причём, К. С. Аксаков считает творчество Ломоносова в создании нового русского языка и литературы *органическим продолжением коренных русских традиций*⁷ «Уже разрушилась национальная сфера языка; — пишет Аксаков, — он должен был перейти, как язык, в сферу общего; он требовал индивидуума, с которым только был возможен этот переход; индивидуум явился; этот индивидуум был Ломоносов. <...> Ломоносов понял современное состояние языка, он понял требования языка Русского, современное отношение языка церковно-Славянского к языку Русскому и значение первого для последнего; он понял всё это и новый язык явился. Ломоносов разрешил наконец эту странную смесь, признал за языком нашим право перенестись самому в высшую сферу, очистил его от странных славянизмов, и возвёл его в эту высшую область, постановив его языком, в котором может выражаться общее; в то же время он понял всегдашнее значение церковно-Славянского языка для Русского. Кончилась смесь, отделились славянизмы, сталкивающиеся с простонародными выражениями... Свободный от этой старинной примеси, от древних притязаний церковно-Славянского языка, вследствие коих вторгался он насильственно в язык Русский, Русский язык свободно вознесся в новую сферу, сферу *общего*. *Великое дело совершилось; язык преобразился*» (курсив наш — С.Ч.) [1, с. 329].

Установив свободные и разумные отношения между языком церковно-славянским и русским языком (теория «трех штилей»), *М. В. Ломоносов придал русскому языку непреходящее значение и обеспечил возведение и переход русского языка в высшую сферу, сферу общего*: «Отношение же это Русского языка к языку церковно-Славянскому есть... отношение истинное, существенное и потому непреходящее. Это отношение вечно, простирается и до нашего времени, и всегда будет существовать в нашем языке, слог. Ему обязаны мы чудными, изящными красотами слога письменного, при всей Русской национальности, выражающего общее. — Таким образом, освободив Русский язык, определив и установив отношение к церковно-Славянскому, Ломоносов, повторим, перенёс язык в сферу общего, язык, который после него уже принимал изящные формы под пером Пушкина и других, язык, которым мы теперь пишем и вечно писать будем, перед которым бесконечный ход развития, на пути им проходящим. Ломоносову мы за то обязаны» [1, с. 338–339].

Говоря иначе, именно М. В. Ломоносов придал русскому языку не национальное только, но настоящее мировое значение, заложив основания к тому, чтобы русский язык занял своё достойное место во всечеловеческой духовной культуре. Наряду с этим, Ломоносов начал огромную работу, определил пути и заложил прочные основания для того, чтобы этот новый, создаваемый им русский язык, получил возможность охватывать собою весь объём мировых знаний по всем возможным направлениям науки, образования и культуры и тем самым обеспечил последующее бурное развитие национальной русской науки и отечественного общего и профессионального образования. И этим мы действительно обязаны, прежде всего, Ломоносову.

Сам Михаил Васильевич, подчеркивая смысловую значимость и богатство русского языка, его настоящую красоту и внутреннюю силу, писал в предисловии к «Русской грамматике» (1755): «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострёт в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие

⁷ В этом же 1846 году, что и диссертация К. С. Аксакова, вышел из печати обзор В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», в которой автор оценивает роль Ломоносова как реформатора русского языка и литературы, полностью отказавшегося от прежней языковой архаики. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с противоположными оценками этих двух русских мыслителей относительно той роли, которую сыграл Ломоносов в истории русского языка и литературы.

ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сём видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать должны. Кто отчасу далее в нём углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [24, с. 391–392].

Надо сказать, что идею об исконном богатстве русского языка Ломоносов высказал ещё в 1739 году в одном из первых своих научных сочинениях «Письмо о правилах Российского стихотворства» (1739), где он, в частности писал: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не только бодростию и геройским звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но подобно оным, а себе купно природную и свойственную верификацию иметь может» [18, с. 13].

Из приведённых фрагментов мы ясно видим, с какой любовью говорит о русском языке Ломоносов, владевший, по меньшей мере, ещё девятью языками (церковно-славянский, латынь, древнегреческий, древнееврейский, немецкий, французский, итальянский, польский, английский). Так проникновенно и с таким знанием дела о русском языке в то время не говорил никто кроме Ломоносова, да и мало кто после него. Причём, Ломоносов не только доказывал соответствующее положение, но своими трудами всячески расширял как стилистические и грамматические возможности, так и содержание русского языка. В частности, в «Письме о правилах русского стихотворства»⁸ Ломоносов указывает следующие основные положения, которым он сам всегда будет следовать в своих поэтических и других литературных (включая научные) трудах:

- 1) того, что весьма несвойственно русскому языку, из других языков не вносить;
- 2) необходимо углублять «собственное и природное»;
- 3) следует «из других языков ничего неуютного не ввести, а хорошего не оставить».

Действительно, правы были те русские мыслители, писатели и учёные, которые считали именно Ломоносова не только зачинателем русской поэзии, но и настоящим создателем того строя и содержания русского языка на котором мы, люди XXI века, продолжаем изъясняться и по сей день. И первым на этом пути был А. С. Пушкин. В небольшой критической заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин, во-первых, раскрывает «неоспоримое превосходство» славяно-русского языка «перед всеми европейскими» [33, с. 27] и, во-вторых, утверждает выдающуюся роль М. В. Ломоносова в открытии «истинных источников нашего поэтического языка» [33, с. 29].

Приведём здесь соответствующий фрагмент из указанной работы А. С. Пушкина, имеющий важнейшее значение для понимания истории развития русского языка: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Просто-народное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.

Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? <...> Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенной собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских,

⁸ Как известно, «Письмо о правилах русского стихотворства» было направлено М. В. Ломоносовым из Германии в Петербургскую Академию наук в качестве предисловия к приложенной «Оде на взятие Хотина» в которой теоретические положения силлаботонического стихотворства были воплощены в талантливо выполненном образце. Вместе с «Письмом...» это был своеобразный творческий отчет Ломоносова о том, чего он достиг за годы обучения за границей.

немецких и французских слов. Сия мода распространяла своё влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов... наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка. <...> Слог его ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго ещё должны мы будем научиться стихотворному языку нашему...» [33, с. 27–30].

Нельзя также не вспомнить и о том, что именно М. В. Ломоносов был настоящим *создателем русского научно-технического языка*. В 1746 году в Петербурге была издана книга «Вольфианская экспериментальная физика», которую Ломоносов перевёл с латинского языка на русский. В латинском подлиннике эта книга представляла собой сокращённый перевод на латынь (выполненный Л. Ф. Тюмингом, 1725) немецкого трёхтомного труда Хр. Вольфа. При этом Ломоносов столкнулся с серьёзной задачей — сделать свой перевод терминологически понятным для русского читателя. Эта книга, — пишет Ломоносов, — «на латинском языке весьма кратко и тесно написана... Притом же сократитель сих опытов в некоторых местах писал весьма неясно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принуждён я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут» [15, с. 274]. Ломоносов в очередной раз возложил на себя глобальную и невероятную по сложности задачу: *понятно и просто, но при этом всеобъемлюще и строго излагать научные истины на русском языке*, — такую задачу, которую в то время в России не смог бы решить никто другой. При разработке научной терминологии Ломоносов держался следующих точно выраженных научных положений:

«а) чужестранные слова научные и термины надо переводить на русский язык;

б) оставлять непереуверенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение;

в) в этом случае придавать иностранному слову форму, наиболее родную русскому языку».

Известный советский исследователь, академик В. В. Данилевский, анализируя созидательную деятельность М. В. Ломоносова по строительству русского научно-технического языка, пишет: «...именно Ломоносов ввёл в обращение такие русские термины, которыми мы пользуемся ежедневно теперь, как, например: *трение тел, удельный вес, упругость, давление воздуха, законы движения, влажность воздуха, равновесие тел* и множество других. Изгоняя из русского языка всякие “оризонты”, “квадратуны”, “препорции” и другие искаженные, неуклюжие формы иностранных терминов, Ломоносов уверенно вводил такие общепринятые теперь иностранные термины, как: *горизонт, квадрат, пропорция, диаметр, сфера, парабола, горизонтальный и вертикальный, атмосфера, ареометр, барометр, градус, синус, секанс* и много других. В то время, когда страницы русской технической литературы были буквально испещрены неудачными иностранными терминами, Ломоносов изложил на великолепном русском языке совершенно четко, ясно, точно и просто свои труды, посвященные вопросам техники...» [10, с. 222–223].

При введении новых научно-технических терминов М. В. Ломоносов использовал исконное богатство общенародного словарного фонда русского языка, придавая словам и их сочетаниям, до него употреблявшимся в обиходном бытовом значении, новые, точные, терминологические значения. Таковы, например, термины *воздушный насос, законы движения, зажигательное стекло, земная ось, огнедышащая гора, преломление лучей, равновесие тел, удельный вес, магнитная стрелка, гашеная и негашеная известь, опыт, движение, наблюдение, явление, частица, кислота* и т. п. В свою очередь, оставляя ряд научно-технических терминов из числа заимствованных русским языком иностранных слов, Ломоносов «подчинил их русскому языку в отношении произношения и грамматической формы» [28]. Сюда относятся следующие термины: *горизонтальный, вертикальный, пропорция, минус, плюс, диаметр, радиус, квадрат, формула, сферический, атмосфера, барометр, горизонт, эклиптика, микроскоп, метеорология, оптика, периферия, сулема, эфир, селитра, поташ* и другие.

«Вместо излишних заимствований Ломоносов нередко вводил в круг наименований отвлеченных понятий и терминологии неологизмы, слова, созданные им самим, но образованные от основ, исконно

употреблявшихся как в русском, так и в других славянских языках. Например, до Ломоносова не было в нашем языке слова *окружность*, но хорошо известно было слово *круг*, от которого оно образовано; были глаголы *кружить*, *окружить*. В результате созданный Ломоносовым термин вытеснил из русского словоупотребления варваризм *циркумференция*, пришедший к нам из латинского через немецкий» [28].

Таким образом, именно М. В. Ломоносов явился не только создателем нового русского литературного языка, но и творцом русского научно-технического языка, которого до него в России просто не существовало. Вслед за Ломоносовым развитию и обогащению русской терминологической лексики в различных отраслях естественных и гуманитарных наук способствовали русские ученые, жившие в последующие десятилетия XVIII века, например, акад. И. И. Лепехин (1740–1802) — в области ботаники и зоологии; акад. Н. Я. Озерецковский (1750–1827) — в области географии и этнографии. Обогащение научной терминологии производилось этими учеными главным образом за счёт соответствующих русских названий видов животных, растений и т.п., употребительных в местных народных говорах. Таким образом, научная терминология русского языка, основание которой положил Ломоносов, продолжала развиваться и совершенствоваться в соответствии с тем подходом, который впервые применил сам его автор.

Вклад М. В. Ломоносова в создание современного русского литературного языка и русского научно-технического языка огромен в своей значимости:

определены нормы русского литературного языка, его элементы и формы языка;

намечен аналитический метод при изучении живого языка;

даны руководящие указания относительно сравнительного изучения славянских наречий;

в науку о языке введено представление о нём, как о живом явлении, или организме, рождающемся с мыслью и изменяющемся по известным законам, живущем, развивающемся и умирающим вместе с народом;

теоретически и практически положены основания для стилистического развития русской литературной (в том числе поэтической) речи;

заложены основы русского научно-технического языка и определены основания для его последующего развития. <...>

Читателям, хоть сколько-нибудь знакомым с биографией М. В. Ломоносова, хорошо известен его непреклонный характер и высочайшая требовательность при оценке трудов (когда дело касалось их научной чистоты и значимости) своих коллег по Академии или трудов иностранных учёных, независимо от научного или общественного авторитета последних. Достаточно вспомнить научные дискуссии Ломоносова с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации последнего «Происхождение имени и народа Российского» или его критические замечания относительно «Истории Российской империи», вышедшей из под пера Вальтера. Природа такого отношения проистекала не из желания в чём-то ущемить своих коллег или зарубежных авторов, насаждая при этом своё личное мнение, а из той *высочайшей научной ответственности* и той *глубокой любви к творчеству*, которые Ломоносов пронёс через всю свою жизнь.

Отсюда берет начало и *требовательность Ломоносова к своим собственным сочинениям*: «Ежели я тем утешаюсь, что мое имя в авторах народу станет известно, то не меньше и опасаться должен, чтоб оно навеки не осталось посмеянием» [17, с. 529]. А ещё ранее, в одном из своих писем Л. Эйлеру он высказывает следующее опасение: «хотя всё это мог бы я опубликовать, однако боюсь: может показаться, что даю ученому миру незрелый плод скороспелого ума, если выскажу многие новые взгляды, по большей части противоречащие принятым великими учёными» [19, с. 501]. Понятно поэтому, что он с не меньшей пристрастностью относился и к литературным трудам всех тех, кто когда-либо брался за перо, дабы донести свои мысли до читателей.

Ссылаясь на великих стихотворцев древности, М. В. говорил, что великие поэты, заслуживающие такого звания, потому и могут называться таковыми, что «они крайнего всегда ищут совершенства в том, что издают в свет» [17, с. 526], и искренне советовал современным ему авторам: «Итак, чтобы автором быть, должно учительским порядком от младых ногтей всему перво учиться и в науках пребыть до возрастных лет, а потом, ежели нужда, а не тщеславие позовёт издать что либо в свет учительное, готовым быть самому себе и ей во всё дать ответ», [17, с. 531]. В трудах Ломоносова относительно этого предмета можно найти немало по-настоящему пророческих суждений. Так, например, оценивая состояние литературы своего времени, он прозорливо отмечает: «настоящее время заставляет опасаться, чтоб число умножившихся ныне в свете авторов не завело в такую же темноту разум человеческий,

в каковой он находился от недостатку писателей разумных» [17, с. 517]. И в этом, как и во многих других вещах, Ломоносов не ошибся. Современная эпоха всеобщей образованности подтверждает его пророческие опасения, и нетрудно догадаться, какую бы душевную боль пережил наш гений, если бы он вдруг смог увидеть то состояние современной литературы, где авторов становится много больше, чем собственно тех, кто этих авторов читает.

Главную причину снижения качества литературных трудов М. В. Ломоносов видел в том, что «большинство пишущих» превратило «писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того, чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины» [21, с. 217]. В наше время, в век Интернета, когда явления плагиата в публицистике, в учебно-методической литературе и даже в «серьезных» научных исследованиях становятся общим местом, очень актуально звучат принципиальные требования Ломоносова к журналистам и критикам, которые променяют нравственные принципы правдивого, объективного и многократно выверенного изложения в угоду и в погоне за славой и выгодой. «Главным образом, — пишет Ломоносов, — пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем украсть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны названия книг, которые он терзает» [21, с. 231].

Как было бы прекрасно, если бы современные литераторы всех мастей, в несчетном количестве расплодившиеся в современном так называемом информационном обществе, прежде чем взяться за ответственный и ко многому обязывающий литературный труд, вначале научились бы относиться к своим писаниям так же требовательно, как относился к написанию своих трудов сам Ломоносов.

Следует обратить особое внимание на *язык и стиль научных сочинений М. В. Ломоносова*. Научные писания Ломоносова не только естественны и просты для понимания, но они ко всему прочему ещё и очень поэтичны. Если, например, внимательно рассмотреть речь М. В. Ломоносова «Слово о пользе химии» (1751), то мы поймем, что это не просто научный доклад и не сухая научная диссертация, понять которую способны лишь узкие специалисты, — это настоящая научная поэма в прозе. Здесь, в частности, автор говорит о том, что если химия при изучении «потаённых сокровищ природы» станет «через Геометрию вымеривать, через Механику развешивать, а через Оптику высматривать... то весьма вероятно, что она желаемых тайностей достигнет» [25, с. 10]. При этом, науки для Ломоносова — то же, что и люди, где каждая имеет свою «душу», свой «характер». Судите сами: *Геометрию* он называет «осторожной и догадливой», *Механику* — «точной и замысловатой», а *Оптику* — «проницательной» [25, с. 10]. *Химию* же он называет «руками математика» и «очами физическими» [25, с. 11].

И таких мест в сочинениях Ломоносова, когда сухие научные истины излагаются настоящим поэтическим языком, можно обнаружить немало. «Смутно пишут о том, — говорил Ломоносов, — что смутно себе представляют» [14, с. 145], а ему самому, как мы видим, удавалось и говорить и писать не только предельно ясно и понятно, но при этом красноречиво и живописно. Согласитесь, что такое, особенно при изложении научных материалов, мало кому по силам.

Научные и технические сочинения М. В. Ломоносова обязательно находили своего читателя. Вот только один из примеров. В 1763 году вышло из печати сочинение Ломоносова «Первые основания металлургии», и уже через несколько дней, по личному распоряжению императрицы Екатерины II, 100 экземпляров этой книги были отправлены на Алтайские металлургические заводы, через некоторое время ещё 100 экземпляров этого издания было разослано по другим заводам России, где «эта книга долгое время служила в качестве справочника и руководства, а в горно-промышленных школах использовалась как учебник» [37, с. 75].

Научные писания Ломоносова предельно естественны, ясны и просты для понимания, в них нет ни схематизма, ни искусственности, ни жесткой механистичности столь характерных для многих современных научных статей, диссертаций и монографий, но при этом писания Ломоносова не только не теряют, но и во многом выигрывают в сравнении с научными писаниями сегодняшнего дня. Гоголь верно подметил, что язык у Ломоносова «движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах» [8, 144].

Так, например, Ломоносов описывает протекание физических и химических процессов точно так, как каждый из нас смог бы описать, скажем, полёт бабочки, если бы удосужился внимательно понаблюдать за этим. При чтении Ломоносова, невольно возникает мысль: будто бы у него есть специальный «глаз», который позволяет ему разглядеть то, чего никогда не смогут реально наблюдать другие

люди, как правило, усваивающие закономерности протекания физико-химических процессов только через их описания посредством понятий. Складывается впечатление, что Ломоносов будто бы сам видит, как движется, вращается и бродит внутри физических тел вещество, проходя через многочисленные преобразования и производя на свет многообразные порождения. Ломоносов как бы чувствует реальную химию физического тела, а понятия порой даже начинают мешать ему, когда он вводит читателя или слушателя в курс открывающегося ему самому видения внутренней сущности природного мира.

Когда вчитываешься в писания Ломоносова, вслушиваешься в его Слова, вглядываешься в его текстом нарисованные картины, начинаешь, наконец, понимать, как всё-таки кардинально отличается то *нечто*, что *видит, познаёт и открывает* гений, от того, что *отражается в восприятии* обыкновенного человека. И тогда начинаешь понимать правоту Отто Вейнингера, который связывал гениальность с «универсальной апперцепцией», во многом определяющей и саму *универсальную природу человеческого гения*. Сущность гениальности Отто Вейninger видит в «универсальной апперцепции» — в таком свойстве гениального человека, которое другими словами можно определить как ответственное и вполне осознанное видение, «необъятное у гения» и позволяющее ему видеть, запоминать, перерабатывать и *синтезировать* в своем сознании много больше того, чем это доступно обыкновенному человеку. «У негениального человека мало таких моментов, которые из пестрого разнообразия соединились бы в нечто замкнутое, непрерывное, течение его жизни подобно ручейку. Жизнь гения — это могучий поток, в котором стекаются самые далекие воды, который с помощью универсальной апперцепции принимает в себя все отдельные моменты, не выбрасывая наружу ни одного» (*Вейнингер О. Пол и характер*).

Итак, вышесказанное со всей очевидностью определяет Михаила Васильевича Ломоносова как *самобытную гениальную личность первопроходца-созидателя, отражающего в своей творческой деятельности идеи благого, возвышенного и прекрасного*. <...>

Заслуги гения на поприще становления нашей национальной культуры, главной составляющей которой вне сомнения является сам Его величество русский язык, высоки, необозримы и направлены на созидание самой будущности нашей культуры. Александр Сергеевич Пушкин, которого также по праву считают создателем современного русского литературного языка, потому и велик, что он «стоял на плечах гигантов», первым из которых был Михаил Васильевич Ломоносов. <...>

...сделал больше четырех тысяч опытов, коих не только рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большей части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жесткую ножную болезнь.

Михаил Васильевич Ломоносов

В творческой деятельности любого гениального человека обязательно есть такое дело, которое сочетает в себе и несказанное счастье, и высочайшее напряжение мысли, и колоссальную творческую отдачу, но при этом несёт в себе глубочайшую и неизбывную трагедию недостижимого совершенства, которое одно только и способно насытить творческие запросы гения. Ведь гений в своей деятельности всегда стремится к совершенству, хотя и подозревает недостижимость этого.

Было и у Ломоносова такое дело которого он, несмотря на всю многогранность и разносторонность своей творческой деятельности, не оставлял всю последнюю треть своей жизни, не забывая однако при этом множества других своих дел, и которого он не бросил даже будучи уже смертельно больным. Дело это сам Михаил Васильевич назвал впоследствии «великим мозаичным делом» [31, с. 68]. Мозаичное дело, секреты которого были утрачены в России ещё со времён Киевской Руси, от самых от его начал — от производства многих тысяч оттенков цветных стекол до изготовления уникальных в своей цветовой гамме мозаичных картин, было возрождено Ломоносовым и доведено до такого уровня, что по словам Леонарда Эйлера «никто в Европе лучших успехов показать не может...».

Но прежде чем обратиться к анализу того «открытия» Ломоносова, которое так высоко оценил Леонард Эйлер и которое привело Ломоносова к созданию замечательных мозаичных картин, скажем несколько слов о тех событиях, которые предшествовали настоящему погружению Ломоносова в проблему света и цвета и разработку практических оснований для производства цветного стекла. Для этого нам предстоит вернуться к тем временам, когда Ломоносов только начинал трудиться в Петербургской Академии.

Первое задание, которое было поручено Михайло Ломоносову ещё до назначения его в должности адъюнкта Петербургской Академии Наук, состояло в приведении в порядок коллекции минералов, сваленных в беспорядке в академической кунсткамере. Дело это было выполнено Ломоносовым со всей необходимой тщательностью, но, надо полагать, не доставило ему особого удовольствия, поскольку не требовало никаких особых интеллектуальных и деятельных усилий, к которым он всегда целенаправленно стремился, так как только сложные, нетривиальные и глобальные задачи уже тогда только и влекли к себе *познавательно-ненасытную, деятельно-неутомимую, творчески-бурную натуру Ломоносова*. И потому параллельно с этими занятиями по классификации и разбору минералов, Ломоносов находит себе ещё десяток других интересных для себя дел, хотя и к основной, порученной ему деятельности, подходит с редкостной ответственностью и методичностью.

В краткий период с июня по декабрь 1741 года Ломоносов составляет на латинском языке «Элементы математической химии», — работу, которая впоследствии должна была быть преобразована в большой капитальный труд; на латинском же языке подготавливает диссертацию «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте»; начинает составлять на латинском языке «Заметки по физике и корпускулярной философии» (1741–1743), многие из которых войдут в его поздние работы по физике и химии; пишет на русском языке несколько стихотворных произведений и в том числе переводит с немецкого языка на русский язык оду Я. Я. Штелина, посвященную восшествию на престол императрицы Елизаветы. Таким образом, первые месяцы пребывания Ломоносова в Петербургской Академии Наук ознаменовались не только его стремительным вхождением в научную деятельность Академии, но и позволили показать себя знающим и способным учёным, а также ответственным и трудоспособным сотрудником. И, наконец, 8 января 1742 года Михайло Ломоносов был определен адъюнктом физического класса Академии Наук.

Есть люди, которые независимо от общественного положения, социального статуса и должности своей, одинаково значительны и авторитетны в глазах окружающих, потому как значимость их определяется не прошлыми заслугами, регалиями или статусом, а собственно их трудом и делами ими производимыми. Таким людям не нужны никакие дополнительные, подтверждающие их авторитет усилия, поскольку их труды и дела говорят сами за себя. Можно полагать, что адъюнкт Михайло Ломоносов очень быстро стал не менее заметной фигурой в императорской Академии Наук, чем были в ней иные профессора.

Не прошло и месяца со дня назначения Ломоносова на должность адъюнкта, как он подает в Академическую канцелярию «Прошение о необходимости организации химической лаборатории», но это Прошение осталось без ответа. Это, однако, не смущает Ломоносова, и в мае следующего 1743 года он вновь подает Прошение по тому же вопросу, в котором, в частности указывает: «И если бы в моей возможности было, чтобы мне, низжайшему, на моем коште лабораторию иметь и химические процессы в действие производить можно было, то бы я, низжайший, Академию Наук в том утруждать не дерзал. Но понеже от долговременного удержания заслуженного мною жалования в крайнюю скудость и почти в неоплатные долги пришел, для того не токмо лаборатории и к тому надлежащих инструментов и материалов завести мне невозможно, но с великою нуждою мое пропитание имею» [20, с. 9]. В ответ на это прошение последовал отказ: «отказать (потому), что за неимением при Академии денег, и за неподтверждением штата, по сему его доношению ничего сделать не можно» [5, с. 7].

Проходит ещё несколько лет. Имея уже звание профессора и статус академика, М. В. Ломоносов меняет свою тактику относительно организации химической лаборатории. Теперь он пытается заручиться поддержкой коллег и для этого делает доклад в Профессорском собрании Академии, и получает одобрение в своей инициативе постройки химической лаборатории. И прошение отправляется уже не в Канцелярию Академии, а непосредственно в Правительственный Сенат, где некоторым членам Сената имя Ломоносова уже знакомо и его академическая деятельность ими одобряется.

«Проект доношения в Сенат о постройке химической лаборатории» (1745) М. В. Ломоносов готовил собственноручно. Кроме него доношение подписали: Делиль, Гмелин, Вейтбрехт, Миллер, Леруа, Рихман и Тредьяковский. Подпись Ломоносова на этом документе стоит последней. «В ответ на отношение через полгода (1 июля 1746 года) последовал правительственный указ, в котором было приказано построить химическую лабораторию при Академии наук “по приложенному чертежу” в Петербурге, на Васильевском острове, неподалеку от Тучкова моста. Она находилась на расстоянии около 30 метров от дома, где жил Ломоносов, что давало возможность ему бывать в ней почти безотлучно (об этом

он высказал пожелание ещё ранее, до постройки лаборатории). Первый камень фундамента был заложен утром 3 августа 1748 года... и 12 октября того же года Ломоносов писал в Академическую канцелярию доношение о том, что лаборатория уже построена» [5, с. 9–10].

Между правительственным указом и началом строительства лаборатории прошло почти два года. В этой досадной затяжке сказалась рука Шумахера, взаимоотношения которого с Ломоносовым становились со временем всё более и более напряжёнными. Но несмотря на все препятствия, огромные трудности и противодействия Академической канцелярии в лице Шумахера, Ломоносов всё же добился своего — первая химическая лаборатория в России наконец заработала, а профессор химии Санкт-Петербургской Академии Наук, Михайло Ломоносов взял на себя функции одновременно и руководителя лаборатории, и лаборанта, и техника, и снабженца. Но это было Ломоносову не в тягость, скорее наоборот. Такое положение дел первое время вполне устраивало Ломоносова, ведь он был полный хозяин в лаборатории: сам организовывал свой рабочий день, который зачастую забирал и ночные часы; сам планировал и проводил свои эксперименты; ему никто не указывал что и как нужно делать, никто не вмешивался в его дела, чего Ломоносов очень и очень не любил. И это было настоящее счастье для такого страстного и вдохновленного исследователя, каковым и был по натуре М. В. Ломоносов. «Восторг внезапный ум пленил» — восклицает он в одном из своих стихотворений, и мы понимаем, что восторг открытия, так же как и мучительные поиски до поры прячущегося от исследователя ответа, очень хорошо были известны Ломоносову. Творческий труд полностью захватил его, и продукты его творчества не замедлили сказаться.

Здесь важно отметить, что «лаборатория Ломоносова была первой не только в России, но и во всем мире химической лабораторией, в которой научно-исследовательская работа гармонично сочеталась с учебной. На Западе первая лаборатория подобного типа была учреждена Юстусом Либихом (1803–1873) в 1824 г., т.е. более чем на 80 лет позднее» [30, с. 18]. Но это ещё не всё. Химическая лаборатория Ломоносова стала не только *производственным цехом по изготовлению цветного стекла*, но также настоящей *художественной мастерской*, где было положено начало созданию *мозаичных творений Ломоносова*.

Начиная с 1749 года, Михаил Васильевич производит «химические опыты, до крашения стёкол надлежащие» [22, с. 378] и погружается в физико-химические испытания, предпринятые для последующей разработки «теории новой о цветах» [22, с. 377]. Нет, Ломоносов не бросает всех своих бесчисленных забот: «я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю...» [19, с. 503]. Он продолжает всем этим заниматься и лишь по собственной инициативе прибавляет себе новое дело, которое, как и все остальные, будет стремиться довести до совершенства. «В течение трёх лет, — пишет М. В. Ломоносов в письме Леонарду Эйлеру (от 12 февраля 1754 г.), — я был весь погружён в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах. И труд мой оказался не бесплодным, так как кроме результатов, полученных мною при различных растворениях и осаждениях минералов, почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик» [19, с. 502]. Итак, выводы из своей «теории цветов» Ломоносов широко использовал для решения многочисленных практических задач, возникавших в процессе производства цветных смальт, которые шли на производство великолепных мозаичных картин.

Оценивая заслуги Ломоносова в производстве цветных смальт, Леонард Эйлер писал Ломоносову из Берлина 30 марта 1754 года следующее: «Omnino te digna sunt, quae de omnis generis Coloribus vitra inducendi es perscrutatus. Nostrī chymici hoc inventum maximi faciunt. — Достойное Вас дело есть, что Вы стеклу все возможные цветы дать можете. Здешние химики сие изобретение за великое дело почитают» [29, с. 96].

А вот ещё одна более поздняя оценка опытной деятельности Ломоносова со стеклом. Советский химик М. А. Безбородов (1952) в своей книге «М. В. Ломоносов — основоположник химии силикатов» справедливо указывает, что «даже в наше время, через два столетия после Ломоносова, редко какой научный работник, ведущий экспериментальную работу по стекольной технологии, сможет записать в своей биографии столь большое число опытных плавок» [5, с. 11]. Действительно, труды М. В. Ломоносова по химии цветного стекла поражают не только своими грандиозными результатами, но и тем огромным трудовым вкладом учёного в это своё любимейшее занятие, которое он сам впоследствии назовет «*великим мозаичным делом*» [31, с. 68]. Здесь следует отметить, что главное увлечение и великое дело

Ломоносова — работа с цветным стеклом имеет глубоко символическое значение, поскольку в средневековой алхимии стекло, по выражению великого алхимика XIII века Раймундуса Луллуса, есть «первый продукт философии химии». Не исключено, что Ломоносов, будучи энциклопедически образованным человеком, знал о той значимости, которая предавалась средневековыми алхимиками стеклу.

Само собой разумеется, что «упражнения» Ломоносова с цветным стеклом были естественным порождением его давних интересов о природе света и загадке порождению им цветовых эффектов, — те интересы, которые направляли исследователя к решению множества разнообразных научных задач. Первые неясные ещё мысли и настоящие эстетические переживания появились у Михайло ещё тогда, когда он, будучи отроком, наблюдал у себя на родине сполохи северного сияния, вызывавшие у мальчика настоящее восхищение этим прекрасным природным явлением; систематические научные наблюдения над северными сияниями Ломоносов начнет проводить в 1743, и эти наблюдения впоследствии будут положены в основу его рассуждений «о причинах северных сияний», где он отвечает уже на вопросы, поставленные им самим в своих стихах «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великаго северного сияния» (1743):

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мёрзлый пар
Среди зимы рождал пожар? [26, с. 33].

Ещё один пример. В 1741–1743 годах Ломоносов составил «276 заметок по физике и корпускулярной философии», которые являлись для него черновым материалом для целого ряда работ, выполненных после 1743 года. Так вот, 64 заметки из 276, т. е. каждая четвертая из них, непосредственно посвящены проблеме света и цвета. Забегая вперед, скажем, что эти несколько последних примеров раскрывают *универсальный характер гения Ломоносова*, когда наблюдения, мысли, события, впечатления разных лет, разнонаправленные творческие устремления и различные душевные переживания концентрируются в *цельном творческом акте гения, порождая новый оригинальный продукт*, который много позже потомки определяют как *гениальную идею* или как *гениальное творение*.

Сообщение о том, где, когда и как Ломоносову пришла в голову идея изготовления мозаичных картин, мы находим в записках Якоба Штелина, где приводится следующий факт, которому автор, по его собственному утверждению, «сам был свидетелем»: «...увидя в первый раз в жизни мозаичную работу — плачущего апостола Петра, — подаренною папою Климентом XIII графу Воронцову, пожелал он (Ломоносов — С.Ч.) тотчас произвести подобную работу и в России» [39, с. 58]. Уже немного зная и понимая характер Ломоносова, можно утверждать, что этот эпизод из записок Штелина вполне *соответствует гениальному характеру Ломоносова*. К этому есть два показания. Во-первых, вряд ли кто будет спорить с тем, что гениальные люди — это люди увлекающиеся и увлечённые, а увлеченность Ломоносова своими делами была настолько сильной и всепоглощающей, что ни одно препятствие не могло его остановить или заставить его сойти с того пути на который он уже стал однажды; во-вторых, то, что для человека обыкновенного может служить источником лишь кратковременных впечатлений или вообще пройдет мимо его сознания, для истинного гения может оказаться руководящей нитью к его последующим творческим изысканиям, могущим впоследствии привести к созданию действительно оригинальных продуктов личного творчества и даже к созданию гениальных произведений.

Творческие результаты гениальной идеи Ломоносова о производстве мозаичных картин не замедлили сказаться. Уже летом 1752 года Ломоносов заканчивает свой первый художественный труд — мозаичный образ Богородицы («Мадонна с Солимены») и уже 4 сентября преподносит его императрице Елизавете Петровне. Образ был принят ею с «оказанием удовольствия». В особом рапорте, представленном по сему случаю академической канцелярии, Ломоносов сообщал, что для выполнения этой небольшой мозаичной картины (размером 2 фута на 19 дюймов) «всех составных кусков поставлено больше 4000, все ево руками, а для изобретения составов делано 2184 опыта в стеклянной печи» [23, с. 47–49].

Итак, мы видим, что на то время Ломоносов разработал наиболее совершенную в мире технологию производства цветных стекол, а также сам в одиночку отлично справляется с работой как по изготовлению цветных стекол, так и в создании из них первых живописных мозаичных картин. Нет никаких оснований полагать, что до сентября 1752 года кто-либо содержательно, «головой» или «умелыми

руками» помогал Ломоносову в проектировании его химических опытов, в выплавке цветных смальт, а также в наборе его первых мозаичных картин.

Вместе с тем, мечтая о расширении мозаичного дела, М. В. Ломоносов набирает себе учеников. 24 сентября 1752 года академическая канцелярия разрешила Ломоносову самому выбрать двух лучших и наиболее способных учеников из Рисовальной палаты, состоявшей при Академии. К Ломоносову были определены необычайно даровитый юноша, сын матроса Матвей Васильев, которому едва исполнилось тогда шестнадцать лет, и сын мастерового придворной конторы Ефим Мельников, который был ещё моложе. Ломоносов в это время приступил к работе над мозаичным портретом Петра Великого и привлёк «к набиранию оногo портрета» и своих учеников, которых он самолично обучил мозаичному делу.

Для того, чтобы понять грандиозность задуманного и в одиночку реализованного Ломоносовым мозаичного дела, необходимо остановиться хотя бы в нескольких словах на самих его опытах по приготовлению цветных стекол.

Тот, кто когда-либо проводил научные опыты, результаты которых заранее не известны, хорошо поймёт тот творческий восторг Ломоносова, когда в итоге своих опытных плавок он получал всё новые и новые оттенки цветных смальт. А если научные опыты связаны с достаточной регулярностью и постоянным изменением исходных условий эксперимента, которые предполагают получение на выходе нового состояния ожидаемого продукта, то нетрудно представить то огромное по силе сосредоточенно-нетерпеливое состояние, которое охватывало Ломоносова всякий раз, когда он дожидался окончания процесса опытной плавки.

Эксперименты Ломоносова с цветным стеклом давали первооткрывателю-исследователю тот обширный эмпирический материал, который впоследствии требовал осмысления, систематизации, и, в свою очередь, стимулировал творческие усилия исследователя, а сам по себе процесс экспериментального научного исследования становился самостоятельной ценностью для творческого деятеля и требовал проведения всё новых и новых опытов. О чём говорит невероятное по числу количество опытных плавок, проведённых Ломоносовым в исключительно короткие сроки.

Результат, который первооткрыватель-исследователь получает на выходе каждого нового опыта, подчиняется *принципу случайности — необходимости*. Причём, удачный опыт — это настоящее счастье для исследователя, а неудачный — равносителен настоящей трагедии. *Творческий процесс опытного научного исследования и затягивает и изнуряет исследователя, рутина — ожесточает, новизна — окрыляет, а в этом противоречии и рождается открытие.*

К сожалению, сухие факты, заносимые исследователем в опытные протоколы, содержащие, как правило, количественные величины и качественные характеристики, не дают ответа на вопрос о тех мыслях, размышлениях и сомнениях, которые сопровождают каждый его опыт, но тем не менее они дают представление о содержании и результатах эмпирических исследований.

Информацию об невероятно интенсивной и многообразной деятельности Ломоносова, связанной с опытным получением цветных стёкол, мы можем почерпнуть из единственного сохранившегося лабораторного журнала за 1751 год, который собственноручно вёл сам исследователь. В этих записях поражает не только количество и разнообразие выполненных за короткий период опытных плавок, но, прежде всего то, как Ломоносов описывает полученные им составы.

Перед ним возникла очень серьёзная задача — *дать имена всем тем цветовым оттенкам*, которые он получал в своих опытах. Обратимся к записям из названного журнала. Записи составлены в виде таблицы из трёх столбцов. В первом из них экспериментатор указывал порядковый номер опыта, во втором, под названием «Смесь» он указывал используемые в опыте ингредиенты, а в третьем, поименованном как «Стекло», Ломоносов собственно указывал *цветовые оттенки* полученных в соответствующем опыте стекол.

Ниже приводятся примеры из этого уникального документа [16, с. 373–411]:

«Превосходное зелёное, травяного цвета, весьма похожее на настоящий изумруд»;

«Зелёное, приближающееся по цвету к аквамарину»;

«Превосходное сине-зелёного цвета»;

«Белое полупрозрачное, как кварц»;

«Полупрозрачное, тёмнозелёное, как лист крапивы» — при этом осадок: «тёмножёлтый»;

«Красивое берилловое» — при этом осадок: «Весьма красивый зелёный»;

«Очень похожее на превосходную бирюзу, но полупрозрачное» — при этом осадок: «травянисто-зелёный» и т.д

«Превосходное аквамаринное»;
«Серо-сине-зелёное»;
«Сине-зелёное» — при этом осадок: «превосходно жёлтый»;
«Светлозелёный»;
«Пепельный с пурпурным отливом»;
«Зеленовато-пепельный»;
«Превосходный светлозелёный»;
«Непрозрачное, лимонно-жёлтое, недостаточно чистое»;
«Полупрозрачное, светлое, травянисто-зелёное»
«Сверх превосходное, рубиновое, внизу хрустальное»;
«Полупрозрачное, светлое, сине-зелёное»;
«Отражающее лучи бледного цвета, пропускающее голубоватые лучи»;
«Бледнорыжеватое, полупрозрачное»;
«Прозрачное, чуть рыжеватое»;
«Хрустальное, чуть рыжеватое»;
«Превосходного мясного цвета»;
«Фиолетовое, прозрачное, густое, превосходное»;
«Хрустальное, отражающее жемчужные, пропускающее голубоватые лучи».
«Бурое с зёрнышками восстановленного золота»;
«Хрустальное».

Посмотрите, как любовно, эстетически тонко и, используя разные стороны видения, Ломоносов даёт имена полученным цветовым оттенкам. Примечательно, что он часто использует при этом такие слова как «красивый» и «превосходный». После этого трудно не признать наличия у Ломоносова предельно развитого и тонкого чувства художественного видения мира во всех многообразных его проявлениях, а последнее, как было показано в разд. I наст. Исследования, является одним из трёх атрибутов цельного образа личности гения: гений как художник, мыслитель и творец в одном лице.

Вместе с тем, в вопросе присвоения имен различным цветовым оттенкам у Ломоносова была соответствующая система, которая было изложена в его «Введении в истинную физическую химию» (1752): «Так как смешение простых цветов можно разнообразить почти до бесконечности, то получается почти бесконечное число сложных цветов, для обозначения и ясного различия которых, очевидно, не хватит ни названий, ни числа, ни меры. Поэтому при описании цветов химических тел, чтобы быть правильно и ясно понятым читателем, будем определять различные изменения качества цветов по сходству их с вещами постоянной окраски. Итак, чтобы прежде всего точно отличать простые и чистые цвета от других, мы будем называть красным тот цвет, который мы видим в крови, в лепестках гортензии, в шерсти, окрашенной кармином, в сурике; жёлтым — цвет, наблюдаемый в настое шафрана, в ромашках и лучшей охре; наконец, синим — цвет, присущий ясному небу, василькам и порошку краски ультрамарина, Итак, первый цвет мы зовём красным, кровавым или карминовым, второй — жёлтым и шафрановым, наконец, третий — голубым, васильковым, ультрамаринным» [13, с. 499–501].

Здесь мы видим, что даже в таком вопросе, как название цветов «химических тел», который для иного профессионального химика может показаться второстепенным, Ломоносов выступает как предельно ответственный, методически бесстрастный, но при этом предельно-увлечённый исследователь. Он понимал, что мелочей и второстепенных вещей в науке не бывает, что любая методическая ошибка или, хуже того, погрешность из-за нерадивости учёного, может обернуться значительными и долговременными заблуждениями. *Сам же М. В. всегда очень последовательно следовал принципу научной чистоты и обоснованности научных суждений.*

В октябре 1757 года Ломоносов подаёт челобитную императрице Елизавете с просьбой дать ему возможность «составлять мозаические живописные вещи для украшения казённых строений по даным оригиналам и рисункам за надёжную цену». В ответ на это прошение Елизавета распорядилась «освидетельствовать» мозаичные работы Ломоносова в собрании Академии художеств. И уже 4 ноября 1757 г. В Сенат было направлено соответствующее Заключение за подписью директора Академии художеств Я. Штелина о высокой оценке мозаичных работ Ломоносова:

«высокое качество мозаичных смальт: 1) “материя или цветные из стекла сделанные камни — хороши, способны и прочны”; 2) цвет стёкол устойчивый, “цвёты твёрдые и не линючие”; 3) палитра

цветных стёкол разнообразна — “разность цветов столь многочисленна, сколько во всякой живописной работе потребно быть может”;

высокое качество мозаичного набора: 1) “мастик или подмаска” т. е. масса, в которой устанавливаются смальты при наборе, “состоит из весьма доброй и чистой композиции”; 2) мозаичный набор отличается тщательностью пригонки соседних смальт и прочным укреплением их в мастике — “вставленные в неё стеклянные камни близко и помощью оной композиции так твёрдо укреплены, что ни малой опасности нет, чтоб раздаваться и выпадывать могли”;

высокое качество мозаичных картин — “мозаичная работа, по сему образцу в дело произведённая, с пользою и великолепием потреблена быть может к живописным всякого звания малым и большим изображениям в церквах, залах, садах, гротах и в прочих монументах”.

Собрание Академии художеств рекомендовало мозаичистам «упражняться в живописи красками, в практике смешивания и оттенивания красок и в искусстве пристойного положения свет и тени». Такие практические работы рекомендовались для освоения мозаичистами техники подбора тонов, доведения световых решений в смальтах “до совершенства» [9, с. 174]. Далее в заключении говорится: «Со удивлением признавать должно, что первые опыты такой мозаики без настоящих мастеров и без наставления в такое малое время далеко доведены, то Российскую империю поздравляем с тем, что между благополучными успехами наук и художеств... и сие благородное искусство изобретено и уже столь далеко произошло, что в самом Риме и других землях едва в несколько сот лет происходить могло».

Таким образом, мозаичное дело от самых от его начал — от производства многих тысяч оттенков цветных стекол (смальт) — до изготовления мозаичных картин, было совершенно самостоятельно возрождено Ломоносовым, который сам, без чьей либо помощи, не имея опыта ни в производстве цветных стёкол, ни в технологии смальтоварения, не имея никаких руководств и описаний, не имея возможности опираться на соответствующий зарубежный опыт, поскольку мозаичные мастерские Европы тщательно хранили свои секреты, в одиночку *создал не только отечественную технологию производства смальт и прозрачных цветных стёкол, но и разработал уникальную технику набора мозаичных картин.* И это всего за несколько лет, тогда как в Европе всё это потребовало нескольких столетий, о чём и говорится в Заключении собрания Академии художеств.

Факты упрямая вещь, а они как раз и подтверждают, что *Ломоносов, один, всего за несколько лет сделал то, на что европейским мозаичистам понадобились столетия.* Ломоносов получил несколько тысяч оттенков цветных стекол — смальт, и для того, чтобы понять всю грандиозность и масштабность этого труда следует сказать, что все европейские мозаичные мастерские того времени не смогли бы, даже сложившись, собрать такого количества оттенков. Действительно, смальты Ломоносова по общему признанию превосходили итальянские и по чистоте, и по яркости, и по своим красочным возможностям. Подтверждением тому служит и следующий замечательный факт: «В середине прошлого (девятнадцатого — С.Ч.) века, — сообщает Н. И. Сидоров, — в России работали крупнейшие мозаичисты — В. Рафаэли и Д. Бонафедде. По свидетельству известного специалистам по смальтам А. Т. Федорова, который сам принадлежал к Академии Художеств, ни указанным мастерам, ни их приемникам не удалось получить красные и зеленые мозаичные стекла Ломоносова. “неудачу итальянцев разделит и бывший императорский стеклянный завод”» [цит по: 4].

На сегодняшний день список мозаичных картин, выполненных Ломоносовым и его учениками, включает в себя 40 наименований [9], причём, М. В. Ломоносов не только «собственноручно выполнил такие мозаики, как “Мадонна с Солимены”, “Нерукотворный спас”, портрет Петра I» [9, с. 352], но и был первым и единственным учителем Матвея Васильева и Ефима Мельникова, ставших впоследствии «исполнителями основной массы мозаик, сделанных в Усть-Рудице» [9, с. 352] и по сути, первыми после Ломоносова выдающимися мозаичистами России.

В знак признания выдающихся достижений Ломоносова в работах с мозаикой, он избирается почётным членом Петербургской Академии художеств (1763), а уже в следующем году, по завершении мозаичной картины «Полтавская баталия» избирается почётным членом Болонской академии наук (1764). 12 марта 1764 года в «Учёных Флорентийских ведомостях» была опубликована статья, в которой сообщалось, что Ломоносов «приготовил все необходимые цвета для такой мозаики, которые, будучи сравнены с римскими, оказались не уступающими им ни в чём» [27, с. 136]. И, таким образом, *в Италии, бывшей тогда настоящей Меккой мозаичного мастерства, были признаны выдающиеся достижения Ломоносова, возродившего в России мозаичное искусство.*

Своими трудами в области создания мозаичных картин Ломоносов доказал, что *русский творческий дух склонен к творениям вечным* и утвердил этот тезис в своих мозаиках, которые «ветхой древности грызение не боятся». Благодаря Ломоносову и работам его учеников, мозаичное искусство уже в конце XIX — начале XX вв. смело вошло в арсенал русского художественного творчества и такие выдающиеся художники как Врубель и Нестеров отдали дань этому творческому художественному направлению. И сегодня мы, вспоминая Ломоносова, возродившему в России прекрасное мозаичное искусство, можем лицезреть лучшие образцы русской мозаики в наших музеях, соборах и храмах, например, в Троице-Сергиевской лавре (Сергиев-Посад), в Исаакиевском соборе, в Храме Спаса на крови (Санкт-Петербург).

Представленные здесь факты творческой жизни М. В. Ломоносова, его непревзойдённые достижения в изготовлении множества оттенков цветного стекла и создании на их основе мозаичных картин, со всей очевидностью свидетельствуют о его несомненном *художественном даровании, о его умении видеть и чувствовать прекрасное и на этой основе создавать уникальные художественные формы*, каковыми и явились его мозаичные картины. <...>

Выводы

1. Именно Ломоносов был *первым строителем, зачинателем и созидателем нового русского литературного языка*, того языка, на котором начали уже писать и говорить Державин и Батюшков, Пушкин и Баратынский, Тютчев и Гоголь, а позже И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский продолжили триумфальное шествие русского языка по всему миру. И это благодаря тому, что М. В. Ломоносов придал русскому языку не национальное только, но настоящее мировое значение, и русский язык в невиданно краткие сроки занял своё достойное место во всечеловеческой духовной культуре. «Русский язык свободно вознесся в новую сферу, сферу общего. Великое дело совершилось; язык преобразился» [1, с. 329]. Ломоносов первым определил пути, заложил прочные основания, сформулировал основные принципы для того, чтобы этот новый *русский литературный язык получил возможность охватывать собою весь объём мировых знаний по всем возможным направлениям науки, образования и культуры*. Тем самым именно *М. В. Ломоносов обеспечил последующее бурное развитие национальной русской науки и отечественного общего и профессионального образования*.

2. М. В. Ломоносов научил русскую науку говорить, и, что самое главное — мыслить на русском языке. Он по сути был *первым*, кто зачал русскую научную терминологию, такую терминологию, которая, с одной стороны, соответствовала европейской научной культуре, а с другой — самому строю и характеру русского языка. Разработал множество новых научных терминов, которые не противоречили внутренним смысловым и содержательным правилам русского языка и самому строю русского языка, и таким образом явился *творцом русского научно-технического языка, которого до него в России просто не существовало*. Он стал *первым* русским учёным, чьи научные труды начали издаваться в Европе на немецком, французском, английском языках, и первым русским учёным, кто заставил своих зарубежных коллег по настоящему считаться с достижениями русской науки. Более того,

3. Именно *Ломоносов явился первым представителем русской духовной культуры, чей универсальный гений был признан лучшими представителями европейского научного и культурного сообщества*. Опираясь на достижения мировой (прежде всего, европейской) науки, он *ввёл в русскую науку те принципы*, на которых она вначале сделала свои первые шаги, а затем крепко утвердилась и продолжала несокрушимо стоять и в XIX и в XX веках. Тем самым Ломоносов явился первым создателем *русской научной школы*, впоследствии родившей таких *русских научных гениев* как Лобачевский, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. И. Вернадский, имена которых навечно вошли не только в русскую, но и в мировую науку.

4. М. В. Ломоносов создал первую в России химическую лабораторию, которая явилась, по сути, первым в нашей стране научно-исследовательским экспериментальным центром по естественнонаучному направлению. По своей сути, Химическая лаборатория Ломоносова представляла собой первый в своём роде научно-учебно-производственный комплекс, явившейся таковым не только в России, но во всей Европе. Опираясь на авторскую технологию производства смальт, Ломоносов произвёл более четырёх тысяч оттенков цветного стекла, которые по разнообразию и частоте цветовых оттенков создали серьёзную конкуренцию соответствующим образцам, которые на тот момент могли предоставить все вместе взятые мозаичные мастерские Европы. Ломоносов возродил в России мозаичный художественный промысел, секреты которого были утеряны ещё со времён Киевской Руси.

Список литературы

1. *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. — Москва, в типографии Николая Степанова, 1846. — 517 с.
2. *Батюшков К. Н.* Две аллегории // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Издательство «Наука», 1977. — С.117–121.
3. *Батюшков К. Н.* Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей русской словесности» в Москве. Июля... 1816. // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Издательство «Наука», 1977. — С.8–19.
4. *Безбородов М. А.* М.В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.
5. *Безбородов М. А.* М.В. Ломоносов — основоположник химии силикатов. — Минск: Издательство АН БССР, 1952. — 23 с.
6. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства // Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. — С. 13–338.
7. *Биллярский.* Материалы для биографии Ломоносова / Собраны экстраординарным академиком Биллярским — СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1865.
8. *Гоголь Н. В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6: Избранные статьи и письма. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. — С. 141–184.
9. *Данилевский В. В.* Ломоносов и художественное стекло. М.-Л.: Издательство Наука, 1964. — 441 с.
10. *Данилевский В. В.* Ломоносов как техник // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. I. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. — С. 222–243.
11. *Лебедев Е. Н.* Ломоносов. — М.: Мол. Гвардия, 1990. — 602 с.
12. *Ломоносов М. В.:* pro et contra. — СПб.: РХГА, 2011. — 1120 с.
13. *Ломоносов М. В.* Введение в истинную физическую химию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 3: Труды по физике и химии, 1747–1752 гг. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — С. 481–577.
14. *Ломоносов М. В.* 276 заметок по физике и корпускулярной философии / Пер. Б. Н. Меншуткина // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 1: Труды по физике и химии, 1738–1746 гг. — М.; Л.: АН СССР, 1950. — С. 103–167.
15. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. Естественные науки и философия. — М.: Наука, 1986. — 536 с.
16. *Ломоносов М. В.* [Лабораторный журнал 1751 г. и лабораторные записки] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 2: Труды по физике и химии 1747–1752 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 371–438.
17. *Ломоносов М. В.* О качествах стихотворца рассуждение // Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. — С. 517–532.
18. *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 7–18.
19. *Ломоносов М. В.* Письмо Эйлеру Л., 12 февраля 1754 г. / Пер. Я. М. Боровского // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 500–503.
20. *Ломоносов М. В.* 1743 мая. Представление в академию Наук об учреждении химической лаборатории // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 10.
21. *Ломоносов М. В.* Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии / Пер. под редакцией Т. П. Кравца // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 3: Труды по физике и химии, 1753–1765. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — С. 217–232.
22. *Ломоносов М. В.* 1749 мая 8. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за январскую треть 1749 г. // Ломоносов М. В. ПСС. Т. 10. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 378.

23. *Ломоносов М. В.* 1750 января 19. Репорт президенту АН о назначении в Химическую лабораторию студентов // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг.* — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 47–49.
24. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг.* — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 389–578.
25. *Ломоносов М. В.* Слово первое о пользе химии // *Полное Собрание Сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений. Часть третья.* — В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук 1803 года. — С. 3–30.
26. *Ломоносов М. В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. Издание новое исправленное. Часть первая. — СПб.: Печатано в типографии Шнора, 1803.
27. *Лохоткин Г. А.* Ломоносов в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1981. — 240 с.
28. *Мешчерский Е. В.* История русского литературного языка. М., 2002.
29. *Пекарский П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к VIII тому записок Имп. Академии Наук. № 7. — Санктпетербург: В типографии Императорской Академии Наук, 1865.
30. *Погодин С. А.* Двухсотлетие лаборатории М. В. Ломоносова // *Химическая промышленность, 1948, № 10.*
31. Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова. Москва: Издание А. Вельтмана, 1840.
32. Протоколы канцелярии императорской Академии Наук. Т. II.
33. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 7: Критика и публицистика. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — 766 с.
34. *Райнов Т. И.* Русское естествознание второй половины XVIII в. и Ломоносов // *Ломоносов. Т. I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. С. 318–388.*
35. *Святополк-Мирский Д. П.* <Ломоносов> // *М. В. Ломоносов: pro et contra. СПб.: РХГА, 2011. — С. 246–249.*
36. *Сомов В. А.* Н.-Г. Леклерк о М. В. Ломоносове // *Ломоносов. Т. VIII. 1983. — С. 97–105.*
37. *Тюличев Д. В.* Прижизненные издания произведений Ломоносова // *Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. VIII. — Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1983. — С. 49–75.*
38. *Чернов С. В.* Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // *Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. № 7. Монографические исследования. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2016. — С. 7–96.*
39. *Штелин Я. Я.* Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным. 1783 г. // *М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Составитель Г. Е. Павлова. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. — С. 51–60.*
40. *Шубинский В. И.* Ломоносов: Всероссийский человек. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 471 с.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

М. А. Пекелис (Михаил Пластов)

БЕСПРИЮТНАЯ ФЛЕЙТА: О поэзии Арсения Тарковского

Аннотация. В 1983 году вышла в свет книга стихов Арсения Тарковского «Стихи разных лет». Фактически это была книга избранного. Первоначально данная статья предназначалась журналу «Юность», но было решено для журнала «Юность» заказать статью более маститому критику, а эту статью напечатать в журнале «Литературное обозрение». Завершилось всё тем, что статья не прошла цензуру. Полагаю, что это решение «Главлита» было продиктовано не отношением к автору статьи, не содержанием самой статьи и даже не попыткой замалчивания поэта. Вмешался Его Величество Случай. Совпали два события: смерть Леонида Ильича Брежнева и переход в финальную, драматическую стадию трёхлетнего, своевольного проживания Андрея Тарковского (сына поэта) в Италии. Статья болталась по столам цензоров до лета 1984 года и, когда Андрей Тарковский принял твёрдое решение остаться в Италии, была окончательно похоронена советской цензурой. Это не помешало автору подарить статью Арсению Тарковскому. Статья ему понравилась, и он подарил мне на память свою книгу с очень доброй и теплой надписью. Так что эта статья выходит впервые, через 33 года после её написания.

Ключевые слова: поэзия, Арсений Тарковский, творческий путь, военная лирика, философская лирика, любовная лирика, человек, творец, вечная жизнь, мифология.

М. А. Pekelis (Michael Plastov)

Homeless flute: about Arseny Tarkovsky's poetry

Review. In 1983 the book of verses of Arseny Tarkovsky «Verses of different years» was published. Actually it was the book of the electee. Originally this article intended to the Yunost magazine, but was decided to order for the Yunost magazine article to more venerable critic, and to print this article in the Literary Review magazine. Everything came to the end with the fact that article did not pass censorship. I believe that this decision of Glavlit was dictated not by the attitude towards the author of article, not contents of the article and even not attempt of concealment of the poet. Its Majesty Case had intervened. Two events coincided: Leonid Brezhnev's death and transition to a final, drama stage of three years', willful residence of Andrey Tarkovsky (son of the poet) in Italy. Article dangled on tables of censors till summer of 1984 and when Andrey Tarkovsky made the firm decision to remain in Italy, was finally buried by the Soviet censorship. It did not prevent the author to present article to Arseny Tarkovsky. Article was pleasant to it, and he gave to me as keepsake the book with very kind and warm inscription. So this article appears for the first time, in 33 years after its writing.

Keywords: poetry, Arseny Tarkovsky, career, military lyrics, philosophical lyrics, love lyrics, person, creator, eternal life, mythology.

О разум мой! Смотри, как схож я с ним:
Мои же мысли, на меня бросаясь,
Несут мне смерть, рвя в клочья и вгрызаясь.
Джордано Бруно

Путь Арсения Тарковского в литературе начался задолго до выхода в свет первой книги его стихов, на стихи он начал писать ещё, будучи десятилетним мальчишкой:

Первое стихотворенье
Сочинял я как в бреду:
«Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье!»
Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

Первая поэтическая публикация Арсения Тарковского относится к 1926 году. А далее переводы, переводы, переводы и устоявшаяся репутация тонкого знатока поэзии, философии и культуры Востока. Это явлено, а в самом поэте мучительная раздвоенность между собственным, суверенным голосом и многоголосием иных, чужих поэтических миров.

Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Однако, и теперь это ясно со всей очевидностью, Арсений Тарковский — переводчик не только не заслонил собой Арсения Тарковского — поэта, но и обогатил его. Первая же книга стихов Арсения Тарковского поражала своим жанровым и тематическим разнообразием, свободным владением всемирной историей и мифологией. Называлась эта книга «Гость и звезда», и появилась она более чем через тридцать лет после начала творческого пути.

Своеобразен и многолик был поэтический мир Арсения Тарковского. Исторические персонажи свободно соседствовали рядом с нашими современниками, библейские легенды переплетались с былями Великой Отечественной.

Странник, бредущий по бескрайней степи, довольствующийся малой краюхой чёрного хлеба да глотком родниковой воды, и Комитас, для которого «стоит в багровых звёздах Кривда Страшного суда». Блудный сын, для которого итогом всех исканий станет возвращение к «родным могилам», и «седой, полуслепой, полуживой» Анжело Секки, сходящий «по ступеням обветшалым» «...к небытию, во прах...», и тут же, рядом, на расстоянии одного поэтического выдоха — колхозник, прощающийся с родными перед уходом на фронт, беженец, замерзающий на обочине зимней военной дороги, и боец, дремлющий в теплушке...

Творчество Арсения Тарковского тотчас же стало объектом острой критической полемики. Рядом с его именем зазвучали имена крупнейших поэтов 20-х годов — Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой. И дело здесь было не в том, что Арсений Тарковский посвятил А. А. Ахматовой свои стихотворения — «Рукопись», «Жизнь меня к похоронам...», а М. И. Цветаевой — «Стирка белья», «Как двадцать два года тому назад», «Через двадцать два года». И не в том, что Арсений Тарковский написал поэтический портрет О. Э. Мандельштама — «Поэт», — а в том, и исключительно в том, что Тарковский из этой генерации поэтов, он чувствует глубокое родство с ними. Можно привести ряд примеров поэтической переключки. Скажем, строфа из стихотворения «Комитас»: «И опять Айя-Софии камень ходит предо мной, и земля ступни босые обжигает мне золой...». Она не только по звуку и рисунку близка поэтике Мандельштама, но и родственна ей. Случайно ли это внутреннее родство? Мне представляется, что нет. Степень этого родства, выявление путей преемственности и границ суверенности поэзии Арсения Тарковского до такой степени стали «яблоком критического раздора», что в существовании самого «яблока» сомневаться не приходится...

Формирование Тарковского как личности и его творческой индивидуальности совпало с эпохой великого перелома миропорядка, коренного изменения судеб не только отдельных людей, но и народов, государств, всего человечества. Естественно, этот видимый невооружённым глазом перелом повлёк за собой и другой, менее заметный, но для художника не менее существенный, перелом в сознании. Без понимания того, что Тарковский был свидетелем рождения Нового Мира, что называется, «посетил сей мир в его минуты роковые», любое исследование его творчества представляется неполным. Роды такого рода (прошу прощения за невольную тавтологию) не могут не быть крайне болезненными, не могут не оставить свой след в мировоззрении и миропонимании каждого значительного художника:

За гекзаметр в холодном вокзале,
 Где жила молодая свобода,
 Мне военные люди давали
 Чёрный хлеб двадцать первого года.
 Значит, шёл я по верной дороге,
 По кремнистой дороге поэта,
 И неправда, что Пан козлоногий
 До меня ещё сгинул со света.
 Босиком, но в будённовском шлеме,
 Верен той же аттической теме,
 Я блуждал без копейки в кармане.

Мифические персонажи в стихах Тарковского, как и всякое внедрение мифологической ткани в полотно исторической и бытовой конкретики, служат мостиком, перекинутым из быта в Бытие, из исторической зарисовки в пространства Истории. В таких стихах, как «Новоселье», «Ахилл», «Телец», «Орион», «Большой пёс», «Эсхил», этот приём используется особенно полно и явно.

С другой стороны, в творчестве Арсения Тарковского достаточно произведений, в которых его гражданская позиция выражена предельно чётко, без каких-либо мифических иносказаний. Строка «...после чего отжимки можно отдать на кухню людям» из поваренной книги Е. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», вышедшей в 1911 году, вызывает у поэта чувство настоящей ярости, классовой ненависти к буржуазному миру слуг и господ:

Где ты, писательница малосольная,
 Молоховец, холуйка малахольная,
 Блаженство десятипудовых туш
 Владетелей десяти тысяч душ?
 В каком раю? Чистилище? Мучилище?
 Костедробилище? А где твои лещи
 Со спаржей в зеве? Раки бордолез?
 Омары крез? Имперский майонез?
 Кому ты с институтскими ужимками
 Советуешь стерляжьими отжимками
 Парадный опрозрачивать бульон,
 Чтоб золотом он стал, как миллион,
 Отжимки слугам скармливать, чтоб ведали,
 Чем нынче наниматели обедали?

Так и только так может реагировать на кодекс буржуазного мещанства, на молоховецкие выверты поэт Арсений Тарковский — сын народовольца, сосланного царской охранкой в Елизаветград.

И несомненно, что именно это же чувство, наряду с глубочайшим патриотизмом, вновь появляется в стихах Арсения Тарковского, когда он, боец Великой Отечественной, пишет о ненавистном враге:

Вы нашей земли не считаете раем,
 А краем пшеничным, чужим караваем.
 Штыком вы отрезали лучшую треть,
 Мы намертво знаем, за что умираем, —
 Мы землю родную у вас отбираем,
 А вам — за ворованный хлеб — умереть.

Стихи, посвящённые военной поре, занимают в книгах Тарковского немалое место. Война в его стихах предстаёт не картинами боя, атаки, обороны или фронтового быта, а как бы чуть со стороны, чуть смещённо в пространстве и во времени. В пространстве — это всегда немного или чуть в стороне

от переднего края, во времени — или незадолго до войны, или в промежутке между боями, но всегда с неизгладимой метой войны — беды, несчастья.

Стихотворение «Проводы»: «Вытрет губы, наденет шинель и, не глядя, жену поцелует»; описание дороги на фронт в теплушке: «Мне б из этого рая никуда не глядеть, с темнотой засыпая, ничего не хотеть — ни дороги попятной, разорённой войной, ни туда, ни обратно, ни на фронт, ни домой, — но торопит, рыдая, песня стольких разлук»; разорённые войной деревни: «На чёрной трубе погорелого дома орёл отдыхает в безлюдной степи»; фронтовая дорога к новому бою: «Под этим снегом трупы ещё лежат вокруг, и в воздухе морозном застыли взмахи рук»; это беженцы на зимних, тыловых дорогах войны: «Я ноги отморожу на ветру, я беженец, я никому не нужен»; это полевой госпиталь и картина операции, показанная со скупой точностью, кинематографически крупным планом: «Стол повернули к свету. Я лежал вниз головой, как мясо на весах, душа моя на нитке колотилась, и видел я себя со стороны». Во времени — это всегда тягучее, изматывающее ожидание грозных событий.

Лирический герой Тарковского военной поры — это человек в пору своего духовного расцвета, выхваченный из мирной, устоявшейся жизни, зрелый, если так можно выразиться, сформировавшийся, оставивший в тылу глубокие корни и ощущающий с ними постоянное родство, наделённый немалым жизненным опытом, осознающий сердцем и умом, за что он воюет и с кем.

Одна из особенностей стихов Тарковского о войне в том, что он выводит на дороги войны как бы целый ряд персонажей — беженца, слепого, бойца, раненого, проживает вместе с ними самые страшные моменты их жизни. Тарковскому свойственно не часто встречающееся в поэзии умение полного перевоплощения в описываемого человека, восприятие его характера, психологии, поведения, речи. Стихи «Беженец», «Охота» написаны от первого лица, но присутствие собственно лирического героя Арсения Тарковского проявляется в интонации стиха, сострадании горю, желании разделить беду. Тарковский всей силой веры в преображающее чудо поэзии хочет «вернуть в до-войны, предупредить, кого убить должны!», и невозможность свершения такого чуда наяву воспринимается им как трагедия: «Я говорю — не слушают, не слышат».

Такое мироощущение вообще очень характерно для Арсения Тарковского.

Особое место в творчестве Тарковского занимает философская и любовная лирика. Её понимание и осмысление возможны только в рамках выявления структурно-типологических черт в духовной истории человечества, выявлении как единого, непрерывного целого мирового историко-литературного процесса. Причём «при сопоставлении далёких (хронологически и этнически) литературных явлений филологические черты будут более обнажены, чем при сопоставлении близких» (Ю. М. Лотман).

Видимо, следуя этому принципу, в статье, посвящённой творчеству Арсения Тарковского, один из критиков метафорически назвал отношения поэта и мира средневековыми, отношениями «сюзерена и вассала, владыки и прихожанина, Прекрасной дамой рыцарских признаний и странствующего стихослагателя», то есть отношениями раз и навсегда закреплённой иерархии сфер (такие отношения соответствуют только официальной средневековой философской концепции. Хотелось бы отметить, что кроме неё существует и ряд других концепций средневековой традиции, средневекового мира, например, «карнавальная» М. М. Бахтина, «изнаночного мира» Д. С. Лихачева). Сам посыл к средневековой традиции представляется плодотворным, но его интерпретация по отношению к лирическому творчеству Арсения Тарковского нуждается в уточнении.

Если уж рассматривать исторические аналоги и параллели, то наибольший интерес, как мне представляется, имеет эпоха перелома официального средневекового видения мира, эпоха позднего Ренессанса. Именно тогда человек осмелился увидеть себя, а не Бога, в центре мироздания. Именно тогда он осознал, что мир приблизился к нему предельно. Вместо хрустальных звёзд на небесной сфере — Вселенная. И вся бесконечность мироздания, которая открывается прямо за порогом его дома. К этому Космосу, открываемому эпохой Возрождения, прибавился на пороге XX века и Космос Атома, и Космос Социума. Человек осознал себя не только творцом Вселенной, но и творцом Всемирной Истории и творцом своей личности.

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий.
Передо мною мириады звёзд.
Я между ними лёг во весь свой рост —

Два берега связующее море,
 Два космоса соединивший мост.
 Я Нестор, летописец мезозоя,
 Времён грядущих я Иеремия,
 Держа в руках часы и календарь,
 Я в будущее втянут, как Россия,
 И прошлое клянусь, как нищий царь.
 Я больше мертвецов о смерти знаю,
 Я из живого самое живое.
 И — боже мой! — какой-то мотылёк,
 Как девочка, смеётся надо мною,
 Как золотого шёлка лоскуток.

Интересно, как неожиданно сближается в этом стихотворении Арсений Тарковский с таким, казалось бы, противоположным ему по поэтике художником, как Эдуардас Межелайтис, который в одном из программных своих стихов восклицает: «В шар земной упираясь ногами, солнца шар я несусь на плечах...» Настоящая поэзия не может, не имеет права пройти мимо того исторического факта, что человек нашего времени, в отличие от человека Возрождения, перешагнул порог, отделяющий его от Вселенной, вышел в Космос. И лирический герой Тарковского — составная, неотъемлемая часть Вселенной и Истории, он — «связующее море», «соединивший» микро- и макрокосмос, прошлое и будущее. Это очевидно, но гораздо важнее, что уже внутри этой гармонии, в сосуществовании с ней, показана трагическая коллизия, намечена драма лирического героя: «мотылёк, как девочка, смеётся надо мною» (то есть над ним). В поэзии Тарковского слова не только скреплены, плотно спрессованы своим глубинным светом, но и сопряжены своим глубоким смыслом. Попробуем разобраться в смысле этого столь простого по внешнему рисунку перечисления: мотылёк, девочка, смех. Здесь ничто не случайно: ни мотылёк, ни девочка, ни смех. Вспомним ещё одно признание лирического героя Тарковского. Непосредственно перед стихотворением «Посредине мира» идёт стихотворение «Малютка жизнь» (имеется в виду сборник «Стихи разных лет»), в котором герой Тарковского говорит: «И я из обитателей углов, похожий на Раскольников с виду. Как скрипку, я держу свою обиду». А герой Достоевского «не просто ощущает свою причастность к мирозданию, по мысли и воле автора он, этот герой, ответственен за вселенский порядок вещей». Судьба мироздания составляет его личную боль и муку. Это любимая мысль Достоевского — мысль о всемирном болении. Тарковский сознательно пользуется одним из приёмов Достоевского, с помощью которого тот воплощает образ мироздания — соотносит бесконечно большое абстрактное понятие с бесконечно малой бытовой деталью. Достоевский превратил это сопоставление в свою знаменитую антитезу «Вселенская гармония» — «слезинка ребёнка». Тарковский развивает и реконструирует её: «Вселенская гармония» — «Смех ребёнка», но более того, в этой реконструкции Тарковский делает ещё один шаг — «Вселенская гармония» — «Смех букашки», ибо, «как девочка, смеётся мотылёк», то есть ничтожная былинка мироздания, хрупкая и недолговечная. Она часть гармонии мира, смертная, как сам человек! В сопряжении «Бессмертие — Мотылёк» гармония мира рушится и возникает мотив вселенской дисгармонии и отношения к ней. Только Человек гармонизирует Вселенную. Только в его сознании, усилием его воли, разума и чувства, она возникает. Но как сохранить эту гармонию, этот «сгусток воли», эту песню «бесприютной флейты» в бесконечности Времени? Как противостоять Времени и Небытию? Как обрести бессмертие? И если противостоять им возможно, то какой ценой? Случается, что лирический герой просто констатирует неизбежность расплаты за любую попытку создания индивидуальной, личной гармонии, по созданию замкнутого, «домашнего» рая. Так происходит в знаменитом стихотворении Тарковского «Первые свидания». Гармонический мир, преображённый любовью: «Свиданий наших каждое мгновение мы праздновали, как богоявление, одни на целом свете»; «Сама ложилась мята нам под ноги, и птицам было с нами по дороге, и рыбы поднимались по реке, и небо развернулось пред глазами...» — рушится: «...Судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке». Чего только не находят критики в этой концовке! И «тоскливую пошлость», и «высшую ноту, поднимающую стихотворение на новый уровень», забывая, что такая концовка заложена заранее и намеренно уже в самом начале стиха. «Одни на свете», но ведь влюблённые не одни! Более того, как верно кем-то сказано: «Жизнь — трагедия, конец известен». У «сумасшедшей

судьбы» не может быть цели. Она не выбирает, она слепа. Кстати, в своей любовной лирике Тарковский постоянно выводит на авансцену лирического героя, который взывает к образу, навеки утраченной, огнятой смертью возлюбленной.

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни мила, но мало,
Так мало на земле жила.

Об этом стихи «Перед листопадом» и «Мне в чёрный день приснился...», «Отнятая у меня ночами» и др. Образ в поэзии не нов. О гибели любимого человека писали крупнейшие мировые лирики. И характерно, что эти стихи, тоже написанные в годы социальных потрясений, всегда выходили за рамки чистой лирики, ибо «time is out of joint» — «Век вывихнул сустав» (Шекспир) — и это очевидно, а потому лирический герой не констатирует дисгармоничность мироздания, но пытается поэтически осмыслить пути к гармонии, то есть к бессмертию. Вот, например, как сплетаются идеи бессмертия человека, как части человечества:

Не надо мне числа: Я был, и есмь, и буду.
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берёт ребёнка на колени.

Но бессмертие возможно и как «вечная жизнь» в благодарной памяти человечества:

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто ещё не рождён,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Наконец, речь идёт и о бессмертии души:

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.
Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,
И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою.

Уже само обилие различных проговариваемых лирическим героем вариантов бессмертия настораживает. Более того, лирический герой к некоторым путям преодоления смертного порога возвращается многократно: «Мне моего бессмертия довольно, чтоб кровь моя из века в век текла», «Смерть позорна, как страсть», «На свете смерти нет. Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо бояться смерти...» Столь же интенсивно лирический герой высказывается о неизбежности смерти: «Я жить хочу, и умереть боюсь», «Малютка жизнь, дыши, ... Не отпускай меня вниз головой в пространство мировое, шаровое!», «...судьба моя и за могилой днём творенья, как почва, прогрета», «Как веселья последнюю треть раздарить и легко умереть», и так далее. На протяжении всего сборника лирический герой Арсения Тарковского постоянно задаёт сам себе и окружающим вопросы, из которых явствует, что он не уверен, есть бессмертие или нет: «А если это ложь, а если это сказка, и если не лицо, а гипсовая маска глядит из-под земли на каждого из нас...» или «А сколько мне в чаше обид и труда и после сладчайшей из чаш — никуда?» и т.д. Мало этого, он смеётся над самим собой: «Душе грешно без тела, как телу без сорочки, — ни помысла, ни дела, ни замысла, ни строчки». Что же это такое?

У лирического героя Арсения Тарковского происходит напряжённый страстный диалог с самим собой. Ему свойственна непрерывная попытка взгляда на самого себя со стороны, попытка самосознания. И такая попытка проявляется через поэтическую рефлексю. Эта рефлексия способствует размыванию контуров личности лирического героя. Он как бы расслаивается и, наконец, расщепляется в собственном самосознании. Проявляется несколько лирических героев? Или рождается столь присущий опять же эпохе «великих переломов» неоднозначный, полифонический лирический герой?

Такой лирический герой последнее время появляется не у одного Арсения Тарковского, но это требует специального исследования и выходит за рамки данных заметок.

Путь Арсения Тарковского в литературе начался не сегодня и закончится не завтра. Настоящий художник всегда «вечности заложник у времени в плену». У нашего сложного, богатого величайшими событиями времени поэт, по его собственным словам: «должник, а не истец». Такие мужественные слова свойство тех, кто возвращает свой долг сторицей. «Слово поэта — его дело», — говорил Блок. Светится и пульсирует, переливается красками радуги слово Арсения Тарковского — ступок воли, разума и чувства.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

Ю.В. Лемешева

Я ВАШ ПОЭТ. ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые факты творческой биографии В. Маяковского. Особое внимание уделено его повальнй, угловатой, незащитной любвице. Она была больше его, и это удивительное и жуткое чувство, взрывающее все его стихи изнутри, вызывает особый интерес в судьбе поэта.

Ключевые слова: поэзия, Владимир Маяковский, творчество, футуризм, аллюзия, аллитерация, жизнь, одиночество, любвице, гениальный лирик.

Yu. V. Lemesheva

I am your poet. V. Mayakovsky

Review. The article describes some facts of the creative biography of V. Mayakovsky. Special attention is paid to his general, angular, defenseless love. It was more him, both surprising and terrible feeling which is blowing up all its verses from within attracts particular interest in destiny of the poet.

Keywords: poetry, Vladimir Mayakovsky, creativity, futurism, hint, alliteration, life, loneliness, love, ingenious lyric poet.

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Маяковский — творческая личность XX века, который создал множество своеобразных поэтических произведений, новатор в области стихосложения. При его абсолютном слухе в части фонетики стиха он виртуозно использует аллитерации. Его особый художественный стиль, внимание к ритму стихотворения, своеобразные рифмовки, использование новых слов — все это отличает поэзию В.В. Маяковского от традиционной лирики.

Личность Маяковского — феномен сложнейший и загадочный. Театрализация, карнавализация Маяковского, ярко проявившиеся в его раннем творчестве, интересно проинтерпретирована Е. Эткиндром, как утверждение косвенного высказывания, что, однако, вступает в противоречие с установкой Маяковского на прямое высказывание, показывает противоречивость его творческой личности. Психологическую подоплеку карнавальности и «масочности» в ранней поэзии Маяковского можно определить словами Ф. Ницше как «нежелание быть распятым». Значимость категории творческой личности обусловлена в случае с Маяковским и эстетикой футуризма, и обусловленность эта также носит парадоксальный характер: «Прямолинейный формализм литературного символа веры русских футуристов неизбежно влек их поэзию к антитезе формализма — к «непрожеванному крику» души, к беззащитной искренности», — писал Р. Якобсон [7].

Владимир Маяковский, при унаследованных от отца-лесничего крупно вылепленных чертах лица и огромном росте, сохранял в своей пластике что-то от переростка, так и не научившись как следует

владеть своим телом. Нечто размашисто-щенячье было в его манере поведения. Вероятно, поэтому ему так подошла кличка Щен, которой он подписывал послания к Лиле Брик. Пройдет ещё не один год до того, как он, начав зарабатывать на своих стихах и великолепных новаторских идеях рекламиста, превратится в артистичного, элегантного, одетого соответственно своему уретральному рангу вождя молодого человека и отправится покорять мир [10]. «Маяковский воспринимал мир, действительность, предметы, людей очень остро, я бы даже сказала — гиперболочно. Но острота его зрения, хотя была очень индивидуальна, в отличие от Пастернака, не была оторвана от представлений, мыслей, ассоциаций других людей, очень общедоступна. У Маяковского все сравнения очень неожиданны, а вместе с тем понимаешь — это именно твоё определение, твоё ассоциация, только ты не додумывалась, не умела обозначить именно так мысль, предмет, действие... А сами его определения так яркие и остры, что понимаешь: это именно так, иначе и быть не может». Так его описывала Полонская в своих воспоминаниях [6].

«Я — поэт. Этим и интересен», — сказал Маяковский. Но, как выяснилось с годами, это оказалось не так. Сегодня нас интересует Маяковский не только поэт и гражданин, но «человек просто», с его силой и растерянностью, взглядами и поступками, пристрастиями и неприятностями — словом, неповторимость личности. Мемуары современниц интересны именно психологическим рисунком образа Маяковского, выявлением тех черт характера, которые проявлялись в его отношениях с женщинами. Любовные увлечения поэта, отраженные в некоторых воспоминаниях, помогут читателю узнать новое о нем, раскроют его со стороны, доселе неизвестной и подчас неожиданной. Какие-то его поступки и разговоры хотя и не льстят поэту, но делают его облик живым, снимая хрестоматийный глянец. Впрочем, таких «неблаговидных» абзацев, к счастью, немного. Как правило, его вспоминают с любовью, уважением, подчас с преклонением [2].

Жизнь Маяковского — пожар всемирного масштаба. Владимир Владимирович вообще был масштабным человеком. Напор, с которым он подходил к женщинам, пугал их.

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

Поэт всегда ищет «свою музу». Ей он посвящает свои достижения, к ее ногам складывает свои победы, ради нее участвует в турнирах, пусть даже литературных. Это очень точно понимала Лиля Брик, держа вдохновение поэта на коротком поводке. Остальным женщинам этого сделать не удавалось, может быть, за исключением его первой — той, которой начинающий поэт был отвергнут [10].

*Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?*

Маяковский знакомится с Бриками в июле 1915 года. Познакомила их младшая сестра Лили — Эльза. Он читал в тот вечер «Облако в штанах». Читал ее так, что все слушали, затаив дыхание. А он «жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями». Лили пишет в своих воспоминаниях: «Мы обалдели. Это было то, что мы так давно ждали. Последнее время ничего не могли читать. Вся поэзия казалась никчемной — писали не так и не про то, а тут и так, и про то..» [9].

Пришла —
деловито, за рыком,
за ростом, взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла, отобрала сердце
и просто пошла играть —
как девочка мячиком.

После первого прочтения стихов все и случилось. Брики отнеслись к его творчеству восторженно, назвали «невиданным чудом», тут же Владимир Маяковский полюбил Лилю Юрьевну, «ослепительную царицу евреев». Вскоре Маяковский переезжает к Брикам. Брик был начитан, знал языки, точно чувствовал конъюнктуру, сам сочинял художественные произведения. В рукописях любых стихов Маяковского нет ни одной запятой. С 1916 года все знаки препинания расставляются Бриком. Он принимал участие во всех замыслах Маяковского. Несомненно, это был деловой союз, основанный на взаимовыгодных обстоятельствах. Так что можно сделать вывод о том, что не только любовь к Лиле Юрьевне вынуждала Маяковского дружить с Осипом Максимовичем. Если Маяковский и ревновал, то лишь в самом начале их знакомства. Потом Осип стал для жены другом, и эта роль его устраивала. Видимо, поэтому Маяковский мог так долго и ровно дружить с соперником. Сама же Лиля Юрьевна на полях какой-то рукописи напишет: «Физически О. М. не был моим мужем с 1916 г., а В. В. — с 1925 г.» [4].

Жизнь втроем совершенно не смущала Бриков, да и самого поэта. По взаимной договоренности они продолжали оставаться семьей даже после того, как Лиле наскучила любовь Володи и она пустилась в свободное плавание в поисках очередной любви. И все же есть все основания полагать, что звезда по имени Владимир Маяковский была зажжена Лилей Брик [10].

Маяковский носит кольцо с инициалами, подаренное Лилей. Он, в свою очередь, дарит ей кольцо с выгравированными инициалами «Л. Ю. Б.». Монограмма читается как бесконечное «люблюлюблюлюблюлюблюлюблю» [4].

Сложная любовь Маяковского и Брик не раз подвергалась испытаниям, однако лишь к ней чувство поэта было безмерным вне времени и событий. На самом деле, трагедия «треугольника» заключалась в том, что Маяковский любил Лилю, которая по-настоящему не могла любить никого, кроме своего мужа. Осип Максимович же, по-видимому, ее не любил. Отсюда постоянная смена поклонников у Брик, суэта, вечная смена развлечений, обеды, премьеры, вернисажи, желание везде успеть первой. Как оказалось, все это лишь средство заполнить ту пустоту, которую не смог заполнить равнодушный к ней человек [4].

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было, было в Одессе.
— «Приду в четыре»,
— сказала Мария.
— Восемь.
Девять.
Десять...

Девушка, сама одаренная талантами от природы, скорее всего, почувствовала, что, оказавшись рядом с Маяковским, ее собственной творческой реализации придет конец. Она должна будет раствориться в поэте. Мария Денисова, вдохновившая Маяковского на «Облако в штанах», оставив мужа-инженера Василий Строев, стала ученицей известного скульптора С. Коненкова, а впоследствии и сама известным скульптором. Второй муж Марии Александровны, Ефим Афанасьевич Щаденко — член Реввоенсовета Первой конной армии. Он ей запрещал Денисовой заниматься скульптурой. В 1944 году Мария Денисова-Щаденко при невыясненных обстоятельствах покончит жизнь самоубийством, выбросившись вниз с десятого этажа [10].

В. В. Маяковский вошел в литературу как участник футуристических выступлений, и отношение критики к нему в первые годы его творчества неотделимо от отношения к футуризму в целом, которое было негативным. Заглавия статей о футуристах говорят сами за себя: «Клоуны в литературе», «Рыцари

ослиного хвоста», «Вечер скоморохов», «Спектакль футуристов: Кто сумасшедшие — футуристы или публика?» [3]. Однако после появления первых футуристических сборников вдумчивые наблюдатели литературной жизни сделали попытки рассмотреть футуризм и его представителей как новое явление в литературе и поэзии. Футуризм у поэта являлся не только частью искусства — он был общественным поведением, освобождением от норм в широком масштабе.

Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

Если бы не футуристы с их идеей обновления, вероятно, не было бы современной техники, автомобилей, зарождавшейся авиации, электроники и первого полета человека в космос. Игра слов и звуков, простота геометрических фигур и неприязнательность цветовой гаммы картин-плакатов являлись для футуристов неотъемлемыми инструментами разрушения всего старого и омертвело, что все ещё сохранялось и удерживалось в искусстве и жизни анальной фазы развития. Футуристы стали первыми, кто вынес поэзию из интимных кабинетов в многотысячные залы, эпатажным и даже подчас вульгарным поведением раздавая «пощечины общественному вкусу» [10].

Следует обратить внимание на тот факт, что как поэт и деятель искусства, являвшийся основателем и руководителем литературных групп (ЛЕФ, НОВЫЙ ЛЕФ, РЕФ) В.В. Маяковский со временем «перерастал» пределы этих течений. Большинство современников это видело и понимало, не случайно на многие совещания, проводимые по вопросам искусства и литературы, которые проводились в 1920-е годы различными руководящими организациями, Маяковского приглашали индивидуально, без указания представляемой им группировки [4]. Маяковский восторженно принял русскую революцию. Намаившись с царской цензурой, изрядно сокращавшей его стихи и поэмы, готовящиеся к изданию, Владимир Владимирович — первоклассный оратор, участвуя в митингах, во весь голос заявлял о том, что теперь искусство свободно от политики и «отделено от государства». Успех окрыляет Владимира Маяковского, и он продолжает экспансию в другие виды искусства: театр и кинематограф. Протест его героя против окружающей буржуазной действительности становится все более социально осмысленным. От гневно-презрительных «Нате!» и «Вам!» он переходит к всесторонней критике современности. Программным произведением в дооктябрьском творчестве Маяковского стала поэматетраптих «Облако в штанах» (1914–1915), идейный смысл которой сам поэт определил как лозунговое «Долой вашу любовь! Долой ваш строй! Долой ваше искусство! Долой вашу религию!». К этому тут же прибавился ещё клич — «Долой вашу войну!»: начавшаяся мировая война, прославленная ура-патриотами, усилила процесс отчуждения поэта в мире торгашества и насилия [10].

Сложная любовь Маяковского и Брик не раз подвергалась испытаниям, однако лишь к ней чувство поэта было безмерным вне времени и событий. На самом деле трагедия «треугольника» заключалась в том, что Маяковский любил Лиллю, которая по-настоящему не могла любить никого, кроме своего мужа. Осип Максимович же, по-видимому, ее не любил. Отсюда постоянная смена поклонников у Брик, суета, вечная смена развлечений, обеды, премьеры, вернисажи, желание везде успеть первой. Как оказалось, все это лишь средство заполнить ту пустоту, которую не смог заполнить равнодушный к ней человек [4].

Иван Бунин писал, что Осип Брик «человек чрезвычайно умный и проницательный, он не мог не понимать: вряд ли из нее получится хорошая жена. К тому времени, когда на Лиллю обрушилась любовь Маяковского, она уже давно успела потерять супружескую добродетель, о чем Осип прекрасно знал. К этой женщине его привязывало совсем другое. По собственному признанию Брика, его восхищала в ней безумная жажда жизни, он нуждался в ее редкой способности превращать будни в праздник. Кроме того, Осипа с Лилей объединяла и общая страсть: оба они увлеченно коллекционировали таланты, чувствуя в человеке божий дар так же безошибочно, как хорошая гончая — нужный след» [10].

Никто не сомневается в любви Маяковского к Лиле Брик, хотя их отношения были крайне сложными. Начались с посвящения ей поэмы, на которую его вдохновила другая женщина, а закончились знаменитой фразой «Лиля, люби меня!» в предсмертной записке. Лиля Брик, поклонница идеи свободной любви, была для Маяковского первой и единственной женщиной. Все же остальные «проходили» на ее фоне и при ее заботливом участии (!). Несмотря на бунтарский образ «горлана-главаря», поэт всю жизнь любил и ревновал ее. Отношения самой Брик к Маяковскому носили более прагматичный характер. Она считала, что «страдать Володе полезно, он помучается и напишет хорошие стихи». Уже в старости Лиля Брик потрясла Андрея Вознесенского таким признанием: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал». Через несколько лет после смерти поэта молодые люди удивленно переспрашивали: «Маяковский? А кто такой Маяковский?» И Брик сделала невозможное: она написала письмо Сталину, добилась, чтобы вождь его прочитал и наложил резолюцию: «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» [11].

1924 год переломным в отношениях между Маяковским и Лилей Брик.

*Как говорят инцидент исчерпан
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчёте
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.*

Осень Маяковский провел в Париже, а в мае 1925 года снова поехал во Францию, а оттуда в Мексику и США. Эта поездка была самая дальняя и длительная в его жизни. Маяковский провел за границей ровно полгода. В Нью Йорке Маяковский знакомится с Элли Джонс, которая летом 1926 года родила от него дочь [9].

О романе Маяковского с Элли Джонс было известно немногим; сам Маяковский не делал из этого тайны, но и не афишировал. Такие были времена, что писать о личном было не принято, особенно о личных связях с иностранцами. И не поощрялось, и опасно [2].

В 1925 году отношения Маяковского с Лилей Брик становятся чисто дружескими. Тем не менее, они до конца жизни (его) бережно заботятся друг о друге.

Кто смог понять незаурядность этой женщины, тот сразу же попадал под ее почти безраздельную власть. Помимо безукоризненного вкуса она обладала поразительным чутьем на все новое и талантливое. К ней на суд приносили свои стихи Слуцкий и Вознесенский, она безошибочно угадала в молодой дебютантке великую балерину Майю Плисецкую, с первых же слов поняла феномен Параджанова. Умерла она восьмидесятишестилетней старухой, покончив с собой из-за несчастной любви [4].

Роман с Яковлевой у Маяковского начался в Париже 25 октября 1928 года. Он уже слышал об эlegantной русской парижанке и давно мечтал познакомиться.

Они сошлись мгновенно, и об их отношениях сразу же стало известно в ближайшем окружении поэта. Да они и не скрывали, появлялись везде вместе, и люди на улице оборачивались им вслед. Это была действительно красивая пара, Маяковский — высокий, могучий, большой, Татьяна — тоже красавица, стройная, под стать ему [4].

«Письмо Татьяне Яковлевой» — любовное послание к женщине, по силе и накалу страсти сопоставимое с шедевром его ранней лирики: «Лиличка. Вместо письма».

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи...

Посвящая стихи своей новой музе, читает их публично, не показав предварительно их Лиле Брик, что до этого никогда не делал:

Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

«Иди сюда, иди на перекресток» — подсознательно это обращено уже и к Парижу, который он собирается «взять». Вот откуда это, как будто не совсем уместное в выяснении отношений с любимой женщиной, урбанистическое «перекресток».

В жизни он ещё на что-то надеялся. Перед возвращением в Москву оставил в цветочном магазине деньги, чтобы после его отъезда Татьяне каждый день посылали цветы. Из Москвы засыпал ее письмами, в которых рисовал их будущую совместную жизнь. Но он уже понял: дело безнадежное. Никогда он ее не «возьмет». Ни одну, ни — тем более! — «вдвоем с Парижем» [8].

Татьяна выходит замуж за французского дворянина, а Маяковский, не ожидая такого предательства с ее стороны, огорченный и расстроенный, ищет утешения в объятиях другой женщины, необыкновенным образом похожей на Татьяну Яковлеву. Соответственно, через судьбу Маяковского в последний год его жизни прошла ещё одна женщина. Злые языки утверждали, что познакомили их Брики. Жена актера МХАТа Михаила Яншина Вероника (Нора) Полонская благосклонно принимала ухаживания Владимира Владимировича, не относясь к этой связи слишком серьезно. Об их близких отношениях сплетничала вся Москва. И только Михаил Михайлович Яншин этого не замечал и называл Маяковского самым джентльменистым [10].

Маяковский так переживает после замужества Татьяны, что тут же требует от Полонской узаконить их отношения. Маяковский становится одержимым, то он клянется ей в вечной любви, то угрожает, оскорбляет, мучает и ее, и себя. Он лихорадочно мечется в поисках выхода из этой ловушки, везде чуются ему насмешки, враждебность, унижение, да ещё постоянно болеет гриппом.

Маяковский теперь совершенно больной человек, и не временно больной, а больной всегда, постоянно, находящийся на грани безумия. Его состояние стремительно ухудшается: резкая смена настроений, навязчивая мысль о самоубийстве, вечные занудливые придирки ко всем окружающим. Последним толчком в принятии окончательного решения мог послужить отказ Полонской бросить театр и мужа [4].

Появился страх, что уже нечего ждать от жизни.

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.

Были и другие увлечения, дружбы в жизни поэта. И хотя они не оставили заметного следа в его душе, кто знает, как повлияли эти отношения на творчество, опыт, характер Маяковского. Софья Шамардина,

Маруся Бурлюк, Наталья Рябова, Галина Катанян. Все они оставили воспоминания и записи о Владимире Маяковском [4].

Любовь для Маяковского была зарождением смысла жизни. К сожалению, поэт не успел убедиться в своем счастье столь совершенно, так и не пережив свои неприятности. Люди часто забывают, что жизнь — всегда нечто больше любых противоречий, в которые можно попасть.

Неужели мы можем оценить полноту счастья, если неизвестно, что ждет нас впереди.

«Ураган, огонь, вода
подступают в ропоте.
Кто сумеет совладать?
Можете? Попробуйте»...

В 1935 году, после резолюции Сталина на письме Л. Ю. Брик, начался период мифологизации творчества поэта, многие стороны творчества Маяковского, которые не соответствовали идеологии, не принимались во внимание. Так, по идеологическим причинам в советском литературоведении не рассматривался объективно вопрос «Маяковский и русский футуризм», поскольку весь авангард, начиная с 1930-х годов у нас в стране, был объявлен продуктом упадка и разложения буржуазного общества. Маяковский воспринимался как политический поэт, воспевавший советскую власть и коммунистическую партию. Особое внимание при изучении творчества поэта уделялось социальным мотивам [5].

Начиная с 1950-х годов, творчество поэта становится объектом научного анализа, о творчестве Маяковского издаются статьи, монографии, защищаются кандидатские и докторские диссертации, которые заложили фундамент отечественного маяковедения. В названный период времени поднимаются проблемы периодизации творчества поэта, возникают споры при определении жанра (лирика, эпос или лирический эпос), направления (романтизм или реализм), проблематики творчества (тема раздвоения, бунт или что-то иное) [5].

Настоящий Маяковский — гениальный лирик, с огромной силой выразивший трагедию человеческого существования, неприкаянность, одиночество человека, затерянного в необъятных просторах холодной, необжитой вселенной. Сомневался, нужен ли он людям?

Какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?

Бенедикт Сарнов хорошо сказал однажды: «Но на самом деле людям нужен, жизненно необходим этот пламень падучей звезды, время от времени прорезающий непроглядную тьму беспросветной вселенской ночи. Зачем-то она нужна нам — поэзия, эта пресволочнейшая штуковина, из-за которой во веки веков люди мучаются, страдают, влюбляются, стреляются, которую сколько ни убивай, как ни борись с ней, как ни наступай ей на горло, а она — существует, и ни в зуб ногой!» [8].

Маяковский прожил короткую жизнь, но он оставил потомкам такое громадное наследство, которого хватит ещё на многие поколения. Ему его творчеством удалось схватить нерв современности, найти самые главные слова и формы их выражения, в которых нуждались, нуждаются и будут нуждаться люди всей планеты [10]. Маяковский навсегда остается нужным, необходимым, сегодняшним.

Список литературы

1. *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. — СПб, 2000. С. 213.
2. *Ватанян В.* Современницы о Маяковском. http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0220.shtml
3. *Дядичева В. Н.* В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. — СПб, РХГА, 2006.
4. *Карпова И.* Чужие женщины Маяковского, или в поисках идеала, которого нет // Студенческий меридиан: Публицистический, научно-популярный и литературно-художественный иллюстрированный журнал. 2003, № 7. — С. 59–63.
5. *Покотыло М. В.* Маяковский. Судьба поэта: особенности восприятия творчества поэта. <http://jurnal.org/articles/2010/fill20.html>
6. *Полонская В.* Воспоминания о В. Маяковском. Серебряный век. Мемуары. М., 1990.
7. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М., 1997. 5/ Эткинд Е. Г. Там, внутри // Эткинд Е. Г. Психопэтика. СПб, 2005. С. 511–568.
8. *Сарнов Б.* Заодно с гением. М, НО «Издательский центр «Москвоведение», 2014. — С. 447.
9. *Смординская М.* Маяковский и Брик. — М: Алгоритм, 2014. — С. 286.
10. *Фронцек С.* Владимир Маяковский. <http://www.yburlan.ru/biblioteka/vladimir-mayakovskii-chast-pervaya>
11. *Шувалов А.* <http://www.psyh.ru/rubric/7/articles/645/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, заместитель председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России, шеф-редактор журнала «Философская школа».

ГУРЕВИЧ Павел Семёнович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение».

ЛЕМЕШЕВА Юлия Витальевна — ассистент кафедры психологии и педагогической антропологии Института Непрерывного Профессионального Образования.

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, председатель редакционного совета журнала «Философская школа».

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, заместитель главного редактора журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение».

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств.

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, главный редактор журнала «Философская школа».

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования.

ШИЛЬНОВ Александр Александрович — кандидат географических наук, заведующий кафедрой общей физической географии и специальных исторических дисциплин Института Непрерывного Профессионального Образования.

ABOUT THE AUTHORS

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophy, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union.

GUREVICH Pavel — Doctor of Philosophy, Doctor of Philology, professor, chief researcher in department of history of anthropological studies of Institute of philosophy in Russian Academy of Sciences, chief editor in such magazines as «Philosophy and Culture», «Psychology and psycho-technics», «Philology: scientific research», «Pedagogy and education».

LEMESHEVA Yulia — assistant of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology of Institute of Continuous Professional Education

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Doctor of Philosophy, Doctor of Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences.

SPIROVA Elvira — Doctor of Philosophie, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences.

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophy, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts.

CHERNOV Sergey — Doctor of Philosophy, PhD in Pedagogy, professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology.

SHAPOVALOV Vladimir — Doctor of Pedagogy, PhD in Psychology, professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education.

SHILNOV Alexander — PhD in Geography, the head of Department of General Physical Geography and Special Historical Disciplines of Institute of Continuous Professional Education.

Научное издание
ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА
№ 1 2017

Научно-практический журнал

Автономная некоммерческая организация науки
и дополнительного профессионального образования
Институт Непрерывного Профессионального Образования

Шеф-редактор: С. С. Антипов
Председатель редакционного совета: М. А. Пекелис
Главный редактор: С. В. Чернов
Заместитель главного редактора: В. А. Шейкин

**Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования**
115093, Россия, Москва, 1-й Щипковский переулок, д. 20
Тел. +7 (499) 130-12-27; +7 (909) 640-91-17;
e-mail: rectorate@institutNPO.ru
www.institutNPO.ru

